

ДОКТОРЪ

ФРАНЦИСКЪ СКОРИНА

ЕГО ПЕРЕВОДЫ, ПЕЧАТНЫЯ ИЗДАНИЯ И ЯЗЫКЪ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

П. В. ВЛАДИМИРОВА

MDCCCLXXXVIII

~~09~~
~~02213~~

1965 г.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
(Вас. О., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе. — Обзоръ литературы предмета СТРАН.
I—XXVI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Скорина, его печатныя изданія и переводы.

ГЛАВА I.

1. Общее состояніе нравственно-религіозной и умственной жизни въ юго-западной Россіи въ XV—XVI вѣкахъ. — Упадокъ духовенства и значеніе мірянъ, братствъ въ нравственно-религіозномъ и умственномъ развитіи. — Обзоръ церковно-славянской письменности въ юго-западной Россіи съ конца XIV до половины XVI вѣка и вопросъ о народномъ «русскомъ» языкѣ въ XVI вѣкѣ. — Отношенія юго-западной Россіи къ умственному развитію западной Европы и отличительныя черты главныхъ направленій 1— 43
2. Скудость біографическихъ свѣдѣній о докторѣ Францискѣ Скоринѣ. — Отношенія его къ западной Россіи. — Направленіе его образованія и дѣятельности въ Прагѣ въ связи съ состояніемъ краковскаго университета и чешскаго книгопечатанія. — Вопросъ о прекращеніи издательской и типографской дѣятельности Скорины 43— 67

ГЛАВА II.

СТРАН.

1. Пражскія изданія Скорины въ типографскомъ отношеніи. — Предшествующія церковно-славянскія изданія. — Типографскія особенности пражскихъ изданій Скорины. — Заключение о ихъ происхожденіи 68— 82
2. Пражская Псалтирь 1517 года. — Предсловіе къ ней и отношеніе ея къ церковно-славянскимъ псалтирямъ. — Редакція текста пражской Псалтири и исправленія въ ней по чешской библии. — Отношеніе пражской Псалтири къ остальнымъ библейскимъ книгамъ, изданнымъ Скориною въ Прагѣ 82— 99
3. Библейскія «книжки», изданныя Скориною въ Прагѣ, въ переводѣ на «русскій языкъ»: Бѣллыя Руска. — Содержаніе предсловій Скорины. — Отношеніе перевода Скорины къ печатной чешской библии 1506 года и къ церковно-славянскимъ текстамъ. — Особенности перевода Скорины. — Заключение о переводѣ 100—172

ГЛАВА III.

1. Виленскія изданія Скорины въ типографскомъ отношеніи. — Церковно-славянскія изданія въ Венеціи. — Типографскія особенности виленскихъ изданій Скорины 173—178
2. Апостоль, изданный Скориною въ Вильнѣ, въ 1525 году. — Отношеніе его къ церковно-славянскимъ текстамъ апостола. — Связь Апостола Скорины съ предшествующими его трудами. — Отношеніе Апостола Скорины къ чешской библии 178—189
3. Малая подорожная книжица. — Отношеніе ея къ церковно-славянскимъ псалтирямъ съ возслѣдованіемъ. — Особенности изданія Скорины. — Отношеніе Малой подорожной книжицы къ предшествующимъ трудамъ Скорины 189—200

ГЛАВА IV.

СТРАН.

1. Вліяніе изданій Скорины на дальнѣйшія славянскія и русскія изданія въ типографскомъ отношеніи и въ отношеніи къ редакціи текста. — Псалтири 1570, 1586 и 1593 года; Острожская библия 1580—81 года 201—218
2. Переводы Скорины въ рукописныхъ спискахъ XVI вѣка. — Слѣды утраченныхъ книгъ изъ Скорининскаго перевода полной библии. — Продолжатели дѣла Скорины. — Переводы предисловій Скорины въ памятникахъ сѣверо-восточной Россіи XVI вѣка 218—244

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЯЗЫКЪ СКОРИНЫ.

- О языкѣ Скорины. — Отношеніе его къ языку западно-русскихъ памятниковъ XVI вѣка и къ бѣлорусскому нарѣчію. — Церковно-славянское вліяніе и грамматики «словенскаго языка», изданныя въ юго-западной Россіи, въ XVI вѣкѣ. — Сокращенія. — Буквы, надстрочные знаки, церковно-славянское правописаніе, отступленіе отъ него, написанія иностранныхъ словъ. — Опечатки. — Особенности обще-русскія и западно-русскія въ звукахъ и формахъ языка Скорины. — Вліяніе чешское и польское. — Литовскія слова. — Словарь русскаго языка 247—317

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- Два новыхъ документа для біографіи Скорины,
№№ 1 и 2 321—325
Предъсловіе въ Ѵалтирь (Прага, 1517 года) 325—328
Первая глава изъ книги Іова (тексты: Скорины,
Фѣоля, южно-славянскій XV вѣка, и проч.) 329—338

	СТРАН.
Первая глава изъ «Пѣсни Пѣсней» (тексты Скорины, и проч.)	338—344
Двѣнадцатая глава изъ книги «Есѡирь»	344—346
Страсти гда нашего їса хта, и проч. (изъ Малой подорожной книжицы).	346—350
Прибавленія и поправки	351

Труды „доктора Франциска Скорины изъ Полоцка“ извѣстны преимущественно въ замѣчательныхъ печатныхъ изданіяхъ, вышедшихъ въ Прагѣ и въ Вильнѣ, въ 1517—1525 годахъ. Изъ обзора литературы предмета, помещаемаго нами ниже, можно видѣть, что на книги Скорины обратили вниманіе уже съ прошлаго столѣтія не только библіографы, отыскивавшіе и изучавшіе церковно-славянскія и русскія старопечатныя книги, но и изслѣдователи исторіи юго-западной Россіи, ея литературы, языка, и изслѣдователи древне-русскаго искусства. Значительное количество статей и замѣтокъ о трудахъ Скорины, большею частію намѣчавшихъ только дальнѣйшія задачи изслѣдованія, вполне оправдываетъ необходимость болѣе или менѣе всесторонняго разсмотрѣнія предмета—что и составляетъ цѣль предлагаемаго изслѣдованія.

Главныя задачи нашего изслѣдованія указаны въ заглавіи книги: выясненіе личности Скорины (вопроса спорнаго и запутаннаго) въ связи съ общимъ состояніемъ умственной жизни юго-западной Россіи въ XV—

XVI вѣкѣ, опредѣленіе направленія и вліянія литературной дѣятельности Скорины, выразившейся преимущественно въ переводахъ Св. Писанія на русскій языкъ, изученіе изданій Скорины въ типографскомъ отношеніи и характеристика языка Скорины; послѣднее составляетъ предметъ особой, второй части изслѣдованія.

Изучая печатныя изданія Скорины въ бібліотекахъ петербургскихъ, московскихъ и въ виленской публичной бібліотекѣ, мы старались вмѣстѣ съ тѣмъ изучить непосредственно старопечатныя церковно-славянскія и русскія изданія XV—XVI вѣковъ, а также рукописный текстъ Св. Писанія, преимущественно русскіе списки и западно-русскіе переводы. Императорская Публичная бібліотека, въ которой сосредоточились наши занятія въ теченіе двухъ лѣтъ, благодаря обязательности начальства и служащихъ, представила возможность имѣть подъ руками рѣдкія старопечатныя изданія латинскихъ, нѣмецкихъ, чешскихъ и польскихъ книгъ. Кромѣ того, мы пользовались актами Литовской Метрики и Виленскаго Центрального Архива. Наконецъ, не имѣя возможности предпринять поѣздку за границу, мы старались справиться о предполагаемыхъ нами данныхъ въ Краковѣ и въ Прагѣ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о передачѣ текста и о приложеніяхъ. Принявши смѣшанный шрифтъ (гражданскій съ нѣкоторыми особенными начертаніями церковно-славянскими) для передачи церковно-славянскаго

текста какъ старопечатнаго, такъ и рукописнаго, мы старались удержать вездѣ особенности оригиналовъ, и въ этомъ отношеніи можемъ поручиться за точность нашего изданія: мы свѣряли постоянно и печатный текстъ въ корректурахъ съ оригиналами Публичной библіотеки. Что касается снимковъ, то мы могли сдѣлать снимки только съ пражскихъ изданій Скорины, непосредственно съ оригиналовъ при помощи фотоцинкографіи. Снимки съ виленскихъ изданій читатель можетъ найти въ извѣстномъ изданіи „Памятниковъ Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи“, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ. Водяные знаки переданы у насъ въ настоящую величину непосредственно съ оригиналовъ.

Считаемъ долгомъ выразить глубокую благодарность за содѣйствіе, пособія и указанія: С. А. Бершадскому, А. Ѳ. Бычкову, И. А. Бычкову, А. Н. Веселовскому, Д. Ѳ. Кобеко, В. И. Ламанскому, Л. Н. Майкову, А. И. Пономареву, С. Л. Пташицкому, А. Н. Пыпину, П. А. Сырку и И. В. Ягичу.

19 Декабря 1887.

Петербургъ.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДМЕТА

Не смотря на то, что литература нашего предмета, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, состоитъ изъ ряда статей, изъ которыхъ ни одна не обнимаетъ всего предмета, мы считали необходимымъ разсмотрѣть все болѣе или менѣе замѣчательныя статьи о докторѣ Францискѣ Скоринѣ и о его трудахъ. Это намъ казалось необходимымъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, въ виду разнорѣчивыхъ мнѣній, повторяющихся съ давнихъ поръ безъ всякой провѣрки и безъ всякихъ указаній на первоначальное происхожденіе повторяющихся мнѣній; во вторыхъ, нѣкоторыя изъ разсматриваемыхъ нами книгъ представляють библиографическія рѣдкости, какъ убѣдились мы, занимаясь въ Петербургѣ и въ Москвѣ; такова напр. статья Штриттера.

Бакмейстеръ (Опытъ о Библиотекѣ... Императорск. Акад. Наукъ. 1779, с. 65—69, — тоже на французск. яз., въ 1776 *Essai sur la biblioth. de l'Académie des Sciences à St.-Petersb.*) первый, обратившій вниманіе на нѣкоторые труды Скорины, первый же и пустилъ въ обращеніе невѣрныя свѣдѣнія объ этихъ трудахъ. «Древнѣйшая, и по моимъ справкамъ можетъ быть изъ числа первыхъ напечатанныхъ на славянскомъ языкѣ книгъ, есть Пентатейхъ (5 книгъ Моисеевыхъ) въ 4-ку, неиз-

вѣстная ни Майтеру¹, ниже де-Лонгу². Сей драгоценный памятникъ достоинъ пѣкоева читателя вниманія» — такъ начинается Бакмейстеръ свои замѣтки о Скорининомъ Пятокнижїи, которое только одно и было у него подъ руками. Послѣ краткихъ замѣчаній о бумагѣ, письмѣ и правописанїи, Бакмейстеръ говоритъ, что Пятокнижіе Скорины переведено «съ Латинской библіи Вульгатою называемой», и приводитъ выдержки изъ первой книги Моисеевой, сравнительно съ библіями 1663 и 1731, для показанія различія перевода Скорины отъ церковно-славянскаго. Личность Скорины заинтересовала Бакмейстера, но «не взирая на всѣ мои справки, говоритъ онъ, не могъ я ничего отыскать о сочинителѣ Ф. Скоринѣ». При этомъ въ примѣчанїи Бакмейстеръ замѣчаетъ: «славной Социніанинъ Будни, переводя Библию на польской языкъ, пользовался переводомъ Скорины. См. Рингельтаубе въ запискахъ своихъ о польскихъ библіяхъ»³. Далѣе Бакмейстеръ приводитъ невѣрные свѣдѣнія о переводѣ Скориною четырехъ (?) книгъ Паралипоменона и о напечатанномъ въ Вильнѣ Апостолѣ

1) *Annales Typographici ab artis inventae origine ad annum MD. Mich. Maillaire, 1 т., 1719, Hagae.*

2) *Bibliotheca Sacra in binos syllabos distincta. Labore Jacobi Le Long 1 т., 1723, Parisiis.*

3) Я не могъ отыскать этого сочиненія. Чистовичъ: Очеркъ исторїи западно-русской церкви. 1 ч. (1882), с. 218, ссылается при этомъ: «Gründliche Nachricht von den polnischen Bibeln, 1, 36» (?). Линде, о статьѣ котораго скажемъ ниже, ссылается также на—Ringeltaube. *Gründliche Nachricht von Polnischen Bibeln. W Gdansku (1744), стр. 170*, причемъ называется и книга Буднаго: «Obrona wiary» (*Pamiętnik Warszawski. 1816, IV, с. 20*). Въ *Encyklopedyja Powszechna (Szymon Budny)* этой книгѣ соотвѣтствуетъ слѣд. сочиненіе Буднаго: «O przedniejszych wiary christianskiej Artykulech to jest o Bogu iedynem, o Synu jego i o Duchu Świętym. Wyznanie proste z Pisma świętego przez Simona Budnego krótko spisane... ktemu obrona tegoż wyznania broniąca przez tegoż napisana. Drukowano w Łosku (1576) in 8-vo. 200 листовъ». Этой книги я также не видалъ.

въ 1517 (вм. 1525)⁴, что повторено и на стр. 73. Эту ошибку Бакмейстера повторилъ, прибавивши еще отъ себя, Крашевскій (Wilno od początków iego . . . Wilno, 1842, IV, с. 115): «1519 (!) Апостоль въ Вильнѣ (Backmeister) zdaje się że ten Apostol wyszedł w Pradze, nie w Wilnie». Такъ накоплялись ошибки и предположенія. У Крашевскаго (тамъ-же) одинъ и тотъ-же Апостоль Скорины показанъ въ трехъ изданіяхъ: 1519, 1522 (съ неправильной ссылкой на Бандтке, между тѣмъ какъ эта ошибка, какъ увидимъ дальше, принадлежитъ Линде) и 1525.

Штриттеръ (Опытъ трудовъ вольнаго Россійскаго собранія, 1783, Москва, VI, стр. 177—194), кромѣ Пятюкнижія Скорины, извѣстнаго Бакмейстеру, имѣлъ еще въ Москвѣ экземпляръ Архива Минист. Иност. Дѣлъ, въ которомъ находится: четыре книги Царствъ, Юдию, Есфирь, Руоъ, Ювъ и Даниилъ. Штриттеръ обратилъ вниманіе на предисловія Скорины и пересказалъ содержаніе ихъ. О текстѣ Скорины Штриттеръ выразился въ началѣ статьи: «отъ всѣхъ Славено-россійскихъ печатныхъ Библии переводовъ отличается (переводъ Скорины тѣмъ, что) большею частію съ Вульгаты, т. - е. съ Латинскаго общаго переводу Бл. Иеронима сдѣланъ» (178 с.), а на с. 191 привелъ выдержки изъ Скорининскаго текста (Бытія III, 4—6, 14 и Ювъ XIX, 25, 27) въ доказательство того, что «переводъ Скорины не изъ 70-ти толковниковъ, но изъ Вульгаты сдѣланъ». Штриттеръ не оставилъ безъ вниманія и внѣшней стороны изданія: «бумага такъ хороша, какъ лучше быть нельзя; все расположеніе есть отмѣнно мастерское въ типографскомъ искусствѣ», и проч.

4) Конечно, на основаніи этой ошибки Бакмейстера, повторявшейся впоследствии, Dr. Karl Falkenstein отмѣтилъ въ своей книгѣ «Geschichte der Buchdruckerkunst», Leipzig (1840), 395 стр. — открытіе типографіи въ Вильнѣ въ 1517 году Ср. у него же имя перваго типографика въ Вильнѣ (306 стр.) Jakob Markowicz (?). Неизвѣстно также, почему на той-же стр. указанъ 1580 годъ.

Замѣчательна попытка Штриттера объяснить непонятную монограмму, встрѣчающуюся во всѣхъ изданіяхъ Скорины, изъ двухъ буквъ, въ родѣ Т и Д. Штриттеръ видитъ въ этой монограммѣ соединеніе двухъ буквъ *B* «впередъ и наоборотъ»⁵. Въ первой гравюрѣ при книгѣ Бытія Штриттеръ обратилъ вниманіе на изображеніе Бога «съ благословляющею правой рукою, какъ то въ Россійской Церкви употребляется». Но подобныя изображенія можно видѣть въ чешскихъ изданіяхъ библии 1506, 1529, въ польскомъ изданіи библии 1561, и др. О письмѣ Скорины Штриттеръ говоритъ, что оно «кирилловскаго характера», но *z* опускается, какъ въ «приказномъ письмѣ». Наконецъ въ заключеніи статьи Штриттеръ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о языкѣ Скорины: «сей переводъ Россійской Библии нѣсколько подходитъ къ польскому языку» (с. 193). Изъ предположеній Штриттера вошла въ обращеніе его мысль о Прагѣ, указанной Скориною, какъ мѣстѣ изданія, не богемской, а варшавской. Эту мысль Штриттера раздѣляли Шлѣцеръ, Гречъ и м. Евгений⁶.

Въ той же книжкѣ «Опыта трудовъ», вслѣдъ за статьей Штриттера, помѣщена статья Алексѣева (195—204 с.) «Разсмотрѣніе славенской старопечатной книги Апостола, которая справлена Докторомъ Ф. Скориною изъ Полоцка». Статья эта представляетъ рядъ выписокъ изъ предисловія Скорины и нѣкоторыхъ главъ Апостола.

5) Стасовъ, какъ и большая часть писавшихъ о Скоринѣ, видитъ въ этой монограммѣ букву Т. «Отчетъ о седьмомъ присужденіи награды гр. Уварова» (1864), с. 31. Но значеніе этой монограммы до сихъ поръ остается необъясненнымъ.

6) Шлѣцеръ: Несторъ. Русскія Лѣтописи, пер. съ нѣмецк. Спб. (1809), I, 134 с. «съ 1491—1562 печатали уже по Славенски въ Краковѣ, Вильнѣ, Прагѣ (что передъ Варшавою), Венеціи и Несвижѣ». Гречъ: Опытъ краткой исторіи русской литературы (1822), стр. 68—69. Въ Приложеніяхъ напечатана 1 гл. изъ книги Бытія, съ ошибками (по Сопикову). О м. Евгениі см. дальше.

Добровскаго Скорина заинтересовалъ по указанію на Прагу, и онъ нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ возвращался къ вопросу о трудахъ Скорины. Въ первый разъ Добровскій остановился на книгахъ Скорины и высказалъ нѣсколько предположеній въ описаніи своего путешествія по Швеціи и Россіи въ 1792 (*Neuere Abhandlungen der k. Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1795, c. 183—187*). Увидавъ въ Петербургѣ Пятюкнижіе Скорины (1519) съ указаніемъ на Прагу — мѣсто изданія, Добровскій подумалъ прежде всего о Прагѣ варшавской, но затѣмъ онъ отвергнулъ это предположеніе, что и старался доказать въ своей статьѣ. Въ 1519 году Прага варшавская была незначительнымъ мѣстечкомъ, поэтому эпитеты Скорины, присоединяемые къ названію Праги «въ славномъ, великомъ, старомъ мѣстѣ пражскомъ» могутъ указывать только на Прагу чешскую. Печатаніе русскихъ книгъ въ Прагѣ, на первый взглядъ странное, напоминаетъ Добровскому печатаніе въ то же время въ Прагѣ еврейскихъ книгъ, которыя посылались и въ Польшу⁷. О Скоринѣ и о выборѣ имъ Праги мѣстомъ издательской дѣятельности Добровскій высказалъ слѣдующія предположенія. Скорина, по вѣроисповѣданію римско-католикъ, или, по крайней мѣрѣ, принадлежавшій къ партіи Уніи, сдѣлалъ свой переводъ съ Вульгаты, но при этомъ пользовался и древне-славянскимъ текстомъ, заключающимся въ рукописяхъ. Дѣятельность Скорины въ Прагѣ Добровскій пытается объяснить вліяніемъ или содѣйствіемъ польскаго короля Сигизмунда I. Въ 1515 году Скорина могъ сопровождать своего короля въ Вѣну, а

7) Panzer: *Annales Typographici* (1800), VIII, c. 240: 1513 r. Tefilloth seu Judaicae Preces, 1515 Berachoth, etc., 1518 Pentateuchus hebr. com V. Meghilloth. Pragaе impensis quinque typographorum. quorum nomina in fine designata sunt. Еврейскія изданія въ Прагѣ продолжались въ 20—30 годахъ XVI вѣка. См. Wolfii: *Bibliotheca Hebraica. Hamburgi* (1721).

отсюда могъ отправиться въ Венецію вмѣстѣ съ послами, отправившимися по поводу Турецкой войны. Въ Венеціи Скорина могъ изготовить матрицы для своихъ буквъ, болѣе похожихъ на тѣ буквы, которыми въ XVI в. печатали свои книги въ Венеціи Сербы, чѣмъ на буквы русской церковной письменности. А такъ какъ польскій король Сигизмундъ I былъ опекуномъ молодого чешскаго короля Людвигъ, то Скорина, опираясь на права короля, и избралъ Прагу, какъ мѣсто, представлявшее для него болѣе безопасности и средствъ для изданія. Изъ Праги онъ могъ легко достать бумагу и граверовъ въ Нюрнбергѣ. Въ 1519 году въ Богеміи не захотѣли болѣе признавать права опеки польскаго короля — и Скорина долженъ былъ оставить Прагу и переѣхать въ Польшу. Библия Скорины распространилась преимущественно въ Литвѣ, Бѣлой и Червонной Россіи. Не распространилась ли она также и въ славянскихъ провинціяхъ Венгріи? спрашиваетъ Добровскій. Предположенія Добровскаго, высказанныя имъ въ только-что рассмотрѣнной статьѣ, повторены были Вишневскимъ (*Historya literat. polskiej*, VIII, 476 с., со ссылкой на --- «Slovanka»? см. дальше), въ «Encyklopedyja Powszechna» (1866, с. 546—8) и отсюда у Ригера: «Slovník Naučný».

Въ 1814—15 г., въ изд. «Slovanka» (Prag, 1814, I, 153—156 с.) Добровскій возбудилъ вопросъ о числѣ книгъ ветхаго завѣта, переведенныхъ Скориною. Но при этомъ онъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что Скорина перевелъ всѣ книги ветхаго завѣта, безъ исключенія. Къ этому вопросу вызвало его открытіе въ Венгріи, въ Мункачѣ, экземпляра библейскихъ книгъ Скорины, между которыми двѣ книги — Иисуса Навина и Судей являлись впервые въ библиографической литературѣ того времени. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ еще интересныя справки Добровскаго о книгахъ Скорины въ европейской литературѣ XVI вѣка.

Во второй части того же изд. «Slovanka» (Prag, 1815, стр. 149—152) Добровскій высказалъ замѣчательную мысль о томъ, что Скорина пользовался при своемъ переводѣ чешской библіей—поэтому то онъ и избралъ Прагу, чтобы на мѣстѣ воспользоваться совѣтами для объясненія того въ чешской библіи, что казалось ему неяснымъ.

Въ «Geschichte der Böhmischen Sprache u. ältern Literatur» (Prag, 1818, с. 324) Добровскій считалъ необходимымъ отмѣтить печатаніе русскихъ книгъ Скориною въ Прагѣ, 1517—19.

Въ «Institutiones linguae slavicae» (Vindobonae, 1822, с. XLV и д.), отмѣчая среди старопечатныхъ книгъ изданія Скорины, Добровскій ставитъ вопросъ о книгахъ — Паралипоменонѣ, Ездры, Пророковъ и Маккавеевъ — «напечатаны ли или переведены они были» Скориною. Въ перепискѣ съ Копитаромъ (Источники для исторіи Славянской филологіи. Briefwechsel zwischen Dobrowsky u. Kopitar, herausg. von Jagić: Спб.—Berlin, 1885) Добровскій нѣсколько разъ касается вопроса о Скоринѣ. Въ 1816 году (650 с.) замѣчаетъ, что Апостоль Скорины изданъ не въ 1522, а въ 1525 году, и не переведенъ съ латинскаго, а только исправленъ. Въ 1823 году (666 с.), по поводу нѣкоторыхъ списковъ съ книгъ Скорины въ библіотекѣ гр. Толстова, Добровскій удивляется, какъ могли въ Россіи переписывать текстъ Скорины, отклоняющійся отъ 70 толковниковъ⁸. Въ 1824 году (674 с.), по поводу нѣсколькихъ листовъ библіи, схожихъ съ Острожскимъ изданіемъ 1580 — 81 г., но представляющихъ нѣкоторыя отличія въ шрифтѣ и въ правописаніи (это, по всей вѣроятности, перепечатка Мамоничей въ Вильнѣ), Добровскій высказываетъ предположеніе—не начали ли Острожскіе издатели

8) Тоже Добровскій высказывалъ и Кеппену въ устной бесѣдѣ. См. П. Кеппенъ: Матеріалы для исторіи просвѣщенія. № II. Библиографич. Листы (1825), с. 267.

печатаніе библіи по переводу Скорины, но потомъ оставили эти листы и снова принялись за печатаніе по церковно-славянскому тексту.

Сопиковъ (Опытъ Россійской библіографіи. Спб. 1813, т. I, с. XLIX, XCIII, 9—18, 25—45, 119—120, 183—184 и 275) особенно подробно описалъ 22 библейскія книги Скорины и его Апостолъ, причемъ привелъ отрывки изъ предисловія Скорины и изъ нѣкоторыхъ главъ Апостола. Точно также онъ описалъ «Каноникъ, или Акаѳистникъ» (Сопикову неизвѣстно было настоящее названіе этихъ книгъ вм. съ Псалтирю — «Малой Подорожной Книжицей») и «Псалтирь, или пѣсни духовныя... переводъ съ Греческаго (?)», и проч. Такъ какъ на экземплярѣ Каноника и Псалтири не было указаній на мѣсто и время выхода книгъ, то Сопиковъ, на основаніи сходства ихъ по буквамъ съ Апостоломъ Скорины, высказалъ предположеніе о выходѣ этихъ книгъ въ Вильнѣ около 1525 года. Къ сожалѣнію, почти всѣ выдержки и даже заглавія книгъ напечатаны у Сопикова съ грубыми ошибками, а между тѣмъ съ того времени выдержками Сопикова стали пользоваться для характеристики трудовъ Скорины⁹. Что касается замѣчаній Сопикова о библейскихъ книгахъ Скорины, то новымъ является слѣдующее указаніе: «Въ Гуттеровомъ изданіи многоязычной Библіи, напечатанной въ Ниренбергѣ 1599 года, помѣщенъ Рускій переводъ Моисеева пятокнижія, книги судей, Иисуса Навина и книги руоѣ (при этомъ Сопиковъ ссылается на историческій словарь славныхъ мужей, на франц. яз., изд. въ Ліонѣ, 1804, подъ словомъ Hutterus). Можетъ быть, что это переводъ Скорининъ» (с. 38)¹⁰. О происхожденіи библейскихъ книгъ

9) См. напр. заглавіе «Библіи» Скорины у Сопикова (с. 26) и у Каратаева (Описаніе славяно-русск. книгъ. Спб. 1883, с. 28).

10) На основаніи трудовъ, названныхъ уже выше, Le-Long (Bibliotheca Sacra) и Wolfii (Bibl. hebraica), можно полагать, что въ крайне рѣдкой поли-

Скорины Сопиковъ высказалъ два противоположныхъ мнѣнія: на стр. 25: «Библія Руская, переведенная съ Латинскаго перевода, именуемаго Вулгата», а на с. 275: «достопамятный Славенскій переводъ Библіи славнаго Полоцкаго Доктора Скорины, изд. имъ въ началѣ XVI вѣка, не есть новѣй, но тотъ-же древнѣй, а только нѣсколько имъ исправленный и поясненный; ибо толь близкое онаго сходство съ нынѣшнимъ, служитъ тому яснымъ доказательствомъ», и «для большаго удостовѣренія» приводитъ выписку изъ Апостола Скорины 1525 года¹¹. На с. 184 Сопиковъ сообщилъ совершенно невѣрное извѣстіе о Псалтири, напечатанной Лукою Мамоничемъ въ Вильнѣ (1575), говоря, что «переводъ одинъ съ Скорининымъ изданіемъ сей же книги». Отмѣчая послѣ Псалтири Скорины изданія Мамоничей и др.: «Тожь, вновь напечатана», или: «Тожь новаго изд.», Сопиковъ подалъ поводъ говорить о томъ, что Псалтирь Скорины была много разъ переиздана¹².

глотѣ Гуттера (*Biblia Ebraice, Chaldaice, Graece, Latine, Germanice et Slavonice... studio Eliae Hutteri, in folio, Norimbergae, 1599*) подъ названіемъ славянскихъ текстовъ помѣщены «чешскіе и польскіе», что видно изъ слѣдующаго: «*Novum Testamentum Ebraice, Graece, Latine, Germanice, Bohemice*» (Le-Long I, 45), тоже «*Italice, Hispanice, Gallice, Anglice, Danice et Polonice*» (тамъ-же). Вотъ какъ это объясняется въ предисловіи Гуттера: «*Harmoniam Biblicam sex linguarum columnarumque ordine per omnes Veteris et Novi Testamenti libros... ita disposui, ut primum sex idiomatica Ebraicum, Chaldaicum, Graecum, Latinum, Germanicum et Slavonicum apte invicem e regione versibus distinctis convenirent; denique loco Slavonici, modo Gallicum, modo Italicum, modo Saxonicum, aliarumque gentium et nationum idiomatica minimo sumptu vel imprimendo vel ascribendo substitui possent*».

11) А между тѣмъ на с. 9 отмѣчаетъ: «Апостоль, или дѣянія, переведены съ латинскаго перевода, именуемаго Вулгата» (?).

12) См. напр. у Вишневецкаго (*Historya literat. polsk., т. VIII, с. 470, 474*), въ *Encyklopedyja Powszechna*, 547 с. (1866), тоже самое у Ригера: *Slovník Naučný*; и друг.

Линде (*Pamiętnik Warszawski*. 1815—16. «O Literaturze Rossyjskiéy» przez S. B. Lindego, преимущественно 1815, Listopad, 277—297)¹³, разбирая и дополняя «Опытъ російской библиографіи» Сопикова, не прибавилъ однако ничего новаго къ трудамъ своихъ предшественниковъ о Скоринѣ. Основываясь болѣе всего на статьяхъ Добровскаго, Линде старался объяснить личность и дѣятельность Скорины по отношенію къ Польшѣ. Такъ, на с. 277 Линде говоритъ о личности «sławnego współziomka naszego Fr. Scoryny», на с. 297 — «Polaka (?) Fr. Scoryny z Połoczka». Языкъ Скорины находитъ близкимъ къ польскому (281 и 293 с.), — что вполне отвѣчаетъ его общей мысли (*Pam. Warsz.* 1816, V, 126) о бѣлорусскомъ языкѣ — «tak bardzo do polszczyzny zbliżony dyalekt». На с. 295 невѣрно приводитъ годъ изданія Апостола Скорины 1522, ссылаясь на Бандтке, у котораго нѣтъ ничего подобнаго¹⁴. Указанія Добровскаго и Сопикова на славянскіе тексты св. Писанія въ старинныхъ латинскихъ изданіяхъ Линде дополняетъ ссылкой на замѣчаніе въ книгѣ «Recherches sur l'origine des Sarmates» (Pétersbourg, 1812 — Potocki, с. 535), о славянскомъ переводѣ въ испанскомъ изд. библии — полиглотты Ximenesa (1515), повторенномъ въ Венеціи (1518). Эту ссылку Линде, какъ и ошибочное указаніе его на изданіе Апостола Скорины, повторилъ А. Marcinowski (1819 г. w przemówieniu na pierwszym posiedzeniu publicz. od Wilenskiego Rossyjsk. towarzyst. biblijnego, р. 18—20). Кромѣ того

13) Каратаевъ въ «Описаніи Славяно-русск. книгъ» (Спб. 1883) с. 42 — невѣрно указываетъ: «Соболевскій (?) *Pam. Warsz.*, 1815 года».

14) Bandtkie: *Historya drukarń Krakowsk.* (1815), с. 124—125, прим. Сказавъ нѣсколько словъ о библии Скорины, изданной въ Прагѣ, со ссылкой на статью Добровскаго, Бандтке продолжаетъ: «Apostol, w Wilnie, 1525 г. i to podobno pierwsza będzie księga ruska w Wilnie drukowana». То же самое Бандтке повторяетъ въ другомъ своемъ трудѣ: «*Historya drukarń w królestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem*» (1826), II, 257—259.

Линде (Grecza: Rys literatury rosyjskiej. Warszawa, 1823, с. 76) привелъ указаніе на замѣчательную рукопись Варшавскаго университета, содержащую нѣсколько книгъ ветхаго завѣта въ переводѣ подобномъ Скорининскому¹⁵.

ЛЕЛЕВЕЛЬ (Bibliograficznych ksiąg dwoie... Wilno, 1823, I, 52—55) подробно разъясняетъ ошибку Богуша-Сестренцевича (а не Потоцкаго) о славянскомъ текстѣ въ полиглоттѣ Ximenesa, которая вовсе не была повторена въ Венеціи¹⁶. Объ ошибочномъ указаніи Линде и за нимъ Марциновскаго на изданіе Апостола Скорины 1522 года, при другомъ указаніи на 1525 годъ, Лелевель справедливо замѣчаетъ, что ошибка эта можетъ подать поводъ библіографамъ искать два изданія одного и того же Апостола.

МЯТР. ЕВГЕНІЙ (Сынъ Отечества, 1821, с. 169—172: «Біографіи російскихъ писателей -- Ф. Скорина», повторено съ небольшимъ добавленіемъ: «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» М. 1845, II, 169—171) не зналъ статей Добровскаго. Поэтому онъ говоритъ, что книги Скорины напечатаны были «въ Прагѣ Варшавской, а не въ Богемской»¹⁷. Біографическія свѣдѣнія у Евгенія ограничиваются слѣдующимъ: «Ф. Скорина родомъ изъ Полоцка, Докторъ Медицины, жившій въ Вильнѣ при старшемъ Бургомистрѣ Виленскомъ Яковѣ Бабичѣ, около первой четверти XVI вѣка». О переводѣ Скорины Евгеній замѣчаетъ: «перевелъ библ. книги съ Латинскаго Иеронимова текста или Вульгаты».

15) См. о ней ниже, стр. 222—223.

16) Въ этой полиглоттѣ испанскаго кардинала Ximenesa дѣйствительно нѣтъ и упоминанія о какомъ либо славянскомъ текстѣ. Пользуемся вышеназванными трудами Ле-Лонга и Вольфа. Pentateuchus triplicem linguam habet: Hebraicam videlicet Chaldaicam et Graecam cum aliis tribus latinis interpretationibus.

17) Въ изд. «Словаря» (1845) прибавлено: «но Добровскій и Линде разумѣютъ Богемскую».

Кеппенъ (Матеріалы для исторіи просвѣщенія. № II. Библиографическіе Листы, 1825. Спб. 1826. Изданія Скорины указаны на с. 79—84) сомнѣвается въ 1525 годѣ изданія Апостола, какъ отмѣтилъ Сопиковъ, и ставитъ знакъ вопроса при этомъ годѣ; замѣчаетъ, что Сопиковъ «напрасно показываетъ Псалтирь Скорины подъ двумя номерами, раздѣливъ оную на Каноникъ № 517 и Псалтирь № 930», причемъ указываетъ, что полный экземпляръ этой книги находится въ Ландсгутѣ, у проф. Маннерга. По поводу «Описанія рукописей гр. Толстова—Строевымъ»¹⁸, въ которомъ отмѣчены рукописные списки книгъ Скорины, Кеппенъ высказываетъ сожалѣніе, что не присоединены къ описанію выписки изъ этихъ рукописей: «выписки изъ такихъ рукописей любопытны, какъ въ отношеніи къ исторіи перевода св. книгъ, такъ и для опредѣленія числа и оттѣнковъ понынѣ слишкомъ мало еще изслѣдованныхъ нарѣчій разныхъ словенскихъ языковъ» (267 с.). Въ разныхъ мѣстахъ своего труда Кеппенъ возстаетъ противъ названія языка книгъ и рукописей XVI—XVII вѣка бѣлорусскимъ, предлагая называть его «Литовско-Русскимъ» (267, 268), а на стр. 409 отличаетъ еще Литовско-русскій языкъ отъ Русскаго (Карпато-Русскаго)¹⁹.

18) Упомянемъ здѣсь описанія Строева книгъ Скорины въ бібліотекахъ — гр. Толстова (1829) и Царскаго (1836) съ приложеніями снимковъ съ текста и гравюръ. Мы не считаемъ необходимымъ разсматривать особо описанія Строева, Сахарова (1842 и 1849), какъ и болѣе позднія краткія описанія Ундольскаго и др.

19) Кеппенъ ссылается (с. 268) на писателей XVI—XVII вв., которые говорятъ о языкѣ Литовскомъ, подразумѣвая подъ нимъ книжный русскій языкъ: Катихизисъ Лавренція Зизанія—«по-литовски оглашеніе». Мы можемъ прибавить изъ Словаря Памвы Берынды (1653), 133 л. «Пѣтель: Чески и Руски, Когуть, Волински, Пѣвень, Литовски Петухъ». Изъ этого видно только, что подъ Литовскимъ яз. разумѣли языкъ преимущественно западной Россіи, т. е. бѣлорусскій, какъ нынче на него и смотрятъ. Но въ литературѣ нашего предмета можно отмѣтить разногласіе по этому вопросу. Самый рѣзкій взглядъ на письменный языкъ западной Россіи XVI—XVII в. высказалъ Бодляскій

Новицкій (О первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на Славянскій языкъ, Кіевъ, 1837), не указывая основаній, высказываетъ слѣдующее мнѣніе о происхожденіи перевода Скорины: «Римская церковь, издавна завладѣвшая большею частью Славянскихъ племенъ, то запрещала употребленіе у нихъ славянскихъ книгъ... то позволяла... Многіе изъ таковыхъ новыхъ переводовъ св. Писанія, съ начала XVI вѣка (и даже подъ конецъ XV, напр. богемская біблія...), еще до Острожскаго изданія Библіи (?), появились уже печатные, между прочимъ и въ Россіи появился переводъ Фр. Скорины» (с. 56). Мнѣніе это крайне неопредѣленно и неясно, но Викторовъ (Бесѣды въ Обществѣ Любителей Росс. Слов., 1867, I, 17) вывелъ изъ него заключение, что Новицкій считаетъ Скорину католикомъ и пропагандистомъ на Руси католицизма.

Копитаръ (*Hesyhii Glossographi discipulus. Vindobonae, 1840, 33—34. De Facultatis Pragenae Medicinae Doctore Francisco Skorina Lithuano, Doctoris Martini Lutheri insidiatore quaestio historica*) нашель въ жизнеописаніи Лютера разсказъ о докторѣ Францискѣ полякѣ (*Franciscus Polonus*), который посѣтилъ въ 1525 году въ Виттембергѣ Меланхтона и обѣдалъ у него вмѣстѣ съ Лютеромъ. Сначала онъ понравился Лютеру. Но потомъ Лютеръ принялъ его за опаснаго чернокнижника, дѣйствующаго если не по дьявольскому внушенію, то по внушенію католическихъ

(Чтенія, 1846, № 1: «О поискахъ моихъ въ Познанской Публичн. библ.», с. 31): «имъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ... (представляетъ) самую отвратительную смѣсь, какую только можно себѣ представить и какая когда либо существовала на Руси». Тоже повторилъ Головацкій (Научный Сборникъ, 1865, с. 251). Но Бодянский оговорилъ свое рѣзкое сужденіе, признавши «въ основаніи» письменнаго языка—языкъ обитателей Бѣлоруссіи и «сильное» вліяніе церковнаго языка; недостатки же этого языка приписывалъ польскому вліянію. — Бѣлорусскимъ, какъ языкъ Скорины, такъ и вообще письменный языкъ западной Россіи, называютъ: Буслаевъ, Огоновскій, Житецкій, Соболевскій, Недешевъ, Карскій. Но мы еще возвратимся къ этому вопросу.

епископовъ. Испуганный, Лютеръ быстро уѣхалъ изъ Виттемберга, строго запретивъ своему слугѣ принимать доктора Франциска поляка. Когда Лютеръ узналъ, что Францискъ полякъ послушался его приказанія, то обратился къ виттембергскому магистрату съ просьбой наказать Франциска поляка. Но послѣдній, какъ раньше обошелъ Меланхтона и Лютера, такъ обошелъ и магистратъ, и былъ имъ отпущенъ на свободу. — Копитаръ, приводя этотъ рассказъ, прибавляетъ однако, что гипотеза о тождествѣ Франциска поляка и Франциска Скорины только тогда можетъ обратиться въ историческій фактъ, когда въ виттембергскомъ архивѣ найдено будетъ и прозвище — Скорина при имени вышеприведеннаго Франциска поляка. Викторовъ (въ названномъ уже изданіи «Бесѣды», и проч., с. 18) справедливо замѣтилъ, что «сношенія какого-то Франциска поляка съ Лютеромъ относятся къ 1525 году, а въ этомъ году Скорина былъ въ Полоцкѣ (конечно, по ошибкѣ, вм. «въ Вильгѣ»), гдѣ тогда имъ были изданы Апостоль и слѣдов. Псалтирь».

Замѣтимъ еще, что приведенный рассказъ, если бы даже и подтвердился фактическими указаніями, не можетъ служить доказательствомъ протестантскаго направленія Скорины, какъ высказалъ объ этомъ мнѣніе Головацкій. Въ примѣчаніи къ приведенному рассказу Копитаръ замѣтилъ и о дѣйствительной личности Скорины. Неизвѣстно почему онъ называетъ Скорину докторомъ Пражскаго университета, по вѣровсповѣданію «graeo-catholicum». Кромѣ того, Копитаръ полагаетъ, въ противоположность мнѣнію Добровскаго, что не зачѣмъ было ѣздить Скоринѣ въ Венецію за матрицами для своихъ буквъ, когда и въ Прагѣ и въ Нюрнбергѣ были хорошіе мастера.

Вишневскій (*Historia literatury polskiéj*. Kraków. 1851. VIII, przytem facsimile tytułu Akafistów Skoryny; о Скоринѣ — стр. 407, 464—470, 475—480) воспользовался для характе-

ристики личности и трудовъ Скорины, которые онъ называетъ «славнѣйшими произведеніями въ бѣлорусской литературѣ» (466), предшествующими сочиненіями о Скоринѣ Штритгера, Добровскаго, Линде, Соניкова и Строева. Сообщая новое свѣдѣніе о томъ, что Скорина учился въ краковской академіи, гдѣ получилъ степень доктора медицины и свободныхъ наукъ (466), почему, будучи греческаго вѣроисповѣданія, и былъ склоненъ къ римско-католической церкви (478), Вишневскій не указываетъ источника этого свѣдѣнія²⁰. Въ языкѣ Скорины Вишневскій, подобно Линде, видитъ особенную близость къ польскому языку, въ доказательство чего приводитъ выдержки изъ книгъ Скорины, передавая ихъ латинскимъ шрифтомъ. Доказательства эти крайне неудачны, а тексты напечатаны съ ошибками. Приводимъ для примѣра двустипиіе Скорины (въ концѣ предисловія къ книгѣ Есоирь) въ передачѣ Вишневскаго и по оригиналу.

<p>Ne koraj pod drugom jamu, sam w wałysz sia w niu: Ne staw Aman Mardocheńi szube- nicę, sam powesniesz na niéj (с. 469).</p>	<p>Некопай под' другомъ своимъ іамы са^н в'валиш'са в'ню Не- став' Амане Мар'дохею шибен- нице са^н повис'неш' наней.</p>
--	---

Далѣ Вишневскій приводитъ ложныя указанія на перепечатки Скорининскихъ изданій: Апостола (с. 470—474. Drugie wydanie tego Apostoła zrobił... Iwan Fedorowicz... w Łwowie, 1574, и т. д.), Псалтири (с. 474—475 — повтореніе ошибки Соныкова). Точно также невѣрны указанія его на выходъ Акаонистовъ Скорины въ Прагѣ, а не въ Вильнѣ (476) и — время изданія отдѣльныхъ библейскихъ книгъ (с. 468—470. Притчи, 1519 в.м. 1517; Руоь, 1517 в.м. 1519, и проч.). Вишневскій удив-

20) St. Kościński. Słownik lekarzów polskich. Warszawa, (1883—85) III, 461—462 с. Опираясь только на Вишневскаго, Косьминскій называетъ Франциска Скорину докторомъ медицины краковскаго университета.

ляется, почему Строевъ считаетъ 22 книги Скорины, когда ихъ только 16 (вм. съ Апостоломъ, 467, прим. 3); но это недоразумѣніе легко устраняется тѣмъ, что въ 15 книгахъ (16 — Апостоль) считается 5 книгъ Моисеевыхъ и 4 книги Царствъ за два экземпляра.

Архіеп. Филаретъ («Обзоръ русской духовной литературы» — Ученія Записки II Отд. Импер. Акад. Наукъ, Спб. (1856), 129—130 и отдѣльно изданіе 3, Спб. (1884), 138 — тоже), не касаясь біографическихъ свѣдѣній о Скоринѣ, признаетъ его переводъ ветхаго завѣта «на литовско-русскій языкъ съ Вульгаты въ Богемской Прагѣ». Апостоль (1525) также считаетъ переводомъ съ Вульгаты, какъ и Малую Подорожную книжицу «въ его собственномъ переводѣ». При этомъ Филаретъ ссылается на одного Сахарова. Повидимому Филаретъ признавалъ также польскій Скорининскій переводъ ветхаго завѣта, основываясь на указаніи Погодина о принадлежащей ему рукописи Пророковъ въ переводѣ Скорины (Москвитяинъ, 1844, № 5; нынѣ эта рукопись въ Импер. Публ. библ., № 85), почему и отмѣтилъ: «но печатнаго Евангелія его (Скорины) доселѣ не найдено».

Буслаевъ (Историческая Христоматія. 1861, стр. 197—206) напечаталъ съ незначительными уклоненіями отъ подлинника (напр. должно быть: стр. 197 починается, стр. 199 роспраши, хвост, 200 — ичбудешь: у Буслаева напечатано: починаеса, роспраш, схвост, ичбудеть; союзы и предлоги вездѣ должны быть слитны съ слѣдующими словами) «изъ перевода библейскихъ книгъ на русскій языкъ докторомъ Францискомъ Скориною» съ замѣчаніями: «въ языкѣ этого перевода видимъ образецъ Бѣлорусскаго нарѣчія начала XVI вѣка», и проч.; «Скорина переводилъ съ латинской Вульгаты». Это былъ первый опытъ научнаго изданія текста Скорины, снабженнаго притомъ грамматическими замѣчаніями.

Головацкій (Науковій Сборникъ, 1865, во Львовѣ. «Нѣсколько словъ о библии Скорины и о рукописной русской библии изъ XVI ст., обрѣтающейся въ библіотецѣ монастыря св. Онуфрія во Львовѣ», с. 225—257) въ интересной статьѣ отнесся къ личности и къ трудамъ Скорины полемически. Мы не находимъ у него того безпристрастія и той научной осторожности, съ которыми относились къ трудамъ Скорины м. Евгений, архіеп. Филаретъ, не говоря о Добровскомъ, о русскихъ и польскихъ ученыхъ. «Скорина, по словамъ Головацкаго, предшественникъ проповѣданія реформаціи... обучавшійся въ университетѣ Пражскомъ, можетъ быти и въ другимъ нѣмецкихъ университетахъ; современникъ Мартина Лютера и Меланхтона²¹ хорошо знакомъ былъ съ ихъ сочиненіями (?). Видѣвъ, съ якою ревностію протестанты старались въ Германіи, въ Чехахъ и другихъ земляхъ розширяти чтеніе библии на народномъ языкѣ, полагая св. писаніе единственнымъ источникомъ и основаніемъ вѣры, безъ всякаго сомнѣнія и Ф. Скорина хотѣлъ прислужиться своимъ землякамъ библиею на русскомъ языкѣ и при пособіи одномышленниковъ постарался о изданіе ея... Но такъ якъ при изданіи библии своего собственнаго (?) перевода былъ бы нашель трудности у русского духовенства, то Скорина напечаталъ ее за границую въ Празѣ. Впрочемъ не возможно опредѣлити, якимъ розширеніемъ пользовалась тая библия, переведенная частнымъ мірскимъ человѣкомъ, неодобренная ніякимъ святителемъ²². И

21) «Мы склонны по наведенію Конытарову, говорить Головацкій въ примѣчаніи, вѣрити въ тождественность Д-ра Ф. Скорины и Франциска Поляка, тѣмъ болѣе, что Скорина кажется истинно былъ Полякъ или Руссъ крещень въ латинскомъ обрядѣ (перекинчикъ)» (с. 230).

22) Викторовъ, въ упомянутой не разъ статьѣ въ «Бесѣдахъ» (с. 22), возражаетъ на это: «выходъ печатныхъ славянскихъ книгъ за благословеніемъ и одобреніемъ духовныхъ властей введенъ въ Россіи гораздо позже Скорины, и именно — въ Москвѣ».

навѣрно сомнѣваться надлежитъ, чтобы православныи Русины съ довѣрчивостію приняли той переводъ просвѣтителя — самозванца» (230—231). Результаты дѣятельности Скорины, котораго Головацкій вполне уподобляетъ извѣстному дѣятелю въ духѣ соцініанства, Симеону Будному (228, 232), хотя не входитъ въ подробности по этому вопросу, сводятся къ слѣдующему: «старанія и происки затѣйщиковъ, мелькнувшія безъ слѣда въ народѣ русскомъ», и проч., съ заключительными словами: «зла искра и поле спалить, и сама сгаснетъ!» (с. 256). Такимъ образомъ Головацкій выступилъ съ новымъ мнѣніемъ о протестантскомъ направленіи Скорины, которое, какъ увидимъ дальше, вскорѣ же было подвергнуто критикѣ Викторовымъ.

Кромѣ этого мнѣнія о протестантскомъ направленіи Скорины статья Головацкаго имѣетъ цѣлью доказать: во 1) что Скорина «перевелъ всю библію — хотя не успѣлъ всю напечатати» (256) и во 2) что Скорина «переводилъ прямо изъ чешской библіи съ пособіемъ церковно-славянскаго перевода» (251). Неизвѣстно, почему Головацкій думаетъ, что «самъ Добровскій не подозрѣвалъ» послѣдняго. Мы видѣли уже выше, что именно Добровскій первый высказалъ мысль о томъ, что Скорина пользовался чешской библіей (*Slovanka*) и рукописнымъ церковно-славянскимъ текстомъ (*Reise nach Russland, etc.*), на что указалъ и Вишневскій въ исторіи польской литературы (VIII, 477). На основаніи перваго своего мнѣнія Головацкій описываетъ нѣсколько рукописныхъ текстовъ св. Писанія въ переводахъ, сдѣланныхъ въ юго-западной Россіи, и съ особенной подробностью останавливается на рукописи Святооуфрѣвскаго монастыря, заключающей, кромѣ списка печатныхъ Скорининыхъ книгъ, еще двѣ книги Паралипоменонъ, которыя Головацкій и признаетъ «спискомъ потерянныхъ книгъ перевода Скорины печатныхъ или въ рукописи оставшихся» (256). Объ указаніи Погодина на книги Про-

роковъ въ переводѣ Скорины, повторенномъ у архіеп. Филарета въ «Обзорѣ», Головацкій повидимому не зналъ²³. Мы еще остановимся на рукописяхъ, указанныхъ Головацкимъ, и на его мнѣніи о нихъ. Второе мнѣніе о переводѣ Скорины съ чешской библии Головацкій основываетъ на чехизмахъ въ языкѣ его книгъ (241, примѣч.). «Переводъ же сдѣланный въ Вильнѣ [Апостола, пѣсни пѣсней (?)] свободнѣе отъ чехизмовъ» (тамъ же). Самъ Головацкій на стр. 251 указываетъ на свою статью, только какъ на опытъ разбора трудовъ Скорины со стороны ихъ отношенія къ чешской библии. «За неимѣніемъ источниковъ²⁴ должны мы покамѣстъ довольствоватися тѣмъ, что обращаемъ вниманіе ученой публики на тотъ любопытный предметъ», и проч. (с. 251). Мы уже упоминали, что Головацкій, подобно Бодянскому, по безъ его оговорокъ, возстаеъ противъ названія языка Скорины бѣлорусскимъ: «то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ», и проч. (251). Тоже Головацкій повторяетъ въ статьѣ — Sweipolt Fiol, etc. (Wien, 1876, 23 стр.—отдѣльный оттискъ изъ Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kaiserlich. Akademie, Bd. LXXXIII, 445).

Викторовъ (Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Москва. 1867, вып. 1, стр. 1—27. «Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ») обстоятельно

23) Эта рукопись Погодина, находящаяся теперь въ Императ. Публ. библ., № 85, какъ укажемъ въ своемъ мѣстѣ, представляетъ продолженіе Свято-онофріевской рукописи.

24) Головацкій не имѣлъ печатныхъ книгъ Скорины, а пользовался выдержками, помѣщенными въ приложеніи къ сочиненію: «Grammatik der Ruthenischen oder Kleinrussischen Sprache in Galizien» von Joseph Lewicki. Przemysl (1834), с. 7—12. Замѣтимъ, что эти выписки съ ошибками. Интересно, что Левицкій въ Предисловіи, стр. XII—XIII, называетъ языкъ перевода Скорины «русинскимъ, близкимъ къ народному».

и подробно описалъ неизвѣстную дотолѣ въ литературѣ Пражскую Псалтирь Скорины 1517 года, случайно пріобрѣтенную извѣстнымъ собирателемъ рукописей Хлудовымъ²⁵ на Нижегородской ярмаркѣ, въ 1867 году. Викторовъ разсматриваетъ эту Псалтирь Скорины, какъ «прототипъ русскихъ изданій учебной Псалтири». Представляя замѣчательное сравненіе 136 псалма по изданію Скорины сравнительно съ церковно-славянскими текстами разныхъ эпохъ и мѣстностей, Викторовъ приходитъ къ выводу, что текстъ Пражской Псалтири «ближе всего подходитъ къ текстамъ русскихъ рукописей и печатныхъ изданій XVI вѣка», но при этомъ отмѣчаетъ и нѣкоторыя исправленія въ текстѣ Скорины — одни по его собственному «произволу», другія по Вульгатѣ. Но Викторовъ не ограничивается одной Пражской Псалтирю, онъ касается «нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ о самомъ лицѣ Скорины и о тѣхъ побужденіяхъ, которыми онъ руководствовался въ своей издательской и литературной дѣятельности» (с. 17), причемъ критически разсматриваетъ мнѣнія предшественниковъ. Эти мнѣнія онъ дѣлитъ на двѣ группы: «одни считаютъ Скорину католикомъ и пропагандистомъ на Руси католицизма; другіе — протестантомъ и проповѣдникомъ въ Россіи реформаціи» (Головацкій). Собственное мнѣніе Викторова о личности и трудахъ Скорины состоитъ въ слѣдующемъ: «этотъ замѣчательный дѣятель въ области древне-русской литературы принадлежалъ къ православной церкви²⁶, по крайней мѣрѣ въ своей издательской дѣятельности заботился не о распространеніи между своими соотечественниками католичества, или люте-

25) Въ настоящее время этотъ унікумъ хранится въ Москвѣ, въ Никольскомъ Единонѣрческомъ монастырѣ.

26) Въ примѣчаніи (с. 20) Викторовъ высказываетъ предположеніе, что, судя по имени Скорины — Францискъ, онъ «могъ дѣйствительно быть крещенъ по латинскому обряду, но потомъ могъ перейти къ православію».

ранства, а объ утвержденіи въ нихъ православія. Вслѣдствіе этого намъ кажется естественнымъ въ лицѣ Скорины видѣть предшественника не проповѣдниковъ въ Россіи католичества или реформаціи, а скорѣе предшественника князей Острожскихъ, братьевъ Мамоничей, кн. Курбскаго и другихъ ревнителей, подвизавшихся въ XVI вѣкѣ въ Западной Россіи за православіе противъ усилій реформаціи и римской пропаганды» (с. 20). Это мнѣніе Викторовъ основываетъ главнымъ образомъ на Пражской Псалтири и виленскихъ изданіяхъ Скорины, которыя онъ рѣзко отличаетъ отъ библейскихъ книгъ Скорины, изданныхъ въ Прагѣ (с. 9—10). О происхожденіи послѣднихъ Викторовъ не высказываетъ опредѣленнаго сужденія, признавая ихъ «новымъ переводомъ съ Вульгаты» при помощи «Греческаго (?) текста, а также, можетъ быть и древне-славянскаго, или скорѣе чешскаго», причемъ даже возбуждаетъ вопросъ, не пользовался ли Скорина и еврейскимъ текстомъ (с. 10, прим.). Но всѣ эти предположенія Викторова основаны на замѣчаніяхъ самого Скорины, которыя, какъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, составляютъ только переводъ подлинныхъ словъ бл. Иеронима. Склоняясь къ мнѣнію Головацкаго о переводѣ съ чешскаго, Викторовъ высказываетъ сожалѣніе, что Головацкій «не разъяснилъ своего мнѣнія съ желаемою полнотою и обстоятельностью».

Нельзя обойти молчаніемъ странныя предположенія, высказанныя въ статьѣ («Судьбы русскаго языка въ костелахъ Сѣверо-западнаго края». Русскій Вѣстникъ, 1868, т. LXXVII) псевдонима «Бѣлоруссъ», которыя повторяютъ старыя ошибки, прибавляя къ нимъ еще много новыхъ. Всѣ труды Скорины относятся здѣсь къ католической литературѣ на русскомъ языкѣ, причемъ высказывается мнѣніе, что всѣ эти труды «для католиковъ» Скорина предпринялъ по желанію короля Сигизмунда I. Предположеніе Добровскаго развивается до того, что Скорина

является уже «повѣреннымъ короля Сигизмунда при богемскомъ королѣ Людовикѣ». Мало того, что авторъ разсматриваемой статьи признаетъ Апостолы и Псалтири, напечатанныя въ XVI вѣкѣ, въ юго-западной Россіи «перепечаткой перевода Скорины», онъ прибавляетъ еще: «книги Библии, въ переводѣ Скорины, были издаваемы, особенно нѣкоторыя, по нѣскольку разъ» (с. 143). Извѣстное виленское изданіе Скорины — Псалтирь, Акаѳсты и проч. (Малая подорожная книжица) авторъ называетъ: «католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ Капо-никъ, или Акаѳистникъ. При нюрнбергскомъ (?) изданіи Капо-ника Скорины находится нѣсколько изображеній», и проч. (143). Наконецъ Скоринѣ приписывается еще «Катихизисъ. Венеція, 1527 года» (стр. 144). Ни на чемъ не основаны предположенія автора о преслѣдованіи Скорины поляками (стр. 150) и о каноническомъ одобреніи перевода Скорины въ протестѣ виленскаго епископа Іоанна, въ 1526 году (стр. 151).

Гатцукъ (Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. 1872, т. XCIX) правильно оцѣниваетъ изданія Скорины въ отношеніи ихъ къ типографскому искусству, но преувеличиваетъ значеніе чешскаго вліянія въ дѣлѣ церковно-славянскаго книгопечатанія и совершенно невѣрно называетъ языкъ переводовъ Скорины то церковно-славянскимъ, «какой въ древнихъ рукописяхъ», то «малорусскимъ» (321, примѣч., и с. 322).

Слово (Львовъ) 1875, ч. 130. Отвѣты и Вопросы. «Ф. Скорина, издатель въ Празѣ Чешской, въ 1517, 1518 и 1519 годахъ». Въ этой небольшой статьѣ авторъ (по указанію Огоновскаго — А. Петрушевичъ) старается отвѣтить на два вопроса: почему Скорина прозванъ былъ неправославнымъ именемъ Францискъ и въ какомъ университетѣ окончилъ онъ свое образованіе. Отвѣчая на первый вопросъ, авторъ опирается на

статью о Ф. Скоринѣ въ Крестномъ Календарѣ 1873 года²⁷, въ которой указывается другое имя Скорины — Георгій, находящееся будто бы въ подписи подъ портретомъ Скорины 1517 года, причемъ неправославное имя Скорины—Францискъ объясняется средствомъ прикрытія отъ чаръ, а по мнѣнію автора статьи въ Словѣ — для окончанія образованія въ краковскомъ университетѣ.

Анатоль Вахнянинъ: О докторѣ Ф. Скоринѣ и его литературной дѣяльности (Справоздаче дирекціи ц. к. гимназіи акад. во Львовѣ на рѣчь школьных 1878—79. Львовъ, 1879). Къ сожалѣнію, мы не могли достать этой книги, и знаемъ о ней изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ галицкомъ изданіи: «Правда, мѣсячник для словесности, науки и политики, Рочник XII, 1879 года, У Львові», стр. 590, 640—645. Изъ этихъ статей можно заключить, что Вахнянинъ считаетъ Скорину — православнымъ русиномъ. Рецензентъ Ю. Б. (стр. 643), не соглашаясь съ мнѣніемъ Вахнянина, называетъ Скорину католикомъ. Въ другой статьѣ (стр. 591) рецензентъ, называя Скорину «загадочною, неясною» личностью, склоняется къ разсмотрѣнному нами мнѣнію Головацкаго. Изъ рецензіи Ю. Б. можно заключить еще, что въ статьѣ Вахнянина изложена исторія краковского университета,

27) Календарь Крестный на 1873 годъ, стр. 47: «Францискъ Скорина первопечатникъ русскій», съ портретомъ. Статья заканчивается словами: «не слѣдуетъ забывать и первопечатника общерусскаго Скорину. Ждемъ сооруженія ему памятника въ Вильнѣ». Авторъ называетъ Скорину православнымъ, а о побужденіи къ переводу библіи говоритъ: «Скорба объ отсутствіи на Руси просвѣщенія и о рѣдкости книгъ св. Писанія, трудолюбивый докторъ Скорина всего себя посвятилъ духовной помощи православію и русскому народу». По автору совершенно безъ всякихъ основаній думаетъ, что Скорина «въ Вильнѣ напечаталъ въ 1525 году всю Библию (?), Апостола (?)». Ивана Оседорова и Петра Мстислава авторъ считаетъ учениками Скорины. «Иванъ Оседоровъ, есть первопечатникъ только московскій, а не обще-русскій».

на основаніи трудовъ Мучковскаго, Лукашевича и Вишневекаго. «Се все було потрібне, говорить рецензентъ (стр. 641), щоби зрозуміти и належито оцінити діяльність самого Скорини». На стр. 591, вслѣдствіе ошибочнаго указанія Мацѣевскаго, упоминается, «діло историчне Скорини»: *Skoruny Franciszka dzieło historyczne o czterech monarchiach r. 1518 wykończone (Piśmiennictwo Polskie, II, 883)*.

Митр. Макарій (Исторія Русской Церкви, т. IX, Спб. 1879, 303—304), основываясь на указаніяхъ Сахарова: «Обозрѣніе славяно-русской бібліографіи», ошибочно утверждаетъ, что Скорина издалъ въ Прагѣ «всю біблію, точнѣе весь ветхій завѣтъ въ 22 книгахъ», въ переводѣ на литовско-русское нарѣчіе съ Вульгаты. Точно также, согласно съ Сахаровымъ, говоритъ о «типографіи Бабича въ Вильнѣ, въ 1525 году». Ф. Скорину Макарій признаетъ «вѣрою римско-католикомъ», а переводы его «назначеными для латинянъ»; но, основываясь на свидѣтельствахъ XVI вѣка, говоритъ, что книгъ Скорины «не чуждались и православные и допускали ихъ, если не въ церковное, то въ домашнее свое употребленіе».

Чистовичъ (Очеркъ исторіи Западно-Русской Церкви. Спб. 1882, ч. I, стр. 217—219) повторяетъ мнѣніе Головацкаго, и упоминая о статьяхъ, касающихся трудовъ Скорины, Бакмейстера, Алексѣева, Сопикова, м. Евгенія, Кеппена, Сахарова, Головацкаго и Каратаева, ничего не говоритъ о статьѣ Викторова, замѣчаніяхъ архіен. Филарета и друг. На стр. 218 Чистовичъ принимаетъ описанную Головацкимъ рукопись Святооуфрѣвскаго монастыря за «передѣлку бібліи Скорины въ Галицкой Руси на понятное южно-русское нарѣчіе». Но въ статьѣ Головацкаго нѣтъ основаній для такого широкаго вывода.

Огоновскій (Христоматія Староруска. У Львовѣ, 1881 года, стр. 281 и далѣе. — Исторія литературы русской. Часть I,

Львовъ, 1887 года, стр. 154—159) напечаталъ въ Христоматіи нѣсколько отрывковъ изъ библейскихъ книгъ Скорины, но съ отступленіями отъ оригинала и съ ошибками. Кромѣ текста и грамматическихъ примѣчаній къ нему, въ Христоматіи помѣщены замѣчанія о жизни и трудахъ Скорины, повторенныя затѣмъ въ Исторіи литературы русской. По вѣроисповѣданію, Огоновскій считаетъ Скорину католикомъ; по образованію — студентомъ краковского университета, въ которомъ Скорина, по мнѣнію Огоновскаго, получилъ и степень доктора. Языкъ Скорины Огоновскій называетъ бѣлорусскимъ. Въ другомъ трудѣ «*Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache*» (Lemberg, 1880) Огоновскій не пользовался непосредственно книгами Скорины. Вообще по изученію языка Скорины, не смотря на не разъ указанный интересъ его кромѣ нѣсколькихъ примѣровъ въ трудахъ Житецкаго (Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876, стр. 100 и далѣе), профессора Соболевскаго (Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1884 года, стр. 73, 152, 153, 154, 155. — Журналъ Мин. Нар. Пр. 1887, V, Критика и библиографія, стр. 137—147. — Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1887, №№ 9, 10 и далѣе: Лекціи по исторіи русскаго языка) и Карскаго (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва, 1886²⁸⁾ почти ничего не сдѣлано.

Намъ остается сказать еще о трудѣ, который служилъ намъ постоянной справочной книгой при занятіяхъ церковно-славянскими и русскими старопечатными изданіями. Это трудъ Кларатаева (Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Спб., 1878 года; второе значительно дополненное и исправленное изданіе 1883 года, см. о Скоринѣ стр. 28—44 и 56—67) — трудъ важный для всякаго, занимающагося старо-печатной литературой; но трудъ,

28) См. у насъ ниже, стр. 239.

къ которому должно относиться крайне осторожно. По справедливому отзыву И. А. Бычкова, «Каратаевъ довольно много поработалъ при его (Описаніи славяно-русскихъ книгъ) составленіи; но, къ сожалѣнію, трудъ этотъ выполненъ не съ тою добросовѣстностью и тщательностію, какія необходимы въ подобнаго рода работахъ; въ немъ встрѣчается много такихъ ошибокъ и недостатковъ, которые лишаютъ его значенія вѣрнаго руководителя въ историко-литературныхъ занятіяхъ»²⁹. И дѣйствительно, книга Каратаева требуетъ постоянной повѣрки по описываемымъ оригиналамъ, причемъ нерѣдко обнаруживается многое, оставленное безъ вниманія Каратаевымъ. Что касается нашего предмета, то Каратаевъ подробно своихъ предшественниковъ (Сопикова, Строева, Сахарова, и друг.) описалъ все извѣстныя печатныя изданія Скорины, причемъ напечаталъ все «предъсловіе» Скорины «во всю библію рускаго языка» и приложилъ библиографическія указанія къ отдѣльнымъ изданіямъ Скорины. Но только во второмъ изданіи своей книги Каратаевъ отмѣтилъ названіе и составъ «Малой подорожной книжицы», опустилъ нѣкоторыя ошибки перваго изданія и дополнилъ новыми приложениями описаніе книгъ Скорины: напечаталъ оглавленіе къ Малой подорожной книжицѣ. Раньше Каратаева это оглавленіе вмѣстѣ съ замѣчаніями объ Апостолѣ и Малой подорожной книжицѣ было напечатано въ «Памятникахъ Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи» (Спб. 1874, вып. VI, стр. 144—148).

Ниже (стр. 78, 79, 177 и д.) мы говоримъ о трудахъ Стасова и Ровинскаго, касающихся изданій Скорины въ отношеніи къ древне-русскому искусству.

29) Изъ ненапечатаннаго «Отзыва о трудѣ Каратаева», по рукописи, сообщенной намъ авторомъ, стр. 117—118.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СКОРИНА

ЕГО ПЕЧАТНЫЯ ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

1. Общее состояніе нравственно-религіозной и умственной жизни въ юго-западной Россіи въ XV—XVI вѣкахъ. — Упадокъ духовенства и значеніе мірянъ, братствъ въ нравственно-религіозномъ и умственномъ развитіи. — Обзоръ церковно-славянской письменности въ юго-западной Россіи съ конца XIV до половины XVI вѣка и вопросъ о народномъ «русскомъ» языкѣ въ XVI вѣкѣ. — Отношенія юго-западной Россіи къ умственному развитію западной Европы и отличительныя черты главныхъ направленій.

Въ русской исторической наукѣ не разъ уже высказывалась мысль, что нравственно-религіозное и умственное развитіе, которое съ особенной силой проявилось въ концѣ XVI вѣка въ юго-западной Россіи, обязано своимъ началомъ періоду предшествующему¹. Съ этой точки зрѣнія, немногочисленныя явленія литературы въ юго-западной Россіи, въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка, изъ которыхъ выдающимися представляются труды доктора Франциска Скорины, получаютъ особенный инте-

1) Бестужевъ-Рюминъ: Русская исторія. II, 1, стр. 134—135. Митр. Макарій: Исторія Русской Церкви, т. IX. Викторовъ: Бесѣды въ обществѣ любителей руссійской словесности, вып. 1 (1867), стр. 20, и проч.

ресь. Съ этой же точки зрѣнія, получаютъ надлежащее освѣщеніе скудныя и разрозненныя данныя для біографіи Скорпины.

Остановимся прежде всего на особыхъ условіяхъ нравственно-религіозной и умственной жизни въ юго-западной Россіи въ XV—XVI вѣкахъ: на упадкѣ духовенства и участіи мірянъ, свѣтскихъ людей въ дѣлѣ нравственно-религіознаго и умственнаго развитія.

Высшее духовенство юго-западной Россіи — митрополиты и епископы, за немногими исключеніями, были не только необразованны и не заботились о религіозномъ развитіи своей паствы и вѣранныхъ церковно-служителей, но и сами подавали послѣднимъ соблазнительный примѣръ своей жизнью, погоней за болѣе выгодными въ матеріальномъ отношеніи мѣстами, подкупами, стяжательностію и сутяжничествомъ. Понятно, почему, со времени Григорія Цамвлака, въ теченіе XV и почти всего XVI вѣка не вышло ни одного самостоятельнаго поученія отъ высшаго духовенства юго-западной Россіи¹ и не было подано голоса за необходимость заведенія школъ для образованія духовенства, не говоря уже о мірянахъ. Почти единственнымъ ревностнымъ дѣятелемъ среди митрополитовъ западно-русской церкви является въ началѣ XVI вѣка Іосифъ Солтанъ, извѣстный по постановленіямъ вилнскаго собора 1509 года и по другимъ грамотамъ, направленнымъ къ «исправленію дѣлъ духовныхъ». Но почти всѣ стремленія Іосифа Солтана къ этому «исправленію» выражаются въ борьбѣ противъ одного зла въ западно-русской цер-

1) Нѣкоторыя поученія западно-русскихъ митрополитовъ и епископовъ, какъ напр. болѣе выдающееся «Поченіе новопоставленному іерею», за подписью митрополита Сильвестра (Акты Зап. Россіи, т. III, стр. 116 (1562); ср. Чистовичъ: Очеркъ исторіи западно-русской церкви, ч. I, стр. 213), по справедливому замѣчанію митрополита Макарія (Исторія Русск. Церкви, IX, стр. 336), не представляютъ самостоятельныхъ трудовъ, а составлены по готовой формѣ.

кви — патроната — права жалованья имуществъ и доходовъ, соединившихся съ митрополичьимъ, епископскими, монастырскими и церковными мѣстами, или, по выраженію актовъ юго-западной Россіи, права «подаванья столицъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ». Право «подаванья», а вмѣстѣ съ нимъ и утвержденія на митрополичьемъ и епископскихъ мѣстахъ, находилось въ рукахъ «господаря» — короля и его вельможъ, принимавшихъ денегныя и другія приношенія, такъ называемыя «челомбитья» за «подаванье», а часто и за одно обѣщанье мѣсть, еще при жизни занимающихъ ихъ лицъ. Этимъ правомъ патроната нарушался старинный русскій обычай избранія митрополита и епископовъ при участіи «духовенства, князей, бояръ и всего посольства», какъ еще было въ 1490 году, при избраніи митрополита Іоны¹. Мѣсто избранія заступила купля и продажа іерархическихъ мѣсть, большею частію свѣтскими лицами, нисколько неподготовленными къ высокому сану, неразстававшимися съ своими свѣтскими привычками² и не отличавшимися ни нравственными, ни умственными достоинствами. Постановленія виленскаго собора 1509 года, отмѣтившія впервые это зло, не могли, конечно, уничтожить его, такъ какъ имѣли въ виду нравственную опору въ собственной средѣ и «чоломбитье» предъ господаремъ³. Достаточно привести два-три примѣра изъ числа многихъ. Въ 1520 году король выдалъ грамоту на пожалованье одной изъ самыхъ богатыхъ епископскихъ кафедръ луцкой или владимірской, которая прежде станетъ праздною, пану Василю Евлашковичу, по просьбѣ его сына, писаря Копти, за исполненное имъ порученіе

1) См. Виленскій Археографич. Сборникъ, т. I, № 2.

2) Памятники Русской старины въ западныхъ губери. Имперіи, Сиб., 1874, в. VI, стр. 168: «Нѣкоторые епископи нехотяще... на съборъ збиратися и о паствинѣ своей попеченіе имѣти, и мірьски ден и sprawy на себе берутъ».

3) Тамъ же, стр. 169 — «о тврѣдости оуоставленія».

и понесенныя на службѣ издержки¹. Въ 1534 году король Сигизмундъ I грамотой своей жалуетъ «хлѣбъ духовный митрополию кievскую и галицкую и всея Русь» Макарію, епископу луцкому и острожскому, по его «челомбитью», при жизни митрополита Іосифа, и по ходатайствамъ за Макарію королевы Боны, виленскаго воеводы Ольбрахта Гапгольда, и др. Луцкую каедрю, съ которой Макарій поступилъ на митрополию, онъ также выпросилъ себѣ у короля въ 1528 году, будучи епископомъ пишскимъ; а до поступления въ монашество онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей². Въ 1551 году, за пять лѣтъ до смерти митрополита Макарія, король Сигизмундъ Августъ заранѣе назначилъ ему преемникомъ виленскаго скарбника и ключника Стефана Андреевича Белькевича въ награду за его «верные, пыльные, николи неомешканные, цютливые службь». Этотъ панъ Стефанъ Белькевичъ, вполнѣдствіи митрополитъ Сильвестръ, человекъ необразованный, едва умѣвшій читать, былъ настоятелемъ виленскаго Троицкаго монастыря и даже «нареченнымъ митрополитомъ», оставаясь въ свѣтскомъ званіи³. И это было въ то время, когда въ Литвѣ съ особенной силой развивалось протестантское броженіе...

Монастыри юго-западной Россіи въ разсматриваемое время, во главѣ которыхъ стоятъ игумены, подобно владыкамъ достигшіе сана происками и подкунами, представляютъ полное забвеніе лучшихъ преданій древне-русскаго отшельничества. Нечего и говорить о томъ, что они почти ничего не даютъ для духовнаго

1) Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 193. Акты Ю. и З. Р., т. II, № 105.

2) Акты Зап. Рос., т. II, № 151. Архивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. VI (1883), стр. 41; митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 234. Ср. о женѣ полоцкаго епископа Луки Чистовичъ: Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Сиб., 1882, I, стр. 153.

3) Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 329—330.

просвѣщенія юго-западной Россіи. Единственнымъ выдающимся монастыремъ, только что возникшимъ въ началѣ XVI вѣка, является Супрасльскій монастырь, первые монахи котораго были вызваны, по преданію, съ Ловона¹. Но и этотъ монастырь, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ митрополита Іосифа Солтана, въ уставѣ котораго обращалось особенное вниманіе на то, чтобы «не держать въ монастырѣ ничего хмѣльнаго», «не отлучаться изъ монастыря», «ребятъ въ монастырѣ не держать ни на науку, ни на послугу», и проч.², только при двухъ первыхъ настоятеляхъ имѣлъ братіи 40 человѣкъ, а уже при третьемъ—оставалось только 27 человѣкъ³. Супрасльскій монастырь въ началѣ XVI вѣка особенно славился тѣмъ, что въ немъ «черныцы безъ хмѣлю вмѣрно ся ховають», поэтому митрополитъ въ 1534 году изъ всѣхъ монастырей юго-западной Россіи избралъ только Супрасльскій для исправленія недостойнаго игумена монастыря Слуцкаго, Симона; «а подлѣ которыхъ монастырей корчмы будутъ, писалъ митрополитъ, тамъ игумену Симону безъ питя не прожити»⁴. Въ Киевопечерскомъ монастырѣ, около 1525 года, старцы и князь Острожскій жалуются королю, что настоятель Антоній не только не держитъ монастырской общины, но совсѣмъ ее исказилъ⁵.

Такія же постоянныя жалобы раздаются въ теченіе XVI вѣка на «великое грубѣянство и недбалость» священниковъ и низшаго духовенства. И здѣсь нерѣдко проявлялось вредное вліяніе патроната⁶. Постановленія виленскаго собора 1509 года ука-

1) Чистовичъ: Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Спб., 1882, ч. I, стр. 127.

2) Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 184.

3) Тамъ же, стр. 290.

4) Тамъ же, стр. 223. Ср. Виленскій Археографич. Сборникъ, т. V, № 5.

5) Тамъ же, стр. 230.

6) Но и епископы ставили иногда священниковъ за «великіе подарки» —

зываютъ на то, что патроны (князья и паны) берутъ часто священниковъ безъ благословенія епископа, и затѣмъ, также безъ вѣдома епископа, отнимаютъ мѣста у священниковъ, отчего церкви остаются подолгу безъ церковной службы. Священники, какъ и монахи, вели часто бродячую жизнь, переходя отъ прихода къ приходу, нерѣдко отличались зазорной жизнью и пьянством¹. Отсюда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ юго-западной Россіи являются такіе безпорядки въ церковной жизни, на которые напр. жаловался митрополитъ Іосифъ Солтанъ въ 1509 году королю: «многіе люди, Русь, по нашимъ мѣстомъ и по князьскимъ и по папскимъ, незаконне мѣшкаютъ, жоны поимуючи не вѣчаютъ и дѣтей крестити не хотятъ и на исповѣдь не ходятъ»². Эти безпорядки не могутъ однако характеризовать религіознаго состоянія православныхъ юго-западной Россіи въ разсматриваемое время. Многія свидѣтельства современниковъ указываютъ на силу православія въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, на усердіе къ церковной службѣ мірянъ³. Приведенная жалоба ми-

«людей простыхъ» и неудовлетворившихъ требованіямъ мірянъ. — Чистовичъ: Очеркъ исторіи западно-русской церкви, Спб. 1882 года, ч. I, стр. 151.

1) Соборныя постановленія 1509 года называютъ поповъ «безчинниками»; такіе безчинники держали у себя наложницъ, утаивали передъ посвященіемъ тяжкіе грѣхи.

2) Акты Западной Россіи, т. II, № 51.

3) О приверженности русскихъ въ Литвѣ къ своей православной вѣрѣ свидѣлствуетъ краковскій каноникъ Иванъ Сокранъ, написавшій около 1500 года сочиненіе, подъ заглавіемъ «Истолкователь заблужденій русской вѣры» (Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. III, стр. 140, и д.). Браунъ въ описаніяхъ городовъ западной Россіи (*Civitates orbis terrarum*), во второй половинѣ XVI вѣка, съ удивленіемъ описываетъ «особенное усердіе и сокрушеніе» православныхъ во время совершения св. тайнъ, говоритъ о молитвенныхъ стояніяхъ и крестныхъ ходахъ съ иконами св. Павла и св. Николая (тамъ же, стр. 305). Прибавимъ къ этому постоянное недовѣріе папъ въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка къ переходамъ православныхъ въ католичество и къ неудавшимся попыткамъ уни; упомянутый Сокранъ также

трополита Юсифа Солтана можетъ указывать или на отдѣльный, мѣстный фактъ, или на оппозицію мірянъ недостойнымъ священнослужителямъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка въ актахъ юго-западной Россіи часто встрѣчаются указанія на «великіе ростырки и незгоды» между духовенствомъ и городскимъ сословіемъ, мѣщанами. Мѣщане въ своихъ стремленіяхъ къ широкому участию въ церковныхъ дѣлахъ, что такъ не правилось духовенству юго-западной Россіи, опирались на старое русское право участія въ избраніи священнослужителей и на новое магдебургское право, предоставлявшее имъ болѣе самостоятельности въ управленіи городскими дѣлами. Мѣщане являлись по отношенію къ городскимъ церквамъ и священникамъ патронами, подобно князьямъ и панамъ въ ихъ владѣніяхъ. Но мѣщане выработали особыя правила въ отношеніи къ своимъ церквамъ и священникамъ, которыя и отстаивали горячо предъ королемъ противъ стремленій митрополита уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ. Вотъ въ чемъ заключались эти правила: мѣщане выбирали священнослужителей и брали съ нихъ письменныя обязательства; когда умиралъ священникъ или удалялся съ мѣста, представители мѣщанъ, бурмистръ и радцы, брали ключи церковные и все имущество церкви въ свое распоряженіе; хотя при вступленіи священника на мѣсто мѣщане и «подавали» ему ключи и церковное имущество, но тѣмъ не менѣе ежегодно какъ бы ревизовали его, составляя и провѣряя описи всему церковному имуществу (пописанье скарбу церковного¹⁾). Необходимость

говорить, что не слѣдуетъ вѣрить русскимъ, переходящимъ въ католичество, и немедленно ихъ принимать. Замѣчательно также ходатайство папы Иннокентія VIII за перешедшаго въ Римѣ въ католичество Ивана Сопѣгу, большаго подвергнутому притѣсненіямъ въ Литвѣ отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ (тамъ же, стр. 148).

1) Акты Западной Россіи, т. II, стр. 398, и д.

послѣдней мѣры виленскіе мѣщане объясняютъ митрополиту Іосифу въ 1511 году тѣмъ, что «намъ мѣщаномъ съ того жадное корысти нѣтъ, нижли только смотримъ, штобы наклады церковныи безъ вѣдома не гинули... бо въ нѣкоторыи лѣта того (скарба церковнаго, который мѣщане называютъ — «нашъ накладъ») были есмо не осмотряли, ино шкода немалая во церкви бывала»¹. Не смотря на то, что митрополитъ Іосифъ, опираясь на правила Свв. Отецъ, въ которыхъ «того нѣтъ, абы мірскіе люди касались ко всякому церковному исправленію или церковью обладали»², стремился ограничить права мірянъ и еще въ 1509 году въ постановленіяхъ виленскаго собора запретилъ, подъ страхомъ церковнаго отлученія, держать у себя мірянамъ «Божественныя правила» (Кормчую³), мѣщане не соглашались отступиться отъ своихъ правъ, и какъ отъ самого митрополита Іосифа добились нѣкоторыхъ уступокъ, такъ и отъ короля, въ 1544 году — подтвержденія своихъ правъ⁴. Но распри между духовенствомъ и мѣщанами продолжались и впослѣдствіи (о вышеупомянутыхъ правахъ и — «о вольность исповѣди, о клятвы невинной въ свѣтскихъ речахъ, о покровахъ» надъ мертвыми, и проч.).

Все эти распри мірянъ съ духовенствомъ, какъ и патронатъ, представляли не одиѣ только дурныя стороны, имѣли не одно только отрицательное значеніе въ исторіи нравственнаго и религіознаго развитія юго-западной Россіи XVI вѣка. Изъ свѣтскихъ же людей, изъ мірянъ являлись иногда, въ первой половинѣ XVI вѣка, лучшіе представители духовенства, какъ митрополитъ

1) Виленскій Археографич. Сборникъ, т. VI, № 4.

2) Тамъ же.

3) «Занеже держаще ихъ мірскіи люди нѣвкоторыхъ дѣлахъ законъ презирають и пастырей своихъ преслушаются... Сами собѣ законъ бывають». Памятники Русск. Старины въ западн. губ., вып. VI, стр. 168.

4) Акты Запади. Россіи, т. II, стр. 398, и д.

Иосифъ Солтанъ (1507—1522), изъ знатной фамиліи Солтановъ, какъ галицкій епископъ Макарій изъ львовскихъ мѣщанъ¹. Извѣстно значеніе въ исторіи западно-русской церкви такихъ могущественныхъ патроновъ, какъ князья Острожскіе (Константинъ Ивановичъ — покровитель и ходатай предъ королемъ за права православныхъ и Константинъ Константиновичъ, нещадившій средствъ и трудовъ для поднятія религіознаго и умственнаго развитія юго-западной Россіи), какъ Ходкевичи (Александръ Ивановичъ, основатель Супрасльскаго монастыря, и Григорій Александровичъ, издатель книгъ въ своей типографіи, въ Заблудовѣ), и др. Ревностью патроновъ увеличивались церковныя имущества, возникали новыя церкви, поддерживались права православныхъ. Церковныя имущества, «звоны, книги, образа и прочіе вѣберы» — все это составлялось «накладами» мірянъ. Поля старыхъ церковныхъ книгъ (Евангелій, Миней) юго-западной Россіи XV—XVI вѣка были исписаны этими «накладами».

Но еще замѣчательнѣе и важнѣе въ исторіи нравственнаго и религіознаго развитія юго-западной Россіи крѣпкіе союзы городского сословія—мѣщанъ, извѣстные подъ именемъ «братствъ». По извѣстнымъ въ настоящее время грамотамъ о братствахъ, возникновеніе ихъ относится къ первой половинѣ XV вѣка². Особенное развитіе братства получаютъ съ конца XVI вѣка, какъ про-

1) Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 239.

2) Мы не касаемся здѣсь спорнаго вопроса о происхожденіи западно-русскихъ братствъ, такъ какъ для нашей цѣли достаточно представленія ихъ общаго состоянія въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Замѣтимъ однако, что въ этомъ вопросѣ мы раздѣляемъ мнѣніе, высказанное недавно авторомъ «Исторіи Кіевской Духовной Академіи» (С. Голубевъ: вып. I, Кіевъ 1886 года, стр. 79, и д.). Авторъ, не отрицая значенія духовныхъ гильдій и цеховъ въ развитіи братствъ (Н. Скабаллановичъ: Западноевроп. гильдіи, и проч. Христіанск. Чтеніе, 1875 года, т. V), придаетъ особенное значеніе коллективному патронату въ городахъ надъ непривилегированными церквами.

тивовѣсь уніи 1596 года. Но и въ первой половинѣ XVI вѣка къ старымъ братствамъ — успенскому во Львовѣ (1439) и кушнерскому въ Вильнѣ (1458) — прибавляются: въ Вильнѣ «панское или мѣстское» (въ концѣ XV вѣка), купецкое, кожемяцкое, русское, а во Львовѣ — въ 1542 году братство при церкви Благовѣщенія и въ 1544 году — при церкви св. Николая. Мы остановимся на виленскихъ братствахъ (въ общихъ чертахъ съ ними были сходны и львовскія). Хотя въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка только панское братство состояло при церкви Пречистой Богоматери и было такимъ образомъ церковнымъ братствомъ, тѣмъ не менѣе и остальные виленскія братства (связанныя съ купечествомъ, съ цехомъ скорняковъ) имѣли въ разсматриваемое время по преимуществу религіозный характеръ. Для характеристики виленскихъ братствъ и ихъ дѣятельности главнымъ, но не исключительнымъ матеріаломъ — служатъ ихъ уставы, утвержденные грамотами XVI вѣка ¹.

Прежде всего братства представляютъ крѣпкія общественныя связи, не ограничивавшіяся одними пирами — «медовыми складами» въ дни избранныхъ церковныхъ праздниковъ. Братства, по акту 1511 года, имѣютъ въ Вильнѣ постоянныя «добра и дома брацкіе» ². Представители городского управленія — бурмистры, радцы и лавинки — постоянно числятся въ панскомъ братствѣ. Остальные братства представляютъ связь съ цехами,

1) Акты Западной Россіи, т. III, № 131: «артыкулы братства купецкаго-виленскаго», утвержд. 1582 года. — Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковны и др.; 1843 года, ч. II, №№ 1, 2, 16 и 17, уставы панскаго и кушнерскаго братствъ 1585 и 1608 года. — Акты, издав. Виленск. Археографич. Коммис., 1875 года, т. VIII, стр. 236, и д., уставы братства виленскаго-кушнерскаго, подтвержден. 1669 года. Интересно бы собрать по актамъ и грамотамъ юго-западной Россіи до уніи все указанія на братства и ихъ разнообразныя отношенія.

2) Виленскій Археограф. Сборникъ, т. VI, стр. 4.

съ купечествомъ и мѣщанствомъ. Для купцовъ и мѣщанъ виленскихъ, во время ихъ торговыхъ путешествій «въ земляхъ лянскихъ и нѣмецкихъ», братство панское около 1509 года выхлопывается отъ константинопольскаго патріарха подвижной антиминсѣ¹. Старшіе братья, старосты, рочные справцы и ключники, завѣдывавшіе братской казной, выбираютъ на цѣлый годъ; постоянные члены братства обязываются держаться своего братства, почему и братство заботится о похоронахъ каждаго своего члена, доставляя «потребы на погребъ тѣла — оксамитъ, свѣчи братскія», участвуя всѣмъ братствомъ въ проводахъ тѣла. Въ 1522 году священникъ виленскій Матѳеи въ завѣщаніи своемъ братству поручаетъ опеку надъ своимъ имуществомъ². Наконецъ замѣчательно для характеристики виленскихъ братствъ непосредственное сношеніе одного изъ нихъ, около 1509 года, по поводу упомянутаго антиминса, съ константинопольскимъ патріархомъ; точно также львовское братство сносится съ молдавскимъ господаремъ, покровителемъ братской церкви³.

Религіозное значеніе братствъ въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка характеризуется прежде всего сліяніемъ ихъ съ патронатомъ. Почти все, что мы выше говорили о распряхъ мірянъ и виленскихъ мѣщанъ съ духовенствомъ, о правилахъ патроната надъ церквами, выработанныхъ виленскими мѣщанами, все это относится и къ братствамъ. Если въ этихъ случаяхъ въ началѣ XVI вѣка въ актахъ не называются братства, а только міряне, бурмистры, радцы, лавники, то эти же самыя лица входятъ и въ братства. Тѣ и другія отношенія къ

1) Акты Западн. Россіи, т. II, № 55.

2) Виленскій Археографич. Сборникъ, т. VI, стр. 14: «а што есмь въ сей моей дѣховници отписалъ... то все маеть быти подъ свѣдомомъ бурмистровъ братства Пречистое Богоматере».

3) Митр. Макарій: Ист. Русск. Церкви, т. IX, стр. 348.

церкви (патронатъ и братство) сливаются въ стремленіяхъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Уставы братствъ XVI вѣка указываютъ церкви и церковные праздники (общіе у всѣхъ братствъ: Пасха, Рождество, св. Николая), къ которымъ приурочена дѣятельность братствъ. «Восковая дань» (отъ сыченья медовъ)— свѣчами шла во всѣ виленскія церкви. О религіозномъ же значеніи братствъ свидѣтельствуемъ упомянутая присылка виленскому братству антимиса отъ патріарха. А этотъ фактъ, какъ и предыдущіе, указываетъ на извѣстную самостоятельность братствъ въ религіозномъ развитіи.

Но еще большее значеніе имѣли братства въ нравственномъ развитіи юго-западной Россіи. Если вѣрить свидѣтельствамъ такихъ писателей XVI вѣка, какъ Браунъ¹ и Михалонъ Литвинъ², то нравственное состояніе жителей Литвы вообще, въ томъ числѣ и русскихъ, и въ частности жителей Вильны, представляетъ самую печальную картину. Пьянство, о которомъ свидѣтельствуемъ еще Контарини въ XV вѣкѣ, проѣзжавшій черезъ южную Россію, было самымъ распространеннымъ и пагубнымъ порокомъ. Вотъ какъ описываетъ Михалонъ Литвинъ ужасныя проявленія этого порока въ Литвѣ: «въ городахъ литовскихъ нѣтъ болѣе частныхъ заводовъ, какъ тѣ, на которыхъ варится изъ жита водка и пиво... День начинается питьемъ водки; еще въ постели кричатъ: «вина, вина», и пьютъ этотъ ядъ мужчины, и женщины, и юноши, на улицахъ, на площадяхъ... крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи... доходятъ до голода, обращаются къ воровству и разбою, такъ что въ каждой литовской провинціи въ одинъ мѣсяць больше

1) Браунъ: *Civitates orbis terrarum*.

2) Извлеченія изъ сочиненія Михалона Литвина «О нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ» въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи. кн. II, отд. V.

людей казнять смертію за эти преступленія, нежели во всѣхъ земляхъ татарскихъ», и проч. Грубость, отсутствіе удобствъ жизни, убійства, самоуправство и угнетеніе господами простаго народа и рабовъ, взяточничество и продажность судей — дополняютъ картину нравственнаго состоянія юго-западной Россіи. Духовенство, какъ мы упоминали выше, раздѣляетъ многіе изъ этихъ пороковъ, и прежде всего пьянство. О томъ, какъ небезопасна была жизнь въ Вильнѣ, свидѣтельствуетъ упомянутое духовное завѣщаніе священника Матоея, который держалъ у себя нѣсколько «ручницъ (ружей, одно изъ которыхъ называется «ручница большая») и сабель»¹.

Уставы братствъ требуютъ отъ своихъ членовъ и гостей отрѣшиться отъ этихъ пороковъ, по крайней мѣрѣ на братскихъ пирахъ. Братскій пиръ въ собственномъ домѣ состоялъ въ распиваніи меда и въ братской бесѣдѣ. Какъ постоянные члены братства, такъ и гости, «вкупившіеся на день» въ братства, вносили извѣстную сумму денегъ, на которыя и устраивались «склады медовые». Деньги, вырученныя отъ продажи оставшагося меда, освобождававшегося отъ пошлыны, шли на увеличеніе средствъ братства для дѣлъ благотворительности: призрѣнія убогихъ и больныхъ, на «шпитали», на помощь раззорившимся братьямъ, погребеніе безродныхъ, на участіе въ погребеніи братьевъ, на церковныя службы и наклады въ церкви. Участвовавшимъ въ братскомъ пирѣ и бесѣдѣ предписывалось уставомъ не напиваться, не разливать меду, не заводить ссоръ; приходитъ съ оружіемъ строго возбранялось, возбранялось также заводить ссоры изъ-за мѣсть: «и слуга, и панъ, вкупившіеся въ братство, одинаково сидятъ безъ брони... не мають мѣстами узгоржати але где

1) У Михалона Литвина (I. с., стр. 15): «о надобности дома обкладывать себя оружіемъ для своей защиты»... Путешествіе съ оружіемъ.

ся придеть, тамъ маюгь седѣти». Всѣ возникавшія ссоры на братскихъ шрахахъ разбиралсь братіей и старостами и не подлежали никакому другому суду — ни духовному, ни свѣтскому.

Кромѣ религіознаго и нравственнаго значенія, братства должны были имѣть значеніе и въ умственномъ развитіи юго-западной Россіи. Развернувшаяся широкая дѣятельность братствъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ концѣ XVI вѣка была не только результатомъ пережитыхъ съ половины XVI вѣка религіозныхъ броженій, давленія іезуитовъ и зарожденія уній, но и имѣла опору, какъ и многія явленія общественной жизни юго-западной Россіи, въ «стародавномъ обычаѣ».

Въ борьбѣ съ недостойными представителями духовенства, въ стремленіи заправлять церковными дѣлами, братства должны были искать опоры въ книжности. Мы знаемъ, по свидѣтельству соборнаго опредѣленія 1509 года, что міряне, простые люди, держали у себя на дому Правила Божественныя. «Христолюбцы», съ которыми мы еще встрѣтимся дальше, давали средства и приютъ книжнымъ людямъ для «списанія божественныхъ книгъ»¹, которыя назначались не только въ церкви, но и для домашняго чтенія, для домашняго богослуженія и для обученія грамотѣ. Грамотность должна была поддерживаться въ юго-западной Россіи не только религіозными стремленіями, но и свѣтскими, пока господствовалъ «русскій языкъ» въ административной и судебной письменности.

При отсутствіи самостоятельной духовной литературы, при отсутствіи извѣстій о состояніи школъ и грамотности² въ юго-

1) Добрянскій: Описаніе рукоп. Виленской публич. библ. (1882), стр. 75: «Книги любящєи тниж сугь христолюбци, любяй бо книгу, въ правду христолюбєцъ прозывается».

2) Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 298. Въ первой половинѣ XVI вѣка испытаніе желавшихъ получить священнослужительскія

западной Россіи въ разсматриваемое время, книги, обращавшіяся здѣсь и особенно переписанныя въ юго-западной Россіи, имѣютъ особенное значеніе, тѣмъ болѣе, что при нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются любопытныя приписки. Но, къ сожалѣнію, число этихъ книгъ незначительно; по всей вѣроятности, большая часть ихъ исчезла отъ различныхъ причинъ, какъ исчезла большая часть актовъ и грамотъ юго-западной Россіи за то же время.

Однако, чтобы не впасть въ преувеличенное представленіе объ этихъ утратахъ, интересно обратить вниманіе на описи книгъ, сдѣланныя въ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ описи 1494 года Слуцкаго Троицкаго монастыря, въ числѣ «старыхъ речей церковныхъ» упоминаются: Миней 12, Троида 2, Псалтыря, Евангелія 3 — одно толковое, Апостола 2 — одинъ опракосъ, Прелогы 2, Лѣствица, Семіонъ новый богословъ и Патерикъ Печерскій; позднѣе прибавились книги: Соборники — одинъ съ житіями св., Потребники, Служебники, Часословъ, Псалтыря, Правила и Уставъ, Зморагдъ, Дорооей, Ефремъ, Никонъ, Ѳедоръ Студитъ¹. Замѣчательно отсутствіе книгъ ветхаго завіѣта, кромѣ Псалтири, распространенной съ древнѣйшихъ временъ въ отдѣльномъ видѣ.

Въ описи 1510 года, среди книгъ короля Сигизмунда I, въ Вильгѣ, упоминаются слѣдующія русскія книги²: «Напервей

мѣста производилось «по псалтырю, апостолу и евангелію». Даже во второй половинѣ XVI вѣка въ церковныхъ школахъ, по свидѣтельству пастора Павла Одерборна (писалъ около 1581 года), предлагаютъ дѣтямъ только молитвы къ Пресв. Дѣвѣ и св. Николаю, «затѣмъ слѣдуютъ псалмы Давида, которые они употребляютъ и днемъ и ночью» (Тамъ же, стр. 410). Мы увидимъ дальше, что Скорина, издавая церковнославянскую Псалтырь въ 1517 году, назначалъ ее для изученія «грамоты дѣтемъ» и для постоянного употребленія взрослымъ.

1) Акты Западн. Россіи, т. I, № 115.

2) Эта опись напечатана: у Лелевеля—Bibliograficznych Ksiąg dwoic, т. II,

треолой паркаменовый, книги на паркамени сербского языка, книги стихологей на паркамени, а евангелии 2 на папери одно криво серою одомашкою а другое криво черленою одомашкою, книга четя на папери писана, книга летописец киевский, книга о мытаре трипеснец, книга о житии... (не разобралъ; Ionowie) кальштыка, книга повесте збранное, а праздничныхъ книгъ 4, книга треолой, а триводъ цветная, а охътанк первого гласу, полуйца (?) (Poľnusa), книга пророка еремея, книга прелог, а шестоденец, восмогласник, а пареня, книга светого Ивана зловууста, а часословец, книга четя псалтыра, книжка четья, а триводъ посная, книга повнене поста, а псалтыра прелог, книга указъ служити, а псалтыра, книжка четья, книжка последоване псалмов, книга молитвы светого куприяна».

Въ описи 1557 года Супрасльскаго монастыря, заключающей до 200 книгъ, до 1532 года упоминаются слѣдующія книги¹: Часословы, Треоди, Охтанки, Служебники, Минеи; Евангеліи 6; Толковыя книги: евангелія, апостоль и псалтырь; нѣсколько псалтирей², Пророчества, «Десятоглавъ» (о немъ скажемъ дальше; въ немъ богослужебныя и библейскія книги); Творенія: Григорія богослова, Григорія двоеслова, Ефрема, Діонисія ареопагита, Кирилла іерусалимскаго, Уставъ, Правила церковныя, Номокапонъ; Царственникъ съ лѣтописцемъ; Сборники словъ и житій: Прологъ, Змарагдъ, Златая Чепь, Маргариты, Отечники, Патерикъ Печерскій; Сборники неизвѣстнаго содержанія; Василей Но-

стр. 97; у Крашевскаго—Wilno, etc., 1842 года, т. IV, стр. 107, и д., и въ Biblioteka Warszawska, 1875 года, т. I, стр. 277—281; по вездѣ съ значительными ошибками; приводимъ ее здѣсь по книгѣ Литовской Метрики, Судныхъ Дѣлъ П. А. З.

1) Виленск. Археогр. Сборникъ IX, стр. 53, и д.; ср. Митр. Макарій: Исторія Русск. Церкви, т. IX, стр. 295 и 301.

2) Псалтири съ слѣдующими названіями: «великая келейная, по которой въ церкви говорятъ, проходенка».

вѣи, 12 Яковличовъ (апокрифъ). Въ числѣ книгъ, прибавленныхъ послѣ 1532 года, замѣчательны: Бытія, Навышъ и Царства, греческихъ книгъ 5, латинскій апостолъ и книги бытія (между ними, какъ увидимъ дальше, книги Скорины). Въ концѣ XV вѣка великой княгинѣ Еленѣ Иоановнѣ присланы были въ Вильну изъ Москвы 13 книгъ¹; быть можетъ, онѣ вошли въ вышеприведенную опись книгъ короля Сигизмунда I. Въ духовномъ завѣщаніи Матвѣя, виленскаго священника, упоминается о двадцати книгахъ, но называются только Евангелія, Правила, Номоканонъ и бытія книги Царствъ (Скорины).

Интересно также отмѣтить, что неизвѣстный авторъ «похвалы гетману К. И. Острожекому», въ Супрасльскои рукописи (Кіевская лѣтопись до 1516 года²) подъ 1515 годомъ, пользуется книгами: пророка Исаи, Царствъ, словами Ефрема и Нифонта, Александріей и сказаніями о «храбрыхъ рыцарехъ града Родоса».

Представляя здѣсь списокъ книгъ, писанныхъ въ юго-западной Россіи съ конца XIV до половины XVI вѣка, мы остановимся прежде всего на рукописяхъ съ опредѣленными указаніями времени и мѣста написанія, а затѣмъ отмѣтимъ и такія рукописи, которыя могутъ быть отнесены къ тому же времени и мѣсту по внутреннимъ признакамъ³.

1) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1860, IV, отд. II, стр. 29; но не сказано, какія именно книги присланы. — Замѣчательна приписка на Прологъ XVI вѣка (Добринскій: Описаніе рук. Виленской библ., 191), показывающая, какъ рукопись эта попала въ западную Россію: «пожалована отъ Псковскихъ посацкихъ людей». Вообще въ западной Россіи распространялись рукописи изъ сѣверо-восточной Россіи, какъ въ южной Россіи (въ Галиціи и др.) югославянскія рукописи и молдавскія. См. Записки Новороссійскаго Университета. 1875, XVIII, стр. 208.

2) Изд. Москва, 1836 года, стр. 149—154. — Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка записано пожертвованіе 1429 года: Евангеліе, половина прилога, осмогласникъ, уставъ, златоустъ, парем(ин), мнѣи. Соболевскій: Очерки изъ исторіи русскаго яз., стр. 41.

3) Отмѣчаемъ изъ послѣсловій указанія на время, мѣсто и лицо списателя.

1. Псалтирь списана въ Кіевѣ, 1397, рукою грѣшнаго Спиридонья протодьякона, повелѣніемъ владыки Михаила (находится въ Петербургѣ, въ бібліотекѣ Императорскаго общества любителей древней письменности, № 1252; готовится къ изданію. См. о ней Труды III Археологич. Съѣзда, Кіевъ, 1878, II, 147—150).

2. «Четья» списана въ градѣ оу камянци, 1397, псалъ Березка Поповичъ з Новагородка литовскаго (наход. въ Кіевѣ. Труды кіев. духовн. акад., 1880, Сентябрь, 147, и Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1881, кн. III, 54—57).

3. Прологъ, мѣсяцы мартъ—августъ, желаніемъ пана Солтана Солтановича, намѣстника бѣльскаго, 1406 (Добрянскій, 198—199).

4. Мишея мѣсячная, мартъ съ апрелемъ, 1487, повелѣніемъ пана Солтана, маршалка литовскаго, рукою діака Сенка, родомъ смолянина (Добрянскій, 287).

5. «Десятоглавъ» — біблейскія и богослужебныя книги, Вильна — Супрасль, 1502—1507 (о ней подробнѣе скажемъ дальше. Къ сожалѣнію, не можемъ указать, гдѣ находится эта интересная рукопись, «приобрѣтенная около 1859 года архимандритомъ Павломъ Доброхотовымъ въ Литвѣ». — См. Извѣстія Академіи Наукъ, по отд. русскаго яз., т. VIII, 144—150).

Подробныя послѣловія можно найти въ указанныхъ сочиненіяхъ. Единственное полное описаніе западно-русскихъ рукописей представляетъ книга Добрянскаго (Ф. Н.): Описаніе рукописей Виленской Публич. библ., Вильна, (1882) Ссылаемся на нее сокращенно: «Добрянскій». «Обзоръ славянорусск. памятниковъ, наход. въ бібліот. и архивахъ львовскихъ» Калужняцкаго (Труды III Археологическ. Съѣзда, II, Приложенія, 214—321) страдаетъ существеннымъ недостаткомъ: отсутствіемъ правильнаго бібліографическаго описанія рукописей. По этому «Обзору» нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о времени и мѣстѣ написанія рукописей. Поэтому мы и не можемъ претендовать на полноту нашего списка памятниковъ юго-западной Россіи, хотя мы старались указать и львовскія рукописи по другимъ пособіямъ.

6. Прологъ, сентябрь — февраль, діаконецъ Іоакимецъ, а рукою многихъ дьяковъ, 1512, замышленіемъ и повелѣніемъ митрополита Іосифа, переплетена книга рукою іерея Прѣвѣрія иж в Любчи, 1512 года, слѣствоваль діаконъ Игнатъ у Вилни (Добрянскій, 193—195).

7. Пятюннѣе Моисеево, 1514, въ Вильнѣ, въ обители пре-чистыя Богоматери, рукою дьяка митрополнѣ Фодора, повелѣніемъ митрополита Іосифа (Добрянскій, 63).

8. Прологъ писанъ въ Спасѣ (въ Старосамборскомъ околѣ), 1518 (находится во Львовѣ. См. «Русалка Днѣстровая», у Будимѣ, 1837, стр. 123, и Труды III Археологич. Съѣзда, стр. 287).

9. Евангеліе тетро, писалъ дьякъ Савастіанъ Авраамовичъ иж в Нобли, 1520, повелѣніемъ христолюбиваго мужа Семіона Батыевича Рака, старца хвоенскаго (Добрянскій, 47).

10. Прологъ, іюнь — августъ, писанъ въ Луцкѣ, 1530, рукою сщенионока Макарія Лвовича з Голшанъ родом, повеленіемъ епископа Макарія владыки Луцкаго и Острозскаго (Добрянскій, 199—201).

11. Псалтирь, писалъ Пороевъ, з розказанія пана Ивана Михайловича старосты пинского, 1543 (Быть можетъ, это списокъ съ рукописи, содержащей особую редакцію Псалтири Скорины. См. Чтенія Общ. Исторіи и Древн., 1884: Описаніе нѣкоторыхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ рукописей, находящихся въ рукоп. собран. Е. В. Барсова).

12. Апостоль Феодосія владыки Луцкаго и Острозскаго (см. Чистовичъ: Исторія западно-русск. церкви, 1882 года, стр. 174. Феодосій изъ дому Гулевичей, съ 1540; упомин. въ 1548 году). Императ. Публичн. библ., Ф. I. 407. Водяные знаки кабана и медвѣдя. Особенности языка: повчатиса, жона; русское правописаніе смѣшано съ ж и ь (вм. ъ).

По внутреннимъ признакамъ (палеографическ. и языку), къ

памятникамъ юго-западной Россіи, съ конца XIV до половины XVI, относятся слѣдующіе:

1. Градецкій отрывокъ Евангелія (Соболевскій: Очерки изъ исторіи русскаго языка, № 13, стр. 48; къ XIV—XV вѣку).

2. Приписки къ Вѣнскому Октоиху (Тамъ же, № 14, стр. 48—50, тоже XIV—XV).

3. «Соборникъ» — собраніе словъ поучительныхъ, полует. XV вѣка (Востоковъ: Описаніе рукоп. Румянц. Муз., № 406. Ср. Журн. Мин. Нар. Пр., 1883, № 5: Соболевскій, по поводу «Древнихъ памяти. рус. письма и яз.», Срезневскаго, 2 изд.).

4. Поникловское Евангеліе, сп. XV вѣка (въ Вильнѣ, см. Гильтебрандтъ: Рукописн. отд. Виленск. библ., 1871, стр. 31—32; особенности языка: навчить, вродивы, и проч.).

5. Толковая псалтирь, исхода XV вѣка (Востоковъ: Описаніе рукоп. Румянцевск. Музеума, № 334. См. замѣчанія о языкѣ, стр. 471—472).

6. Евангеліе XV вѣка кievское (Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. рукоп. 1876 года, стр. 392).

7. Евангеліе, XV вѣка («Писано въ Польшѣ». — Обстоятельн. описаніе рукоп. гр. Толстаго, 1825 года, стр. 121). Императ. Публичн. библ., F, I, 9; бумажн. знакъ — виноградная кисть; особенности языка: частая мѣна предлоговъ *оъ* и *оу*; семи (часто); евхимъы (220 об.); пришедче, сѣдче, шедче; род. п. ед. ч.: сѣое (221); правописаніе западно-русское, безъ ж.

8. Евангеліе, XV вѣка («Писано въ Польшѣ». — Тамъ же, стр. 702). Императ. Публичн. библ., F, I, 10; бумажн. знакъ — кабанъ; правописаніе болѣе церковнославянское съ ж; но есть и немногіе примѣры западно-русскаго языка; въ мѣсяцословѣ память пр. Θεодосія Печерекаго.

9. Кирилла Иерусалимскаго поученія, житіе Іоанна Златоустаго и слово Григорія Цамвлака (судя по припискѣ до 1537

года, по правописанію и языку несомнѣнно писано въ юго-западной Россіи. Добрянскій, 90—92).

10. Поученія Ефрема Сирина — Супрасльскаго монастыря, до 1532 года, судя по описи книгъ мон. (Добрянскій, стр. 79. По языку списокъ юго-западной Россіи, вѣроятно съ такого бы списка, какъ и Императ. Публичн. библ.¹⁾).

11. Толковая псалтирь, начала XVI вѣка (о ней скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; исправлена по псалтири Скорины. Ср. Добрянскій, 61—62).

Одною изъ самыхъ интересныхъ рукописей, не только по своему составу, но и по послѣсловію, представляется названный сборникъ «Десятоглавъ». Нѣкогда онъ принадлежалъ Супрасльскому монастырю, куда былъ отданъ самимъ писателемъ². Въ началѣ сборника — «главы въ настоящей книгѣ»: «Якоже пчела събираетъ . . . тако и сіа книги изложены отъ всѣхъ въ едину»; 16 пророковъ (текстъ тотъ же, что и въ Геннадіевской библии

1) Рукопись поученій Ефрема Сирина Имп. Публ. библ., имѣющая записъ, напечатанную въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» Срезневскаго. Спб., 1867, № IV, и въ книгѣ Соболевскаго: Очерки изъ исторіи русск. яз. Время происхожденія этой чрезвычайно замѣчательной рукописи, заключающей много южнорусскихъ особенностей въ языкѣ, остается до сихъ поръ спорнымъ. Срезневскій (И. И.) относилъ ее ко времени до 1288 года (такъ и въ «Славянорусской Палеографіи», Спб., 1885 года, стр. 210—213); но пр. Соболевскій въ критической статьѣ по поводу 2-го изд. «Древнихъ Памятниковъ русск. письма» Срезневскаго, въ Журн. Мин. Нар. Пр. (1883, № 5) высказался за 1492 годъ, и то же повторилъ въ своей книгѣ «Очерки изъ исторіи русск. яз.». Профес. Ягичъ (Archiv für Slavische Philol., 1884, т. VII, стр. 655) несогласенъ съ доводами Соболевскаго: «sie ist entschieden älter».

2) Гильтебрандтъ: Рукоп. Отд. Вилен. биб. 1871 года, стр. 17, и Добрянскій (Оп. рук. Виленск. б.), стр. 185—въ помянникѣ Супрасльскаго монастыря: «Родъ зъ Торопца мѣста зъ Москвы благороднаго Матосея Иоанновича написавшаго и надавшаго в монастыр Супрасльскій книгу великую рекомую Десятоглавъ, 1507 года».—То же названіе книги см. въ Описи книгъ Супрасльскаго мон.: Виленскій Археогр. Сборн., т. IX.

1499 года, съ незначи́тельными отличіями; кромѣ того, книга пророка Даниїла начинается исторіей Сусанны и сопровождается краткими историческими статьями изъ хронографа Θεοφιλα, и др.). Далѣе, изъ книгъ ветхаго завѣта въ полныхъ текстахъ помѣщены: Притчи, Екклесіастъ, Премудрость, Пѣсни Пѣснемъ, Исусъ Сираховъ и Псалтирь съ предисловіемъ и различными замѣчаніями, а изъ Книгъ Царствъ и Іова приводятся только пареміи. Текстъ во всѣхъ перечисленныхъ книгахъ, по замѣчанію преосв. Филарета, тотъ же, что въ Геннадіевской библіи; слѣдовательно, и «Премудрость» — въ новомъ переводѣ съ латинскаго, сдѣланномъ въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ. Списатель Десятоглава въ числѣ книгъ ветхаго завѣта помѣстилъ и «Менандра», о которомъ упоминаетъ архіепископъ новгородскій Геннадій, по который не былъ внесенъ въ составъ Геннадіевской библіи. Списатель, происходившій изъ пограничныхъ жителей Литовскаго княжества, близко къ Пскову и Новгороду, не зналъ однако о полномъ сводѣ библіи, совершенномъ въ Новгородѣ сотруди́ками архіепископа Геннадія. Послѣ названныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ сборникѣ слѣдуютъ: «4 Евангелисты, ключъ Евангелію, Апокалипси, о Апостолѣхъ 12, Дѣянія Апостолека, Съборнаа посланія, Павла Апостола посланіи, Ключъ Апостолу; Типикъ церковниѣ службѣ, Тропари, Свѣтильна, Отпустъ презъ все лѣто, Кондаки, Припѣлы, Руки Іоанна Дамаскина, Пасхаліа, Зодіи, Лунное теченіе на 19 лѣтъ; о писавшемъ книги сія». — Въ послѣдней статьѣ передается интересная семейная исторія списателя и рассказъ о его отношеніи къ западной Россіи. Списатель по происхожденію былъ изъ города Торонца, который въ 1500 былъ взятъ московскими войсками и, по перемирію 1503 года, отошелъ къ Москвѣ¹. Родители его имѣли большую семью, со-

1) Соловьевъ: Исторія Россіи (1882), V, стр. 149.

стоявшую изъ десяти сыновей (поэтому писатель назывался Матоей десятымъ) и трехъ дочерей. И вся эта многочисленная семья избрала одинъ путь — путь аскетизма, иночества. Одни изъ членовъ этой семьи постриглись въ Торопцѣ, другіе въ великомъ Новгородѣ, а иные въ Полоцкѣ и въ Супраслѣ. Такова была связь пограничныхъ жителей Литовскаго государства съ сѣверо-восточной Россіей. Одинъ изъ сыновей (родители постриглись въ Новгородѣ), въ иночествѣ Евфимій, достигъ сана игумена въ Полоцкомъ монастырѣ св. Іоанна Предтечи на островѣ и участвовалъ на упомянутомъ много разъ виленскомъ соборѣ 1509 года. Писатель этой любопытной семейной исторіи и «Десятоглава» Матоей десятымъ дольше всѣхъ членовъ своей семьи «пребыль въ мірстимъ пребываніи, боляромъ служилъ и упражненіе и тцаніе великое о семъ имѣя колико лѣтъ». Какъ видно, въ этомъ младшемъ членѣ аскетической семьи менѣе другихъ было побужденій къ монашеству; но изъ семьи, изъ своего отечества, онъ вынесъ «сталантъ, отъ Бога преданный — писати своею рукою книги». Въ Вильнѣ онъ нашелъ «христіолюбца», о какихъ мы упоминали выше. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ: «И въ коего вельможѣ пребывахъ ему же имя Феодоръ, писаремъ бывшій въ великомъ княжествѣ литовскомъ, бѣ бо христіолюбець. И вътого испросихъ обрѣсти отъ службы въпокою. Онъ же ми даде по моему усердію. И начахъ писати сію книгу... и концахъ ю за пять лѣтъ отъ нелѣже начахъ писати» (1502.—1507). Но кончилъ книгу Матоей десятымъ въ Супрасльскомъ монастырѣ, гдѣ и принялъ иночество.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, гдѣ находится въ настоящее время этотъ сборникъ «Десятоглавъ», напоминающій отчасти по своему составу рядъ изданій, предпринятыхъ Скориной. На сколько можно судить по выпискамъ и замѣчаніямъ въ упомянутой статьѣ преосвященнаго Филарета, писатель «Десято

глава» держался одного правописанія съ юго-славянскими приёмами, введенными и въ русское правописаніе XV—XVI вѣковъ Кирианомъ, Пахоміемъ Сербомъ, и др. За отсутствіемъ самаго сборника, трудно судить, насколько въ немъ проявилась самостоятельность Матѳея десятого, замѣчательнаго каллиграфа и миниатюриста. Неизвѣстно также, насколько онъ отклонялся отъ своихъ оригиналовъ. По всей вѣроятности, онъ обладалъ такимъ же талантомъ «писателя», умѣвшаго придать однообразный характеръ правописанія различнаго рода оригиналамъ, съ какимъ мы еще не разъ встрѣтимся въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Разсмотрѣнный нами рядъ церковно-славянскихъ памятниковъ юго-западной Россіи должно еще дополнить нѣсколькими печатными книгами, первенцами церковнославянскаго книгопечатанія, изданными въ Краковѣ, въ 1491 году, нѣмцемъ Швайпольтомъ Фьоломъ. Книги эти слѣдующія: Осмогласникъ и Часословецъ съ указаніями времени и мѣста изданія; двѣ Трїоды, — безъ этихъ указаній, и Псалтирь съ возслѣдованіемъ, извѣстная только по свидѣтельству архіепископа Питирима въ «Пранцицѣ» (1721 года). Мы еще будемъ говорить объ отношеніи изданій Фьоля къ изданіямъ Скорины въ типографскомъ отношеніи, здѣсь же считаемъ необходимымъ остановиться на книгахъ Фьоля въ отношеніи ихъ къ церковно-славянской письменности юго-западной Россіи. Изъ всѣхъ изданій Фьоля всего яснѣе это отношеніе выступаетъ въ Часословцѣ¹.

1) Будемъ дальше отмѣчать листы Часословца по современной намъ пометѣ въ экз. Императ. Публичн. библ. Замѣтимъ, что текстъ изданій Фьоля относится всеми писавшими о его книгахъ къ юго-славянской письменности, и только въ послѣсловіяхъ и замѣчаніяхъ издателя усматривается связь съ письменностью юго-западной Россіи: «то есть личба до той книги яко имають тетради быти ѿпочатку азъ до конца, ѿдна тетрадь подлѣ единоѣ, и тыжь ѿдинъ листъ подлѣ другого»; «доконана сия книга у великомъ градѣ оу краковѣ», и проч.

Прежде всего интересно отмѣтить въ «послѣдованіи всему лѣту» (мѣсяцословѣ) слѣдующіе праздники, которые являются принадлежностью только русскихъ «послѣдованій»: 21 декабря (л. 141): «Въ тѣхъ днѣхъ престависѧ. пресѣченнѣи митрополитъ Петръ всеѧ роуси. въ гѣ чѣхъ пощи. влѣто, ѡ тѣхъ тысящѣхъ .ѡѡѡѡ. насъ црковъ бѣю лѣтъ .ѡѡ. и мѣхъ .ѡѡ. иположенъ бѣхъ. въ градѣ Москвѣ. въ цркви оуспенъѧ стѣхъ бѣхъ юже самъ създаль. иподають исцѣленіѧ чстѣхъна его мощи. приходациѣ, съ вѣрою и до сего дни». — 11 генваря: «препод. ѡѡѡѡ нашего Федосѣѧ. начальника общежитью». — 14 февраля: «стѣго ѡѡѡѡ нашего, Кирила. епѣа катавнѣскаго оучѣлѧ словѣномъ. и болгаромъ. иже преложи рѣскѣю грамоту. съ греческое. и крѣстилъ словѣхны. и болгары». — 2 мая: «пренесеніе мощем. стѣхъ мѣхъ Бориса и Глѣба». — 3 мая: «оуспѣхне преподобнаго Ѳеѡдосіѧ игумена печерскаго»... «звѣздѣ рѣскѣю днѣхъ почтемъ и пр. — 20 мая: «стѣхъ мѣхъ Бориса и Глѣба». — 15 іюля: «стѣго равнаѡѡѡѡ. великаго княза володимера. оуспѣхне. именемъ василіѧ. крѣхившаго землю рѣскѣю». — Замѣтимъ еще: 1 октября — «Покровъ стѣхъ бѣхъ» и почти полное отсутствіе не только сербскихъ святыхъ, но и вообще юго-славянскихъ. Другимъ свидѣтельствомъ объ отношеніи Часослова Фѡля къ русскимъ церковно-славянскимъ памятникамъ можетъ служить языкъ. Мы уже говорили о юго-славянскихъ особенностяхъ въ правописаніи писателя «Десятоглава»; поэтому насъ не удивитъ смѣшанное правописаніе Часослова: встрѣчается ж, но рядомъ съ нимъ и ѡ и другія гласныя, напр. «но» и нж; ѡ — всѣкоѡ, но и «вѣсѡкоѡ» (225), и часто «трава» рядомъ съ «трѣва»; различіе ѡ и ѡ болѣею частію выдержано порусски, за исключеніемъ церковно-славянскихъ кы, гы, хы; о=ѡ — иди во мир, во единъ оболѣкѣѧ ѡко во бронѧ, во кровь, ко твоему (62) и множество другихъ примѣровъ; е=ѡ — богатство (150), воинства (222); ѡе=іѡ даютъ массу примѣровъ: чтенъе (88), зачатъе (97), питье

(194 б.), славословье (86 б.), ильа, ильи (222 б.), софьи (93 б.), кровью (187 б.), октенью (9 б.), братьа, людье, хрътѣане и крътѣане (226 б.), третьаго (104 б.), вина пьемь по красоволю (249), и проч., и проч.; *жс* = *жд*: одежу (158 б.), одежею (180), межи (154), ражасть (159 б.), рожество (вездѣ), надежи (94 б.), и множество другихъ примѣровъ; *ч* = *щ*: твою помоч (62); полногласіе: володимера, съвол'къса (266); *еи* = *иу*: змеа (58), сергѣа (105 б.), андреа (115 б.), и проч., мучителей (108), папастен (128); наконецъ отмѣтимъ предлоги *оу* и *оъ*, *оо*, какъ въ послѣсловіи Фѣоля: — «оу городѣ, у краковѣ»; въ текстѣ изъ Евангелія: (294) «аще кто несъе ѿ хлѣба сег живъ бжде ѡ вѣкъ». Тамъ же въ текстѣ изъ Апостола: «се творите оу мое въспоминание, аще пьете ѡ мое въспоминание, смерть гнѣо оуспоминаеть, сего ради оу (вм. въ) васъ мнози немоцниши». Эти особенности, вмѣстѣ съ 1 лиц. множ. числа (166 и 262 б.) «придѣте вси въспомо», съ выдержанностью *ъ*, съ формой род. п. ед. ч. прилагательн. — «съ греческое» (грамоты), и проч., заставляють отнести разсмотрѣнное изданіе Фѣоля къ южно-русскимъ памятникамъ. Ограничиваемся пока этими примѣрами, такъ какъ о языкѣ Скорины и другихъ, относящихся къ этому вопросу памятникахъ—будемъ говорить особо, во второй части изслѣдованія. Мы не считаемъ себя въ правѣ отнести наши замѣчанія о Часословѣ ко всѣмъ изданіямъ Фѣоля, въ которыхъ также встрѣчаются признаки русскаго правописанія; но изданія эти требуютъ еще опредѣленія редакціи оригиналовъ, которые могли быть, какъ это и признается, юго-славянскими¹. Въ этомъ случаѣ признаки русскаго правописанія въ изданіяхъ Фѣоля могутъ быть объяснены слѣдующимъ образомъ: или юго-славянскія руко-

1) См. напр. Archiv für Slavische Philologie, т. VII, 1884), стр. 657: валахо-булгарская редакція рукописей оригинала. — Ср. ниже, глава II, 3.

писи, послужившія основаніемъ для изданія, были переписаны и приготовлены къ изданію русскими писцами, или русскіе были типографниками и корректорами у Фѣоля. Во всякомъ случаѣ, только признаки правописанія и такія особенности, какъ «послѣдованіе» при Часословѣ, даютъ право назвать изданія Фѣоля важнымъ явленіемъ въ умственной и литературной жизни юго-западной Россіи конца XV вѣка¹.

Изданія Фѣоля, какъ и всѣ упомянутые выше церковно-славянскіе памятники юго-западной Россіи, представляютъ колебаніе между церковно-славянскимъ языкомъ древнихъ оригиналовъ и формами языка народнаго. Это колебаніе можно отмѣтить по памятникамъ юго-западной Россіи, начиная съ XII вѣка². Къ началу XVI вѣка изъ этого колебанія, при отсутствіи въ юго-западной Россіи оригинальной духовной литературы на церковно-славянскомъ языкѣ, постепенно выросъ вопросъ о языкѣ народномъ, общепонятномъ взаимѣ церковно-славянскаго. Вопросъ этотъ имѣетъ интересную исторію въ теченіе всего XVI вѣка, начиная съ трудовъ Скорины, въ которыхъ онъ выразился въ опредѣленной формѣ. Но еще задолго до Скорины въ церковно-славянскій письменности юго-западной Россіи можно отмѣтить явленія, которыя готовятъ выраженіе разсматриваемаго нами вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ направленіе Скорины. Эти явленія представляются въ толкованіяхъ церковно-славянскихъ словъ на поляхъ рукописей (глоссы), въ введеніи ихъ въ текстъ, при исправленіяхъ церковно-славянскихъ книгъ, и въ нѣкоторыхъ попыткахъ новыхъ переводовъ. Въ «Четьѣ» 1397 года находится много народныхъ словъ, введенныхъ въ текстъ церковно-славянскихъ житій и поученій³. Въ Проло-

1) Ср. Бестужевъ-Рюминъ: Русская Исторія, II, 1 (1885), стр. 136.

2) См. Соболевскій: Очерки изъ исторіи русскаго языка.

3) См. Русскій филологич. вѣстникъ (1881), № 3, стр. 54—57.

гахъ и Мисеяхъ конца XV и начала XVI вѣка еще чаще встрѣчаются формы и слова юго-западной Россіи и даже есть попытки излагать цѣлыя статьи на русскомъ языкѣ¹. Что касается книгъ библейскихъ и богослужебныхъ, то и въ нихъ замѣчаются слѣды разсматриваемаго направленія. Такъ, въ виленскомъ спискѣ Пятонкижія Моисея 1514 года, о которомъ мы упоминали выше, на поляхъ рукописи тою же рукою написаны слѣдующія толкованія: борзо (съ тщаніемъ, 89 б.), коруну (дѣску, тамъ же), воевода (вѣдка, 97), шанкы (клобуку, 133), и проч. — Авторъ упомянутой уже похвалы гетману К. И. Острожскому (Супрасльская рукопись Кіевской лѣтописи: 1515 года) приводитъ тексты св. писанія съ выраженіями и формами юго-западной Россіи. Говоря о нѣкоторыхъ попыткахъ новыхъ переводовъ и исправленій церковно-славянскихъ книгъ, мы имѣли въ виду переводъ книги Есоиръ, вошедшій въ составъ Геннадіевской бібліи XV вѣка² и совершенныя въ томъ же вѣкѣ исправленія Пятонкижія³. И переводъ книги Есоиръ и исправленія Пятонкижія сдѣланы по еврейскому тексту бібліи, но неизвѣстно въ

1) Добрянскій: Описаніе рукописей Виленской бібл., стр. 206, 210, 216, 217. Въ «Донесеніи адъюнкта Срезневскаго» (И. И.): Журн. Мин. Нар. Пр., 1843, отд. IV, стр. 65 — упоминается рукопись XV—XVI вв., съ записью 1558 года, писанная на «южно-русскомъ горскомъ нарѣчій съ примѣсью церковно-славянскихъ и польскихъ словъ». Приведены примѣры: воунъ, вувця, хвустъ, барзо, виштко, и др. Къ сожалѣнію, другихъ подробностей объ этой рукописи не приведено.

2) Описаніе славян. рукописей Московск. Синод. бібл. 1855 года, т. I, стр. 53—56. Ср. Сборникъ статей, читан. въ Отд. русск. яз. и слов. акад. наукъ, т. VII, стр. 65—66; замѣчательны выраженія: абы, оуврѣдити, расповѣда, оулюби, оулюбіе, волникъ.

3) Прибавленія къ Твореніямъ свв. Отецъ, т. XIX — замѣчательны выраженія: али, ачи, чи, и др. Архіеп. Филаретъ (Обзоръ русской духовн. литературы. Ученія Зап. 2-го Отд. ак. н., кн. III, стр. 102) приписываетъ переводъ Есоиръ, поправки въ Пятонкижію и даже переводы «жидовствующихъ» — Псалтирь и Пророчества — новокрещеному еврею Теодору, воспитанику митро-

точности когда, гдѣ и кѣмъ совершены эти работы. Во всякомъ случаѣ, какъ справедливо замѣтили Горскій и Невоструевъ, «нѣкоторыя выраженія и обороты рѣчи показываютъ, что переводъ сдѣланъ вѣроятно близъ Польши, или выходцемъ изъ тѣхъ странъ», т.-е., вѣрнѣе, изъ юго-западной Россіи. Можно думать, что въ юго-западной Россіи существовали тѣ переводы жидовствующихъ, о которыхъ упоминаетъ архіепископъ новгородскій Геннадій, такъ какъ жидовствующие, по его же словамъ, вышли изъ Литвы и туда же бѣжали, когда ихъ стали ревностно преслѣдовать въ сѣверо-восточной Россіи. Эти связи юго-западной Россіи съ сѣверо-восточной, связи литературныя, могутъ служить характеристикой состоянія литературы юго-западной Россіи въ XV вѣкѣ, слѣды которой утратились на мѣстѣ происхожденія и перешли въ сѣверо-восточную Россію. Только слѣдами отъ первоначальнаго перевода можно считать нѣкоторыя выраженія юго-западной Россіи, сохранившіяся въ книгѣ Есфирь, среди большей части общерусскихъ и старославянскихъ выраженій.

Для насъ достаточно того, что въ юго-западной Россіи, еще до Скорины, существовало два стремленія: выставлять на поляхъ церковнославянскихъ рукописей объясненія нѣкоторыхъ непонятныхъ старо-славянскихъ выраженій — русскими словами и введеніе этихъ словъ въ большемъ количествѣ въ новыя пере-

полита Филиппа (1464—1474). Ср. въ Отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова (1878), стр. 44—45. Противъ этого предположенія высказался Гаркави (Слѣды знакомства съ еврейскимъ языкомъ въ древней русской письменности. Еврейск. Обзоріе, 1884 года, № 1), указывая на значеніе литовско-русскихъ евреевъ, употреблявшихъ уже въ XV вѣкѣ русскій языкъ (обязательный въ то время, особенно въ XVI вѣкѣ, въ административныхъ и судебныхъ актахъ) и даже переходившихъ въ христіанство. См. фактическія указанія на это же въ книгѣ проф. Бершадскаго: Литовскіе Евреи. Спб., 1883, стр. 395, и д.

воды и исправленія библейскихъ книгъ. У Скорины мы увидимъ опредѣленное выраженіе этихъ стремленій: издавая церковно-славянскія книги, онъ выставляетъ на поляхъ «рускія слова» противъ старославянскихъ, которыя, по его выраженію, «неразумныи простымъ людемъ», а въ исправленіяхъ и новыхъ переводахъ вводитъ «рускій языкъ», придерживаясь однако и нѣкоторыхъ старославянскихъ выраженій. Въ этомъ видѣ книги Скорины отвѣчаютъ главной цѣли его литературной дѣятельности — «наученію простыхъ людей руского языка». Пользуясь русскими словами и русскимъ языкомъ, Скорина имѣлъ въ виду сдѣлать книги св. писанія понятными для людей «руского языка», «они же восхотятъ ихъ чести добрымъ умысломъ». Затѣмъ въ теченіе XVI вѣка въ рукописной и печатной литературѣ юго-западной Россіи мы не разъ встрѣчаемся съ переводами на «русскій языкъ» св. писанія, причемъ выставляется одна и та же цѣль — «для лепшого выразиженія люду христіанского посполитого» (Пересопницкое Евангеліе 1556—61 года¹), «выразумѣнія ради простыхъ людей» (Учительное Евангеліе 1569, предисловіе), «для лепшого разоудкоу» (Евангеліе печатное Тянинскаго, около 1570 года²). Переводчики, какъ Тянинскій, указываютъ на упадокъ духовенства, на отсутствіе школъ, науки, проповѣди, на отсутствіе въ современномъ духовенствѣ и обществѣ познаній въ церковно-славянскомъ языкѣ, наконецъ на худшее зло — распространеніе польскаго и другихъ языковъ и презрѣніе какъ къ церковно-славянскому, такъ и къ русскому своему «прирожо-

1) Описаніе Пересопницкаго Евангелія и выдержки изъ него помѣщены Житецкимъ въ Трудахъ III Археологич. Съѣзда.

2) О Евангеліи Тянинскаго скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Теперь же замѣтимъ, что въ экз. Импер. Публ. библ. вмѣстѣ съ печатными листами Евангелія соединена рукопись, въ которой, передъ самымъ Евангеліемъ, находится предисловіе Тянинскаго.

ному», что дѣйствительно сильно развилось среди магнатовъ и пановъ русскихъ съ половины XVI вѣка, вельдствие слиянія съ польскими магнатами и шляхтой (Унія 1569 года) и съ отступленіями отъ православія.

Переводчики св. писанія въ юго-западной Россіи XVI вѣка придерживались однако и церковно-славянскаго языка и особенностей церковно-славянскихъ книгъ (дѣленія по зачаламъ церковныхъ чтеній), потому что, по свидѣтельству упомянутого уже Тяпінскаго, въ церквахъ юго-западной Россіи «все везде во всехъ своихъ црѣквахъ чтутъ и маюг.. книги словенскимъ языкомъ», какъ и «по всеѣхъ црѣквахъ сербскихъ, московскихъ, волоскихъ, болгарскихъ, харвацкихъ иныхъ чтутъ». Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи новыхъ переводовъ къ старославянскимъ, вопросъ о славянскомъ и русскомъ языкѣ въ книгахъ церковныхъ — могъ быть спорнымъ.

И дѣйствительно, въ 1569 году Григорій Александровичъ Ходкевичъ въ предисловіи къ своему изданію Евангелія Учительнаго сознается, что, предпринимая изданіе «кнаученію людемъ христїянскимъ закону нашего греческаго. Помыслилъ же былъ и се, иже бы сію книгу (Евангеліе учительное) выразишь ради простыхъ людей, преложити на простую молву и имѣлъ есми о томъ понеченіе великое и совещаша ми люди мудрые, втом писмѣ оученые (замѣтимъ, что печатали извѣстные московскіе типографѣики, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоеевъ, переиздававшіе затѣмъ въ юго-западной Россіи нѣкоторыя рукописи и книги, взятыя изъ Москвы, напр. Апостоль), иже прекладаніемъ зданныхъ пословицъ на новые помылка чинитя немалая якоже и нынѣ обрѣтается вкнигахъ новаго переводу¹. Того ради сію книгу яко здавна писаную, велѣлъ есми се

1) Быть можетъ, здѣсь скрывается указаніе на Апостоль Скорины, кото-

выдруковати, которая каждому не есть закрыта и квыразумѣнію не трудна». Князь Курбскій, сознававшійся въ томъ, что онъ «не до конца навѣкъ книжнаго словенскаго языка» и сбывавшійся въ своихъ переводахъ на выраженія русскаго языка, стоялъ однако за церковно-славянскій языкъ и въ этомъ смыслѣ не разъ писалъ князю К. К. Острожскому, издателю важныхъ въ разсматриваемомъ вопросѣ книгъ: «Новаго Завѣта» 1580 года и полной церковно-славянской Библии 1580 — 81 года. Виленскіе издатели Мамоничи напечатали въ концѣ XVI вѣка много изданій на церковно-славянскомъ языкѣ и главное — Евангелій, Апостоловъ и Псалтирей. Важное значеніе въ этомъ утвержденіи церковно-славянскаго языка въ богослужебныхъ книгахъ юго-западной Россіи принадлежитъ сѣверо-восточной Россіи, въ частности Москвѣ, откуда только и могли получить болѣе полные и правильные списки церковно-славянскихъ книгъ, какихъ не было въ юго-западной Россіи. Однакоже переводы на русскомъ языкѣ церковныхъ книгъ распространялись въ XVI — XVII вѣкѣ для домашняго чтенія не только среди мірянъ, свѣтскихъ людей, но и среди духовенства юго-западной Россіи; и дальнѣйшая церковная литература — проповѣдническая, богословская и переводная — стала развиваться въ юго-западной Россіи на «русскомъ языкѣ»¹, какъ онъ называется въ переводахъ и сочиненіяхъ XVI вѣка и въ Литовскомъ Статутѣ, въ которомъ предписывается, согласно «стародавнему обычаю» великаго княжества Литовскаго: «писарь земскій маеть по Руску литерами и словы Рускими вси

рый и могли сличить прежде всего московскіе типографчики съ своимъ московскимъ изданіемъ 1564 года. — Мы увидимъ дальше, чѣмъ отличается Апостолъ Скорины отъ церковно-славянскихъ текстовъ.

1) Должно замѣтить, что и при церковно-славянскихъ изданіяхъ XVI вѣка юго-западной Россіи — послѣловія и предисловія на русскомъ языкѣ. — Въ книгѣ Стефана Зизанія «Казанье св. Кирилла Иерусалимскаго», 1596 года, приводится чтеніе изъ Евангелія на «русскомъ» языкѣ.

листы и позвы писати, а не инымъ языкомъ и словы» (розд. IV, арт. 1).

Но не въ одномъ только введеніи народнаго «рускаго» языка въ церковно-славянскую письменность, въ желаніи овладѣть имъ для литературнаго развитія выразились стремленія мірянъ, братствъ къ книжности, къ умственному развитію. Мы видѣли, какъ недостаточны были собственныя средства православныхъ юго-западной Россіи въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Приходилось обращаться за чужими средствами, представлявшимися и у себя дома, въ нѣкоторыхъ городахъ, а болѣе того—въ Польшѣ и наконецъ за границей, въ Западной Европѣ. Главными центрами, гдѣ находились средства у себя же, были города: Вильна въ западной Россіи и Львовъ въ южной (послѣ того, какъ Кіевъ, а въ XIII—XIV вѣкѣхъ Владиміръ-Вольнскій утратили свое образовательное значеніе). Смѣшанное населеніе этихъ городовъ по религіи, народности, степени умственнаго развитія, должно было служить проводникомъ въ развитіи юго-западной Россіи, особенно въ такое время, какъ первая половина XVI вѣка, когда установились мирныя отношенія между господствующимъ католическимъ вѣроисповѣданіемъ и православной вѣрой, «русскою вѣрой, греческимъ или русскимъ закономъ», по выраженію актовъ¹. Короли Александръ и Сигизмундъ I своими грамотами не разъ подтверждали права православныхъ, давали имъ нѣкоторыя привилегіи и вообще не притѣсняли. Въ Вильнѣ должно было установиться особенное общеніе между православными и католиками. По магдебургскому праву, въ городскомъ управленіи участвовали совместно выборные бурмистры, радцы, лавники въ одинаковомъ

1) Szujski (Odrodzenie i reformacya, стр. 73) говоритъ, что въ концѣ XV вѣка, въ Польшѣ, среди католиковъ была мысль объ уніи съ восточнымъ вѣроисповѣданіемъ на началахъ, благопріятныхъ для послѣдняго.

числѣ отъ православной стороны и отъ «латинской», точно также мѣщане, кунцы того и другаго вѣроисповѣданія соединены были въ цехахъ. Какъ въ городахъ Вольни, Галиціи, такъ и въ Вильнѣ существовали смѣшанные браки между исповѣдывавшими католическую и православную вѣру. Правда, въ Вольни и Галиціи существовали и отступленія отъ православной вѣры, вслѣдствіе преобладающаго вліянія католичества, но бывали и возвращенія изъ католичества въ православіе¹. Король Александръ въ 1503 году издалъ замѣчательную грамоту, показывающую вѣротерпимость и большую силу православія въ сѣверо-восточной части великаго княжества Литовскаго—въ Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ воеводствахъ: «которые будутъ, литвинѣ або ляхъ, крещены были у Витебску въ рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живеть, того намъ нурушити, права ихъ хрестіянського ни въ чомъ не ломити»². Вслѣдствіе такихъ мирныхъ отношеній и со стороны православныхъ выражается болѣе общенія съ католиками. Въ братствахъ на бесѣду и пиры братскіе принимаются не только католики, но и католическіе духовные³. Въ Пересопницкомъ Евангеліи (1556 — 61 года, устроенномъ Григоріемъ архимандритомъ Пересопницкимъ) объясняется, что главы (сверхъ зачалъ) «написаны для людій закону римского, сиреч латинянь иже внихъ не взываются зачала едно капитулы а по нашему языкоу главы. Боуде ли онъ тебе о што просити абы еси емоу немедлю, сиречь борзо нашедши оуказаль»⁴.

Лучшимъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ русскіе могли нахо-

1) Митр. Макарій: Исторія Русской Церкви, т. IX, стр. 205 и 216.

2) Акты Западной Россіи, т. I, № 204.

3) Акты Западной Россіи, т. III, стр. 270 — «которые бы люди духовные якогожъ кольвекъ стану, римской вѣры и греческой, будучи вписанные въ тое ихъ братство».

4) Труды III Археологическ. Съѣзда. Приложенія, стр. 54.

дить дома чужеземныя средства просвѣщенія, служатъ извѣстные свидѣтельства князя Курбскаго о бакалаврѣ и юношѣ Амброжіи «въ писаніи искусномъ и верха философіи вѣдшныя достигшемъ», у котораго Курбскій учился латинскому языку и «внѣшнимъ наукомъ» въ Вольни. Но болѣе прочныя средства просвѣщенія представлялись для русскихъ въ центрахъ умственной жизни Литвы и Польши — въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Въ началѣ XVI вѣка въ Вильнѣ были уже католическія школы съ определеннымъ кругомъ преподаванія; были доктора медицины и аптеки. Иностранцы, преимущественно нѣмцы, занимали цѣлую улицу, носившую названіе «Нѣмецкой», о которой, можетъ быть, и пристрастно отзывался Браунъ, расхваливая великолѣпіе, удобства и чистоту домовъ иностранцевъ, въ противоположность домамъ туземцевъ — русскихъ и литовцевъ¹. Впрочемъ онъ находитъ, что дворцы великаго князя въ Вильнѣ также замѣчательны. Здѣсь находилась бібліотека Сигизмунда I, изъ описи которой мы привели выше русскія книги. Въ той же описи отмѣчено много латинскихъ книгъ (замѣчательны, кромѣ церковныхъ, лѣкарскія, юридическія книги и собранія повѣстей: «есты романором, спыкулом пксымилюром, троя, олександрѣя, езопусъ зысторіями»), три книги чешскихъ (библія, книга святаго Яна златовуста и книга «rolisa» (?) — не разобралъ) и одна польская «олександрѣя». Вильна, какъ столица великаго князя литовскаго, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Краковомъ — столицей Польши, представительницей ея умственнаго развитія. Магистры и доктора краковскаго университета являлись въ Литвѣ и въ Вильнѣ въ качествѣ канониковъ и учителей². Для литовцевъ въ краковскомъ университетѣ существовала особая

1) Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, вып. VI, стр. 115, и д. Переводъ изъ сочиненія Брауна: «Civitates orbis terrarum».

2) Łukaszewicz: Historia Szkół... Poznań. 1849—51, т. I и III.

коллегія. Несомнѣнно, что здѣсь получилъ свое образованіе Скорина, какъ позднѣе здѣсь учился князь Михаилъ Оболенскій — сотрудникъ князя Курбскаго, закончившій свое образованіе въ Италіи. Краковъ же былъ мѣстомъ первой типографіи для юго-западной Россіи (1491 года Фѣоль). Церковно-славянское книгопечатаніе встрѣтило однако препятствія въ столицѣ Польши и послѣ опыта Фѣоля не возобновлялось. Несомнѣнно, что дѣятельность Фѣоля, какъ мы уже говорили выше, была важнымъ явленіемъ въ умственной и литературной жизни юго-западной Россіи и должна была вызвать стремленіе къ продолженію церковно-славянскаго и русскаго книгопечатанія. Дальнѣйшіе дѣятели, какъ Скорина, ищутъ мѣста для русскаго и церковно-славянскаго книгопечатанія за границей, а затѣмъ и у себя на родинѣ — въ Вильнѣ.

Поѣздки русскихъ за границу въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ вызывались различными побужденіями, между которыми однако имѣли важное значеніе и образовательныя цѣли. Въ концѣ XV вѣка князь Михаилъ Глинскій 12 лѣтъ провелъ за границей, изучая военное искусство въ войскахъ Альбрехта Саксонскаго и цесаря Максимилиана, и усвоилъ обычаи западной цивилизаціи¹. Неизвѣстно переходилъ ли Глинскій во время своего пребыванія за границей въ католичество, или оставался православнымъ. Единственный примѣръ поѣздки за границу, съ переходомъ въ католичество, представляетъ поѣздка Ивана Сапѣги въ Римъ въ концѣ XV вѣка. Въ Прагѣ Чешской съ конца XIV вѣка существовала литовская коллегія, основанная Ядвигой (1397), при пражскомъ университетѣ. Здѣсь же сталъ печатать въ началѣ XVI вѣка русскія книги Скорина.

1) Acta Tomisiana, т. I, стр. 15. См. еще Бестужевъ-Рюминъ: Русская Исторія, т. II, в. 1, стр. 177.

Отношенія Скорины къ Прагѣ и къ чешскому книгопечатанію, на которыхъ мы еще остановимся дальше, объясняются общими отношеніями Польши и юго-западной Россіи къ чехамъ¹. Чешскій языкъ и чешская литература были въ большомъ ходу въ Польшѣ въ періодъ XIV—XVI вѣковъ. Среди польскаго общества, по свидѣтельству Лукаша Гурицкаго, (*czeszczyzna*²) чешскій языкъ служилъ признакомъ образованности. Древніе польскіе переводы св. писанія³ были совершены непосредственно съ чешскаго. Даже первое печатное изданіе польской библіи (1561 года, Краковъ) исполнено по переводу начала XVI вѣка съ чешской библіи. Кромѣ св. писанія съ чешскаго же языка переводились на польскій языкъ легенды, повѣсти, лѣчебныя книги, и проч. Скорина, какъ увидимъ дальше, руководствовался чешскою библіею и при помощи ея совершилъ большую часть перевода библіи на русскій языкъ. Чешскія библіи были распространены не только въ Польшѣ, но и въ юго-западной Россіи. Въ Острожской библіи 1580—81 года упоминается и чешская библія, въ числѣ главныхъ пособій. Всѣ эти явленія чешскаго вліянія могли проявляться независимо отъ направленія гуситства и чешскихъ братьевъ, хотя общины братьевъ были въ Польшѣ и отсюда же чешскіе братья направлялись не только въ Литву, но и въ Москву⁴. Точно также

1) Мы не останавливаемся здѣсь на указанныхъ уже не разъ фактахъ общенія между чехами и представителями юго-западной Россіи: посѣщеніе Геронимомъ Пражскимъ юго-западной Россіи, помощь и сочувствіе чехамъ въ 1422 году. См., между прочимъ, о кн. Федорѣ Даниловичѣ Острожскомъ. Грамоты великихъ князей литовскихъ. Кіевъ. 1868 года, стр. 2—4.—*Palack-Děj. česk. nar. D. III, ч. 1, стр. 482.*

2) *Biblioteka Polska. Kraków, 1858 года. L. Górnicki: Dworzanin Polski, стр. 43—44: «czeskich słów miasto polskich używa».*

3) Псалтирь въ рукописяхъ: Флоріанская и Пулавская; Библія королевы Софій, иначе Шарошпатацкая рукопись. См. статьи Неринга: «Ueber den Einfluss der alttöchechischen Sprache und Literatur auf die altpolnische». *Archiv für Slavische Philologie*, томы I, II, V, VI.

4) Марешъ Роковецъ, въ 1491 году, Янъ Рокита, въ 1570 году. См.

независимо отъ католическаго направленія совершались въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка переводы на русский языкъ католическихъ повѣстей, легендъ и католической библии. Къ числу такихъ немногихъ замѣчательныхъ переводовъ, совершенныхъ въ юго-западной Россіи, въ концѣ XV вѣка¹, относятся три повѣсти: Никодимово евангеліе, повѣсть о трехъ волхвахъ и легенда о св. Алексѣѣ. Эти повѣсти были извѣстны въ чешской и польской литературахъ въ стихотворныхъ и прозаическихъ перево-

«Гуситы въ Россіи въ XV и въ XVI столѣтіяхъ». Странникъ, 1878 года, Мартъ. Въ книгѣ Józefa Łukaszevicza: O Kościołach Braci Czeskich w dawnéj Wielkiej Polsce (W Poznaniu, 1835) фактическія данныя о распространеніи гуситства въ Польшѣ только со второй половины XVI вѣка. См. литературу предмета по этому вопросу въ книгѣ пр. Карѣева: Очеркъ исторіи реформацкаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва (1886), стр. 15—16.

1) Сборникъ Императ. Публ. библ., Q, I, 391. Изъ трехъ легендъ этого сборника двѣ первыя: 1) «о оумученіи пана нашего езуз криста» (этого заглавія нѣтъ въ сборникѣ Имп. Публ. б.) и 2) (безъ заглавія) повѣсть о трехъ волхвахъ встрѣчаются въ сборникахъ, конца XV — начала XVI вѣка: Москов. Синод. библ., №№ 367 и 558 (по старому каталогу). См. «Описаніе слав. рукоп. москов. Синод. б.». Отд. 2, II, стр. 636—639. Легенда «о оумученіи», и проч., не что иное, какъ извѣстное апокрифическое Никодимово евангеліе. Вторая повѣсть о трехъ волхвахъ, въ сборникѣ Q, I, 391, имѣетъ 49 главъ и еще похвалу Кельну, тогда какъ въ сборникахъ москов. Синод. библ. обрывается на 32 главѣ. Сборникъ Публ. библ. представляетъ списокъ (съ первоначальнаго перевода на русскій языкъ) совершенный въ юго-западной Россіи; списки же москов. Синод. библ. сдѣланы въ сѣверо-восточной Россіи, что видно изъ правописанія и перемѣны многихъ словъ, нѣкоторыя изъ которыхъ искажены. Въ сборникѣ Импер. Публ. библ. бумага имѣетъ одинъ водяной знакъ, конца XV вѣка—бычачья голова, съ возвышающеюся звѣздой и крестомъ въ рогахъ. Приводимъ начальныя слова отдѣльныхъ статей сборника: 1) «Моука га̇ нашего исоус х̇а̇ ѿд преворотныхъ жидовъ такимъ обычаемъ сталасе есть, колижъ немилостивые а шкрутные жидова», и проч. 2) «Колижъ превелебныхъ трохъ чорнокнижниковъ и певно правдивыхъ трохъ королевъ преславныхъ весъ свѣтъ... некаке речи по нашему свычаю соутъ пописаны, с розмантыхъ книгъ водны сестолены албо стлѣмены» (этого начала нѣтъ въ сборникахъ Москов. Синод. библ.); 3) «Стыи влекѣи былъ сѣвъ ефимианомъ моужа прешлахетного римлянина оу дому цесарскомъ», и проч.

дахъ. О первомъ большомъ апокрифѣ, неизвѣстномъ въ настоящее время въ польской библиографіи, упоминаетъ князь Курбскій, видѣвшій его на польскомъ языкѣ¹. Замѣчательное содержаніе второй повѣсти (самой большой изъ трехъ) представляетъ рядъ космографическихъ средневѣковыхъ свѣдѣній, связанныхъ съ повѣстью о трехъ короляхъ и со сказаніемъ о попѣ Янѣ. Легенда о св. Алексѣѣ, быть можетъ переведенная на русскій языкъ непосредственно съ чешскаго, представляетъ особую редакцію сказанія объ Алексѣѣ Божіемъ челоуѣкѣ по извѣстному сборнику XIII вѣка *Legenda Aurea*. Переводы этихъ повѣстей вмѣстѣ съ трудами Скорины замѣчательны по связи съ католической наукой, знакомство съ которой такимъ образомъ распространялось въ обществѣ юго-западной Россіи въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка.

Не должно смѣшивать однако этихъ литературныхъ отношеній юго-западной Россіи въ первой половинѣ XVI вѣка къ католической литературѣ и наукѣ съ позднѣйшими стремленіями іезуитовъ въ концѣ XVI вѣка къ изданіямъ на русскомъ языкѣ въ интересахъ распространенія католичества². Изданія эти не имѣли особеннаго успѣха. Представители русскаго высшаго сословія, переходившіе въ католичество, перемѣняли и вѣру и родной языкъ. То же самое еще раньше выразилось въ протестантскомъ движеніи, особенно сильномъ въ юго-западной Россіи съ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія³.

1) Православный Собесѣдникъ 1863 года, кн. VIII, стр. 551.

2) См. Архіеп. Филаретъ: Обзоръ русск. духовн. литер., № 108 (1-е изд.). Митр. Макарій: Исторія Русской Церкви, IX, стр. 421. Пр. Васильевскій: Очеркъ исторіи города Вильны. Памятники русской старины въ западн. губ., в. V, стр. 39. Неудачныя изданія Поссевина: 1582 — Римъ, 1585 — Вильна.

3) Первымъ проповѣдникомъ протестантства въ Вильнѣ считается итальянецъ Лисманини (1521); послѣ него болѣе значенія въ дѣлѣ распространенія протестантства имѣлъ природный литвинъ Авраамъ Кульва, докторъ

Мы уже упоминали, что протестантское движеніе, оторвавшее многихъ представителей высшаго русскаго общества отъ православія, повело ихъ къ презрительному отношенію къ своему родному языку и перемѣнѣ его на иностранныя языки, и преимущественно на польскій. На польскомъ языкѣ явились протестантскія изданія библіи (Брестское 1563 и Несвижское 1572)¹. Мы знаемъ только одинъ опытъ перевода евангелія на русскій языкъ, въ интересахъ реформаціи (социніанства), совершенный Валентиномъ Негалевскимъ, въ 1581 году, въ с. Хорошовѣ (нынѣ Острожскаго уѣзда, Вольнской губерніи)² — «съ польскаго языка (съ польскаго перевода Мартина Чеховича, изд. въ Раковѣ, 1577 года) на речь рускую писема нашего новаго тестаменту. . . а учинилъ то, объясняетъ русскій переводчикъ, за намовою и напомнимъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ, а слово Божее милующихъ людей, которые писма полскаго читати не умеютъ, а языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣютъ». Текстъ этого перевода снабженъ многочисленными примѣчаніями. Таковъ былъ характеръ всѣхъ первыхъ протестантскихъ изданій св. писанія (начиная съ Лютера). Въ этихъ примѣчаніяхъ, кромѣ объясненій собственно св. писанія, въ духѣ протестанства, комментаторы полемизировали съ католичествомъ. Мы не знаемъ, находятся ли въ примѣчаніяхъ Негалевскаго нападенія на православное вѣроученіе, но знаемъ подобныя нападенія въ печатной книгѣ на русскомъ языкѣ, излагающей протестантское вѣроученіе—«Кати-

богословія (1539 или 1542); но болѣе широкое и свободное распространеніе протестантства въ Литвѣ и въ Польшѣ относится ко времени Сигизмунда Августа (1548—1572).

1) Первая библія — изданіе кальвинистовъ, вторая — социніанъ, или унитаріевъ, отчего библія несвижская носила еще названіе «унитарской».

2) Архивъ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1883, ч. I, т. VI, стр. 138—140.

хизистъ», напечатан. въ Несвижѣ (1562), при участіи Симона Буднаго, переводчика упомянутой польской библіи 1572 года¹.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе значенія протестантскаго движенія въ умственномъ развитіи юго-западной Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, намъ необходимо остановиться на протестантскомъ движеніи въ отношеніи къ трудамъ Скорины. Въ обзорѣ литературы предмета мы указали мнѣніе о протестантскомъ направленіи трудовъ Скорины. Такое же мнѣніе было высказано еще во второй половинѣ XVI вѣка кн. Курбскимъ, видѣвшимъ въ Литвѣ, по его словамъ, книги «ветхаго и новаго завѣта и пророческіе вси, а переводъ Скорины полоцкаго, переведены не въ давнихъ лѣтахъ аки лѣтъ 50 . . . съ препороченыхъ книгъ жидовскихъ». Кромѣ того, кн. Курбскій, смѣшивавшій католичество, протестантство и жидовство, безъ всякаго различія, въ одну ересь, замѣтилъ, что видѣлъ у лютеранъ «Библіи Люторовъ переводъ, согласующе по всему съ Скорининымъ Библіемъ»². Мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Достаточно пока коснуться характеристическихъ особенностей упомянутой уже польской библіи Симона Буднаго (1572 года)³.

1) Другая книжка Буднаго на русскомъ языкѣ «О оправданіи грѣшнаго чловѣка передъ Богомъ», Несвижъ, 1562 года, извѣстна только по заглавію, по указанію Сопикова и еще болѣе важному указанію современника Буднаго, старца Артемія (Русская Историческ. Библиотека, т. IV, 1321).

2) Православный Собесѣдникъ 1863 года, ч. 2, стр. 569—571. Въ сборникѣ гр. Уварова, № 346 (бывшій Царскаго, № 461) эта статья имѣетъ особое заглавіе—«о скорининыхъ книгахъ печатныхъ полоцкихъ». Статья эта, также, какъ и напечатанная въ Православномъ Собесѣдникѣ, слѣдуетъ послѣ «Посланія кнзя Андрея Курбскаго . . . в печерской мѣтрѣ нѣкоему старцу», съ которымъ и имѣетъ много общаго. Замѣтимъ, что списокъ гр. Уварова представляетъ интересныя исправленія и дополненія къ напечатанному.

3) Это весьма рѣдкое изданіе находится въ московской Типографской библиотекѣ; экземпляръ, которымъ я пользовался, хорошо сохранился. Польская библія С. Буднаго издана въ четверку, въ 2 столбца, мелкой печати (въ

Эти особенности, отличающія вообще протестантскія изданія библии отъ католическихъ, состоятъ прежде всего въ критическомъ отношеніи къ тексту и къ отдѣльнымъ книгамъ библии. Протестантскія изданія библии, въ томъ числѣ и Симона Буднаго, исключительно опираются въ ветхомъ завѣтѣ на еврейскомъ текстѣ, причемъ строго отдѣляютъ каноническія книги отъ апокрифическихъ (подъ этимъ названіемъ помѣщаются отдѣльно: Варухъ, Товитъ, Юднъ, Премудрость Соломона, Премудрость Сираха, книги Маккавейскія, Ездры 3 и 4 и прибавленія къ Есопри, Даниилу и пр.). Будный, слѣдуя, по его собственнымъ словамъ, примѣру Лютера, Кальвина, Эразма и др., приводитъ въ своей библии всѣ собственныя имена въ еврейской формѣ, избѣгаетъ латинскихъ выраженій (напр. вм. capitula — rozdział, głowa) и такъ называемой модернизации (перевода старыхъ понятій на новыя)—что особенно было распространено въ католическихъ переводахъ, напр. Будный указываетъ на названія Самуила, Захаріи — Karłanami (въ чешскихъ и въ польскихъ переводахъ часто встрѣчаются подобныя названія — канцлеры, старосты и пр.; ихъ мы встрѣчаемъ и у Скорины); «простой человѣкъ, говоритъ Будный, можетъ подумать, что они были тоже, что римскіе, католическіе канцланы». Взглядъ Буднаго на русскій языкъ выражается въ слѣдующемъ замѣчательномъ мѣстѣ предисловія въ библию: «znaydziesz tu (въ польскомъ переводѣ) słowa wielgopolskie znaydziesz Krakowskie Mazowieckie Podlaskie sędomirskie á bez máła y Ruskie. Głupstwo to iest mową iedney krainy gardzić á drugiey słowa pod niebiosa wynosić»¹.

предисловіи указывается на неудобную величину Брестской библии, въ большой листъ, которую «возить трудно, не только что носить»). Въ концѣ книги: Drukowano w drukarni y nakładem godney pamięci Pana Maciecia Kawieczynskiego starosty Nieswiskiego.

1) По упомянутому экз. москов. Типогр. библ., стр. 5.

Дальше мы увидимъ, что переводъ библіи, совершенный Скориною, не имѣетъ ничего общаго съ протестантскимъ направлеи́емъ: въ изданіяхъ Скорины нѣтъ ни полемики, ни критическаго отношенія къ тексту св. писанія. Переходимъ къ скуднымъ біографическимъ свѣдѣніямъ о Скоринѣ, которыя однако, въ сопоставленіи съ только что изложеннымъ очеркомъ состоянія юго-западной Россіи, показываютъ, къ какому именно направленію изъ разсмотрѣнныхъ нами всего ближе подходитъ дѣятельность Скорины.

2. Скудость біографическихъ свѣдѣній о докторѣ Францискѣ Скоринѣ.— Отношенія его къ западной Россіи.—Направленіе его образованія и дѣятельности въ Прагѣ въ связи съ состояніемъ краковскаго университета и чешскаго книгопечатанія.— Вопросъ о прекращеніи издательской и типографской дѣятельности Скорины.

Немногія положительныя данныя для біографіи доктора Франциска Скорины относятся только ко времени его издательской дѣятельности и частной жизни въ Вильнѣ (1517—1535 года)¹. Ни годъ рожденія Скорины, ни годъ смерти его неизвѣстны. Неизвѣстно съ точностію и мѣсто окончательнаго его образованія, какъ и вѣровсповѣданіе его, о которомъ, какъ

1) Эти данныя заключаются: въ указаніяхъ самого Скорины въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ печатныхъ изданій его, при одномъ изъ которыхъ (кн. Сираха, 1517) приложенъ даже портретъ Скорины; въ «Собраніи государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній», ч. I. М. Круповича. Вильно. 1858 (Zbiór dyplomatów rządowych, etc.), двѣ грамоты Сигизмунда I: №№ XIX и XX, стр. 35 и 36, изъ книги Коронныхъ Метрикъ, и въ судебныхъ дѣлахъ Литовской Метрики (въ Сенатѣ) два новыхъ документа, которые помѣщаемъ въ приложеніяхъ, №№ 1 и 2.

мы видѣли изъ обзора литературы предмета, существуютъ такія разнорѣчивыя мнѣнія.

Время рожденія Скорины можно отнести къ послѣдней четверти XV вѣка (около 1490 года). Если мы признаемъ, что въ 1504 году Скорина поступилъ въ краковскій университетъ, то, по правиламъ университета, онъ долженъ былъ имѣть не менѣе 14 лѣтъ¹. Принимая въ соображеніе эти лѣта Скорины, мы можемъ думать, что въ 1517 году, когда онъ издалъ свою первую книгу въ Прагѣ, ему было не менѣе 27 лѣтъ; въ такомъ возрастѣ, или даже нѣсколько старше, изображенъ Скорина и на портретѣ 1517 года. Послѣднее извѣстіе о Скоринѣ съ годомъ мы имѣемъ отъ 1535 года, когда ему слѣдовательно было не менѣе 45 лѣтъ.

Если трудно установить годъ рожденія Скорины, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что по происхожденію онъ былъ русскій и родился въ Полоцкѣ. «Съ Полоцка, изъ славнаго града Полоцка», постоянно прибавляетъ Скорина въ послѣсловіяхъ къ своему имени и ученому званію. «Азъ... нароченны въ рускомъ языку», говоритъ о себѣ Скорина въ предисловіи къ книгѣ Даніила; въ другихъ предисловіяхъ онъ называетъ русскій языкъ своимъ «прирожденнымъ», а въ предисловіи къ первой книгѣ (Псалтирь 1517) объясняетъ свою дѣятельность на пользу русскаго народа («своей братіи Русси»), славянской и русской письменности «наболелъ съ тое причины, иже мя милостивыи Богъ съ того языка (русскаго) на светъ пустилъ».

Старинный русскій городъ Полоцкъ, получившій въ 1498 году жалованную грамоту на магдебургское право, былъ богатый городъ, такъ какъ обложенъ былъ ежегоднымъ взносомъ въ казну

1) Dr. W. Wisłocki: O wydawnictwie Liber diligentiarum Krakowskiego Facultetu, Kraków, 1886, стр. 9—10.

великаго князя Литовскаго въ 400 копъ грошей, тогда какъ на примѣръ городъ Минскъ платилъ только 60 копъ грошей¹. О богатствѣ купцовъ полоцкихъ свидѣлствуетъ Гваньини въ своей Хроникѣ². Къ богатой же купеческой фамилиі³ въ Полоцкѣ принадлежалъ и Францискъ Скорина, который, по акту XVI вѣка, называется еще и другимъ именемъ Георгій⁴. Къ сожалѣ-

1) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. V (1882), стр. 204.

2) Мы пользовались русскимъ рукописнымъ переводомъ Импер. Публ. библ. Q, IV, 56.

3) Слово «скорина» встрѣчается въ русскомъ языкѣ въ слѣдующихъ значеніяхъ: Далъ, Словарь — скорина отъ скорый; Посовичъ, Словарь — скорына, корка испеченаго хлѣба. У Прозоровскаго: Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Императ. Археол. Общ. (1879), стр. 150—«скорыня», меринъ коворъ, на правомъ глазе скорыня (нѣтъ ни у Даля, ни у Посовича). Ср. еще у Даля: скара, скбра (старинное слово. Ср. Lexicon Миклошича) шкура, пушной товаръ. Въ судныхъ дѣлахъ Литовской Метрики (№ 1, Anno 1513, и д.) встрѣчаются слѣдующія фамиліи на —ина: Клущина (мѣщанинъ виленскій), Дубина, Пузина (князь Богданъ), иначе Пузына, какъ Глазына (Гильтебрандтъ: Рукописи. отд. Виленск. библ., 1871 года, стр. 136 и 157). Фамилія Скорина, по происхожденію и значенію, относится къ такимъ русскимъ фамиліямъ, какъ въ упомянутыхъ судныхъ дѣлахъ: Солома, Кануста, Бубонъ, рядомъ съ — Лебедь, Ворона, Корова, Богатыр. Фамилія Скорина встрѣчается въ актахъ юго-западной Россіи XVII и XVIII вѣковъ. Архивъ юго-зап. Россіи. Кіевъ, ч. I, т. 6, стр. 56: членъ Слуцкаго православнаго братства Pheory Skoryna (1681 года); ч. I, т. 3, стр. 506, при избраніи православнаго священника Скорына. Отмѣтимъ еще русскія формы прозвища и имени доктора Франциска Скорины, какъ онъ самъ приводитъ въ послѣсловіяхъ къ своимъ изданіямъ: «Скорининъ сынъ» (часто), «Франциско» (Царствъ 3 б).

4) Собраніе государствен. и частныхъ актовъ. М. Круповича, стр. 35, грамота Сигизмунда I. Это второе имя можетъ освѣтить вопросъ о вѣроисповѣданіи Скорины. Замѣтимъ, что въ Полоцкѣ въ концѣ XV и даже въ началѣ XVI вѣка не было ни одного католическаго костела; населеніе города состояло изъ русскихъ православныхъ. Слѣдуетъ думать, что и Скорина, по происхожденію, былъ православный. За православныя русскія связи Скорины свидѣлствуетъ вся его литературная дѣятельность и необходимая къ ней предшествующая подготовка на родинѣ, до образованія въ католическихъ университетахъ. Интересно бы выяснитъ вопросъ о двойныхъ именахъ православныхъ русскихъ до уніи въ юго-западной Россіи. Вотъ нѣ-

нiю, мы ничего не знаемъ о родителяхъ Скорины. Акты XVI вѣка называютъ только брата Франциска Скорины, съ его сыновьями и зятьями¹. Братъ доктора, Иванъ Скорыничъ, владѣлъ въ Полоцкѣ недвижимымъ родовымъ имуществомъ, въ которомъ, по указанiю одного изъ его родственниковъ, въ 1535 году, была часть и доктора Франциска Скорины. Судное дѣло Ивана Скорынича, причинившее, послѣ его смерти, не мало безпокойствъ доктору Скоринѣ, возникло вслѣдствiе долга Ивана Скорины въ 22 копы грошей — суммы довольно значительной. Въ 1552 году, въ ревизiи воеводства Полоцкаго, упоминается Еско Скорина, за землю котораго 21 человекъ мѣщанъ платятъ 2 копы 17 грошей². Кромѣ свидѣтельства о состоятельности полоцкихъ Скоринъ, акты XVI вѣка указываютъ на ихъ отношенiя съ нѣмцами и съ Вильной. Иванъ Скорыничъ имѣлъ какiя-то торговыя дѣла въ Ригѣ, гдѣ и занялъ у виленскаго мѣщанина Петра Соколовскаго 22 копы грошей, а сынъ Ивана Скорины — Романъ, по выраженiю акта XVI вѣка, «служилъ въ нѣмцахъ». Иванъ Скорыничъ, владѣя недвижимымъ имуществомъ въ Полоцкѣ (дворище въ замку Полоцкомъ) былъ въ то же время «мѣщаниномъ виленскимъ». Виленскимъ же мѣщаниномъ называется и сынъ его Романъ³.

Эти отношенiя полоцкихъ Скоринъ къ Вильнѣ имѣютъ особенное значенiе въ жизни и дѣятельности Франциска Скорины.

сколько примѣровъ. Извѣстный князь Острожскiй постоянно назывался Константиномъ, а въ предисловiи къ Острожской библiи указывается еще его имя «въ крещенiи Василiй». Въ актахъ XV—XVI вѣковъ мы встрѣтили — князь корецкiй Богущъ, во св. крещенiи Евфимiй». См. еще Вилен. Археогр. Сборн., т. V, № 3 (1530 года) православный Богухвалъ (?) Дмитровичъ.

1) У брата доктора, Ивана, сынъ Романъ, дочери — одна за Михномъ Овсянниковымъ, другая за Еско Степановичемъ (ср. Скорыничъ).

2) *Scriptores rerum Polonicarum*, т. V, стр. 184.

3) См. вышеназванное изданiе Круповича.

Около 1525 года докторъ Францискъ Скорина становится постояннымъ жителемъ Вильны. Въ 1525 году, по его собственному свидѣтельству въ послѣсловіи къ Апостолу, онъ имѣетъ типографію «въ дому почтивого мужа Якуба Бабича, найстаршего бурмистра славнаго и великаго мѣста виленскаго»¹. Между 1525 и 1529 годами Скорина женился въ Вильнѣ на вдовѣ Юрія Одверника² Маргаритѣ. Въ 1529 года докторъ Скорина ведетъ тяжбу за недвижимое имущество своей жены (домъ въ Вильнѣ) и выигрываетъ дѣло. Послѣднія извѣстія о докторѣ Францискѣ Скоринѣ въ Вильнѣ, по актамъ XVI вѣка, относятся къ 1532 и 1535 годамъ. Но указанія на связи Скорины съ Вильной заходятъ и въ болѣе раннее время—его издательской и типографской дѣятельности въ Прагѣ. На многихъ экземплярахъ пражскихъ изданій Скорины, начиная съ первой книги Псалтири 1517 года, сдѣланы приписки (рукою XVI вѣка и письмомъ печатныхъ книгъ Скорины): «а то сѧ стало накладомъ Богдана Онкова сѧа радци места виленскаго»³. Имена богатыхъ виленскихъ «мѣщанъ», стояв-

1) Виленскій Центральный Архивъ, № 5345 (Дѣла виленск. город. магистр., № 1; отъ 1491 до 1668 года), подъ 1521 годомъ (№ 16) Babicz. — Пользуясь случаемъ выразить глубокую благодарность начальству и служащимъ въ Виленскомъ Архивѣ и Публичной библиотекѣ за содѣйствіе при моихъ занятіяхъ въ Вильнѣ.

2) Тамъ же, подъ 1521 годомъ встрѣчается имя владѣльца дома въ Вильнѣ Georgius Odwernikowicz. По нашему акту (приложеніе № 1) Юрій Одверникъ называется радцей виленскимъ. Имена жены и тещи Скорины наводятъ на мысль о ихъ католическомъ вѣроисповѣданіи: Маргарита и Дорота Станиславовая. Выше мы уже упоминали о смѣшанныхъ бракахъ въ юго-западной Россіи.

3) Въ актахъ Литовской Метрики (Петербургъ) Книга Записей, № 5, л. 311 б (Вильна, 1506 года) оповѣщеніе мѣщанину виленскому Богдану Онковичу о земляхъ, купленныхъ отцомъ Богдана, Онкомъ, у бояръ виленскихъ и у людей великокняжескихъ. Книга судныхъ дѣлъ, № 1, л. 10 — Богданъ Вонковичъ мѣщанинъ мѣста виленскаго въ числѣ ассесоровъ на судѣ маршалковъ. Ср. еще Вилен. Археогр. Сборн., т. VI, стр. 6 (1511 года) среди бурми-

шихъ во главѣ городского управленія, Богдана Онькова и Якуба Бабича, связанныя съ издательской и типографской дѣятельностью Скорины, объясняютъ намъ отношенія его къ западной Россіи вообще и къ тогдашнему центру умственного развитія—Вильнѣ въ особенности, — на которыхъ мы теперъ и остановимся.

Если около 1525 года, послѣ прекращенія дѣятельности въ Прагѣ, докторъ Францискъ Скорина нашелъ въ Вильнѣ, въ лицѣ Якуба Бабича, покровителя своей типографской и литературной дѣятельности, своего рода «христолюбца» для книжнаго дѣла, въ родѣ упомянутаго выше Оедора писаря, пріютившаго въ 1502 году писателя «Десятоглава», то и для пражской дѣятельности Францискъ Скорина нуждался въ такихъ же покровителяхъ. Указаній на князей и бояръ западной Россіи мы не находимъ у Скорины, какъ позднѣе обращаются къ нимъ издатели Несвижскаго Катихизиса (1562), Тяпинскій, издатель Евангелія (около 1570 года), и др.; предположеніе (Добровскаго) о содѣйствіи Скоринѣ короля Сигизмунда I, основанное на упоминаніи Скорины о напечатаніи Апостола «при держаніи наласкавшаго господаря Жикгымонта» и на грамотахъ короля (1532 года)¹, ничѣмъ не подтверждается. Остаются болѣе основательныя связи Скорины съ богатыми виленскими горожанами, которые и

стровъ и присяжниковъ виленскихъ Сенко Онковичъ. Отмѣтимъ приведенную приписку на экземплярахъ пражскихъ изданій Скорины: 1) Псалтирь 1517 года, 2) Имп. Публ. библ., въ заглавіи книги Спраха, 3) Виленской библ., въ заглавіи Гова, 4) Московск. Архива Министер. Иностр. Дѣлъ, и др.

1) Какъ упоминаніе Скорины въ Апостолѣ (ср. Добрянскій: Описание рукоп. Вилен. библ., стр. 63 — 1514 года Пятюкнижкіе «при царстве великаго короля Жикгимоньта». Тоже, см. стр. 47, 193 и 199. Въ XV вѣкѣ Минеи «при державѣ короля польскаго Казимира», стр. 287 и пр.), такъ и выраженія короля, относящіяся къ Скоринѣ въ грамотахъ, напечатанныхъ у Круповича, не могутъ свидѣтельствовать о какихъ либо близкихъ отношеніяхъ Скорины къ королю, представляя общія мѣста. Ср. другія грамоты короля съ подобными цвѣтистыми выраженіями.

БОЖНІЯ :-

КОНЧАЕТСЯ Книга Рекомаа Премудрѣъ • По
моирню бога вътроици Ёдинаго • Иматери
Ёго Прѣтѣе Лезици Илернѣ • Повѣлени
ёмъ, Працею, Ивъкладомъ • Ученаго ИѴжа
Вѣкарскихъ набкахъ Доктора Франциска
Бикоринина сына, Сполицка • Уславномъ
Старомъ месте Празскомъ • Лѣта пона
роженнѣ Спасителя нашего • Тысячнанаго Платъ
сотанаго ИѴсмъ надесятнаго • ИѴца Генѣарна
Лна Лезаннаго надесятъ :-

могли быть его покровителями, какъ они были покровителями дѣль благотворительности въ братствахъ¹. А между тѣмъ не въ одномъ только матеріальномъ пособіи для роскошнаго по тому времени изданія библейскихъ книгъ нуждался Скорина: онъ нуждался также и въ значительномъ количествѣ церковно-славянскихъ рукописей. Въ его пражскихъ книгахъ, какъ увидимъ дальше, часто приводятся выдержки изъ церковно-славянскаго текста Евангелія, Апостола, Пятокнижія Моисеева, Псалтири, Пророковъ, Царствъ, Судей, Іова, Притчей, Екклезіаста. Такое богатое собраніе библейскихъ книгъ заграничный докторъ медицины, трудившійся въ Прагѣ, долженъ былъ достать на родинѣ, и въ этомъ могли помочь ему виленскія связи². Міряне, державшіе на дому Правила церковныя, большія цѣнныя рукописи, дѣлавшіе «паклады» въ церкви книгами, имѣли конечно у себя и библейскія книги, хотя не имѣли полной церковно-славянской библіи. Этой потребности «простыхъ людей рускаго языка», «посполитого доброго» въ полной библіи и имѣлъ въ виду удовлетворить своимъ переводомъ и изданіемъ Скорина. Замѣчательны нѣкоторыя выраженія Скорины въ его предисловіяхъ къ пражскимъ изданіямъ, на которыхъ мы остановимся подробнѣе въ слѣдующей главѣ, проникнутыя любовью къ родинѣ и стремленіемъ принести ей пользу своимъ посильнымъ трудомъ. Говоря въ предисловіи къ книгѣ Юднѣ о томъ, что «люди гдѣ зродилися и ускормлены суть по бозе, ктому месту великую ласку имають»,

1) Несомнѣнно, какъ Богданъ Оньковъ, такъ и Бабичъ, по званію городскихъ представителей, были постоянными членами «панского» братства. А чрезъ своихъ покровителей и Скорина могъ быть причастенъ братству виленскому.

2) Изъ вышеприведенныхъ монастырскихъ описей книгъ видно, что даже въ половинѣ XVI вѣка очень немногіе монастыри юго-западной Россіи обладали такимъ богатымъ собраніемъ книгъ ветхаго завѣта. Поэтому и въ монастырскія бібліотеки пріобрѣталась «битыя книги» Скорины.

Скорина выставляет Юдию примѣромъ для мужей, чтобы они «всякого тружання и скорбовъ для посполитого доброго и для отчины своея не лютвали». Въ предисловіи къ книгѣ Есфирь, говоря о переводѣ библейскихъ книгъ — «своему прироженому Рускому языку кнауце всего доброго», Скорина заключаетъ, какъ бы эпиграфомъ ко всему своему труду: «Нетолико сами себе народихомся насвет Но более кослужбѣ божией, посполитого доброго». Подъ вліяніемъ этой мысли Скорина, какъ самъ говоритъ, и «поднялся праца тое». Въ предисловіи къ книгѣ Левитъ Скорина говоритъ: «мы братия не можемъ ли вовеликихъ послужити посполитому люду рускаго языка сие малые книжки праца нашее приносимо имъ». Такъ писалъ Скорина, издавая свои книжки за границей, въ Прагѣ. Переѣхавши въ Вильну и возобновивши здѣсь прерванную въ Прагѣ типографскую дѣятельность, при пособіи бурмистра Бабича, Скорина принимается за изданія, которыя какъ нельзя больше отвѣчали потребности православныхъ купцовъ и мѣщанъ виленскихъ, хлопотавшихъ о религіозныхъ нуждахъ своихъ во время торговыхъ путешествій въ земляхъ яцкихъ и нѣмецкихъ. Припомнимъ подвижной антиминосъ, выхлопотанный виленскими мѣщанами-братчиками у константинопольскаго патріарха. Такимъ же нуждамъ путешествующихъ виленскихъ купцовъ отвѣчало замѣчательное изданіе Скорины — «Малая подорожная книжица». И замѣчательно здѣсь то, что Скорина не просто издалъ готовый рукописный текстъ Псалтири слѣдовавшей (какъ это дѣлалъ Фѣоль), а переработалъ его по языку, расположенію и внѣшней формѣ. Такъ дѣйствовалъ человѣкъ, работавшій не по одному только заказу православныхъ, а дѣятель съ извѣстными уже намъ побужденіями — принести посильную пользу «своей братіи — людемъ рускаго языка». Въ виленскихъ изданіяхъ Скорины (другое изданіе — Апостолъ имѣетъ также определенное назна-

ченіе для православныхъ) эти люди русскаго языка несомнѣнно православные. Ничто не препятствуетъ отнести къ нимъ же и пражскія изданія Скорины (библейскія книги). Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ общіе приемы и источники, которыми пользовался Скорина, какъ при изданіи пражскихъ книгъ, такъ и виленскихъ. Теперь же упомянемъ только объ одной книгѣ изъ пражскихъ изданій — Псалтири 1517 года. Издавая ее на церковно-славянскомъ языкѣ, почти въ томъ самомъ видѣ, какъ она была въ ходу среди православныхъ, съ раздѣленіемъ на каонизмы и славы, и въ то же время назначая ее «детемъ малымъ», какъ «початокъ всякое доброе науки, грамоты, еже добре чести и мовити учить», Скорина имѣлъ въ виду извѣстныя требованія древнерусской грамотности. А это назначеніе перваго пражскаго изданія въ связи съ стремленіемъ Скорины придерживаться церковно-славянскаго языка даетъ намъ объясненіе къ темному вопросу въ жизни Скорины — его первоначальному образованію на родинѣ. Необходимо предположить время въ его жизни, всего вѣроятнѣе въ юности, когда онъ познакомился съ церковно-славянскою письменностью и изучилъ церковно-славянскій языкъ, насколько могъ изучить при отсутствіи церковно-славянскихъ грамматикъ.

Переходимъ къ другому образованію Скорины и къ другимъ отношеніямъ его къ западной Европѣ, преимущественно къ западнымъ славянамъ — полякамъ и чехамъ. Объ образованіи Скорины мы имѣемъ единственное вѣроятное указаніе. Въ числѣ получившихъ степень бакалавра въ философскомъ факультетѣ краковскаго университета въ 1506 году упоминается Fran. de Poloczko, Litphanus¹. Вѣроятно это то же самое лицо, что

1) I. Muczkowski: Statuta nec non liber Promotionum Philosophorum ordinis in universitate Jagellonica. Cracoviae (1849), стр. 144.

значится студентомъ, подъ именемъ «Franciscus Luce de Ploczko, solvit 2 gr.»¹, поступившимъ въ краковскій университетъ въ 1504 году. Свидѣтельство это можетъ еще лучше подтвердиться, если въ актахъ западной Россіи откроется имя отца Франциска Скорины, которое, по приведенному свидѣтельству, должно быть Лука. Первое свидѣтельство, къ сожалѣнію, безъ фамиліи Скорина, соединено однако съ названіемъ родины de Ploczko, которое отмѣчаетъ постоянно, какъ мы уже говорили, и Фр. Скорина «съ Полоцка». Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка среди магистровъ краковского университета мы встрѣчаемъ еще литовца: «Andrzej Kniąz na Swirze Swirski» (de genere ducum Lithuanus)². Кромѣ того, среди магистровъ же упоминаются еще изъ Литвы Wileńczycy.

Состояніе образованія въ краковскомъ университетѣ³, похвалившемъ на подобныя учрежденія западной Европы, особенно на пражскій университетъ, можетъ служить объясненіемъ направленія Скорины. Въ философскомъ факультетѣ краковского университета въ началѣ XVI вѣка (лекціи, читанныя отъ 1504—1506, можно найти въ «Liber diligentiarum», издав. Вислоцкимъ, въ 1886 году) преподавались извѣстныя въ среднія вѣка семь свободныхъ наукъ, основанныхъ на латинскихъ трактатахъ изъ сочиненій Аристотеля по риторикѣ, логикѣ, физикѣ, читались

1) Этимъ свидѣніемъ мы обязаны С. Л. Пташицкому, который выписалъ его изъ рукописей краковского университета: № 258. Metrica. T. I, листъ 500 об., Anno 1504, Commutatione hiemali sub rectoratu Iohannis Amicini de Cracovia, etc. Franciscus Luce de Ploczko, уплатившій 2 гроша, записавъ на оборотѣ 500 л. одиннадцатымъ сверху.

2) Wisłocki: O wydawnictwie Liber diligentiarum. Kraków. 1886, стр. 12.

3) Пользуемся извѣстнымъ трудомъ Лукашевича: Historia szkół w Koronie i w W. Ks. Litewskim. Poznań. 1849, t. I и 1851, t. III; — названной уже статьей Вислоцкаго и его-же изданіемъ: Liber diligentiarum. Cracoviae, 1886. Pars I.

латинскіе авторы — Саллюстій, Виргилій, Сенека, приче́мъ для изученія грамматики служило изложеніе варварской латыни Доната, преподавалась астрологія, называвшаяся астрономіей; для практическихъ упражненій устраивались почти ежедневныя диспуты, а занятія астрологіей дополнялись еще составленіемъ календарей и гороскоповъ. Эти семь свободныхъ наукъ, начало тогдашней университетской мудрости, Скорина считалъ необходимымъ рекомендовать и своимъ русскимъ читателямъ при чтеніи библейскихъ книгъ, приче́мъ упомянулъ о раздѣленіи семи наукъ на «три науки словесныя»: грамматику, логику и риторику и — остальные четыре науки: «музику, арифметику, геометрію и астрономію или звездочеть»¹. Въ предисловіи на книгу Сираха, при которой приложена гравюра, изображающая диспутъ, Скорина говоритъ и объ «Аристотелевой божественной и житейской мудрости». Почти все́ предисловія Скорины, на которыхъ остановимся подробнѣе въ слѣдующей главѣ, показываютъ, какъ часто говоритъ о наукѣ Скорина², не смотря на то, что считаетъ для своей «братіи русскихъ простыхъ людей» болѣе «потребными» книги библейскія, чѣмъ упоминаемыя имъ науки.

Въ началѣ XVI вѣка, когда учился въ краковскомъ универ-

1) См. предисловіе во всю библію, у Каратаева: Описаніе славянорусскихъ книгъ.

2) Многія разсужденія Скорины въ предисловіяхъ, какъ увидимъ дальше, построены на приемахъ схоластики. Въ этомъ отношеніи Скорина напоминаетъ позднѣйшихъ южно-русскихъ писателей XVII вѣка, въ родѣ Голятовскаго. Приведемъ здѣсь изъ предисловія къ Апостолу нѣсколько примѣровъ. Въ предисловіи къ Дѣяніямъ Скорина располагаетъ свое разсужденіе по слѣдующимъ вопросамъ: «поче́мъ гдѣ уступалъ на небо? котораго часу? на которомъ месте? кто притомъ былъ? кто свидетельствовалъ», и проч. Въ предисловіи къ Посланію ап. Павла (къ Римлянамъ) приводятся схоластическіе «раздѣлы» о двойномъ адамѣ, тройкой смерти, тройкомъ животѣ, и проч. Мы увидимъ, что, подобно Голятовскому, Скорина приводитъ примѣры изъ свѣтскихъ наукъ.

ситетѣ Скорина, выдающимися профессорами на философскомъ факультетѣ были Михаилъ Вратиславскій (Michael de Wratislavia, 1488—1512) и Іоаннъ Глоговскій (Ioannes de Glogovia, 1487—1506). Имя послѣдняго, по свидѣтельству Старовольскаго¹, связано съ извѣстіемъ о переводѣ Глоговскимъ библіи на славянскій или русскій языкъ. Несомнѣнно, что это извѣстіе Старовольскаго, отмѣтившаго при этомъ и книги доктора Франциска Скорины (котораго Старовольскій ошибочно называетъ theologus) — невѣрно; но оно не лишено значенія въ біографіи Скорины, какъ студента краковскаго университета, ученика Іоанна Глоговскаго. Старовольскій, краковскій каноникъ и историкъ, жившій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, могъ смѣшивать преданія краковскаго университета о Скоринѣ и І. Глоговскомъ, издавшемъ много латинскихъ книгъ въ Краковѣ и за границей. Замѣчательно, что все, что читалось въ краковскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ, было напечатано уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка въ типографіяхъ заграничныхъ и въ краковскихъ. Профессора, какъ упомянутые М. Вратиславскій и І. Глоговскій, уважавшіе типографскую дѣятельность, могли передать это уваженіе и своимъ ученикамъ, а интересъ учениковъ могъ поддерживаться еще краковскими типографіями, не только выпускавшими латинскія книги съ отрывками на польскомъ языкѣ, но и церковно-славянскія (книги Фѣоля).

Преобладающимъ направленіемъ въ краковскомъ университетѣ въ рассматриваемое время было теологическое, такъ какъ

1) Scriptorum Polonicorum Ekatonas. Я имѣлъ изданіе — Simonis Starovolsci: Tractatus tres, Wratislaviae, 1733. Въ «Catalogus illustrium Poloniae scriptorum», № 36, Franciscus Scorina Theol., но въ текстѣ нѣтъ жизнеописанія Скорины, а только замѣчено при біографіи Глоговскаго: Similiter iustravimus libros Doctore Francisco Scorina Polocense interprete, Pragaе excussos.

университетъ находился въ рукахъ католическаго духовенства. Этимъ направлениемъ проникнуты были даже такіе факультеты, какъ юридическій и медицинскій. Медикъ, изучавшій Гипократа, Авицену и Галена, гербаріи¹ и астрологическія книги, долженъ былъ главнымъ образомъ имѣть въ виду религіозныя требованія: въ университетѣ отличатьсѣ благочестіемъ, а, по окончаніи ученія, призванный къ больному, долженъ былъ прежде всего давать ему совѣты о спасеніи души, о ея лѣченіи, а затѣмъ уже лѣчить тѣло. Такой взглядъ на докторовъ мы находимъ у Скорины въ предисловіи на книгу Судей: «всегда каемся греховъ своихъ, то посылаетъ намъ гдѣ богъ Пастырей и Докторовъ², они же научаютъ насъ противитися бесовскимъ покусамъ». Можетъ быть, этимъ же религіознымъ направлениемъ объясняется и литературная дѣятельность доктора Скорины, поддержанная еще состояніемъ письменности въ юго-западной Россіи, гдѣ, при отсутствіи школъ, какой бы то ни было науки и свѣтской литературы, только и мыслимы были религіозныя книги. Какъ медикъ своего времени, Скорина изображенъ на портретѣ (при книгѣ Сираха, 1517 года) съ «sphaera mundi»³, помѣщавшейся въ астрологическихъ книгахъ XVI вѣка; и самый гербъ его, изображенный на передней половинѣ столика (пульта), за которымъ работаетъ Скорина надъ переводомъ библіи (такъ онъ

1) L. Choulant: Handbuch der Bücherkunde für die ältere Medicin. Leipzig, 1841 года. Въ упомянутой выше описи книгъ короля Сигизмунда I въ числѣ латинскихъ книгъ называются «книги ликарскія на имя гербаръ».

2) Въ предисловіи къ Апостолу Скорина называетъ евангелиста Луку «въ лекарскихъ наукахъ Докторомъ пренавченнымъ».

3) Въ Императ. Публ. библ. «Compilatio Leupoldi ducatus Austriae filii de astrorum scientie» (1489 года), «Introductorium in astronomia Albumasaris abalacti» (1489 года); въ этихъ книжкахъ находимъ совершенно подобное изображеніе «sphaera mundi», съ раздѣленіями и съ астрологическими объясненіями этихъ раздѣленій.

изображенъ на портретѣ) соединеніе солнца и луны, въ видѣ человѣческихъ лицъ (гербъ этотъ повторяется и въ пражскихъ и въ виленскихъ изданіяхъ), быть можетъ, также относится къ астрологическимъ знакамъ¹.

Медицинскій факультетъ въ краковскомъ университетѣ, въ коллегію котораго въ 1505 году *Maciej z Miechowa Artium et Medicin. doctor* записалъ 600 червонныхъ злотыхъ², находился однако въ упадкѣ. Если справедливо указаніе Лукашевича, что въ началѣ XVI столѣтія въ краковскомъ университетѣ только въ 1526 году въ первый разъ Лука Носковскій докторизовалъ медика, то и Скорина долженъ былъ получить степень «доктора въ лекарстве»³, подобно другимъ воспитанникамъ краковского университета, за границей—въ Германіи, въ Италіи (преимущественно въ Бононіи), или въ Прагѣ. Къ сожалѣнію, въ началѣ XVI вѣка, по словамъ историка пражскаго университета⁴, нѣтъ никакихъ извѣстій о состояніи медицинскаго факультета въ Прагѣ. Во всякомъ случаѣ, послѣ 1506 года Скорина долженъ былъ покинуть Краковъ и отправиться дальше за границу, гдѣ мы его и застаемъ уже только въ 1517 году, въ Прагѣ. Остается совершенно темнымъ въ жизни Скорины періодъ отъ

1) Въ упомянутыхъ астрологическихъ книгахъ о лунѣ замѣчено: «*luna — intentio in scientias*». Изъ различныхъ отношеній солнца и луны выводили различныя предсказанія. Замѣчательно изображеніе солнца и луны, въ видѣ человѣческихъ лицъ, обращенныхъ лицами другъ къ другу, не соединенныхъ, въ иллюстрированной Хроникѣ Шеделя (о ней скажемъ еще дальше), при разсказѣ о рожденіи Александра Македонскаго, съ замѣчаніемъ о дурномъ предзнаменованіи: «*sol visus est pugnasse cum luna*». Соединеніе въ гербѣ Скорины должно было означать хорошее предзнаменованіе.

2) *Lukasiewicz: Historia szkół*, III (1851), стр. 27.

3) Иначе Скорина выражается о себѣ: «въ лекарскихъ наукахъ Докторъ», «въ наукахъ вызволенныхъ и въ лекарстве Докторъ», «въ наукахъ и въ лекарстве учитель», «ученый мужъ».

4) *W. Tomek: Geschichte der Prager Universität*, Prag (1849), стр. 150.

1506 до 1517 года. Съ 1517 по 1520 годъ мы имѣемъ печатныя книги Скорины, какъ свидѣтельства о его жизни и дѣятельности въ Прагѣ. Содержаніе этихъ книжекъ, на которыхъ мы остановимся въ слѣдующей главѣ, покажетъ непосредственное отношеніе литературной дѣятельности Скорины къ чешской литературѣ; къ сожалѣнію, въ замѣчаніяхъ самого Скорины, кромѣ названія мѣста изданія¹, нѣтъ указаній на возникновеніе и развитіе его типографской дѣятельности въ Прагѣ: Скорина ничего не говоритъ о началѣ типографіи, о приготовительныхъ работахъ къ ней, ея составѣ и сотрудникахъ. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ остановиться на состояніи чешскаго книгопечатанія, насколько оно относится къ возникновенію дѣятельности Скорины въ Прагѣ.

Состояніе чешскаго книгопечатанія², въ годы (1517—1520) дѣятельности Скорины, въ Прагѣ и вообще въ Богеміи объясняетъ намъ еще другія связи издательской и типографской дѣятельности Скорины съ Германіей. Еще Добровскій замѣтилъ въ

1) Къ указанію на Прагу, какъ мѣсто изданія своихъ книжекъ, Скорина прибавляетъ названія: «старое место, великое, славное». Первое названіе указываетъ на опредѣленную часть города Праги (это названіе встрѣчается и въ чешскихъ изданіяхъ: w starem Miestie Prazskem, in veteri Praga, рядомъ съ названіями — w menšim miestie Pražskem); остальные названія только эпитеты, подобные тѣмъ, которые употребляли издатели XVI вѣка.

2) По исторіи чешскаго книгопечатанія я пользовался слѣдующими пособиями: статей Добровскаго въ «Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen», Prag (1782); его же: Geschichte der Böhmischn Sprache, etc. Prag (1818); Karl Unger: «Neue Beiträge zur alten Geschichte der Buchdruck. in Böhmen», Neuere Abhandlungen der K. A., Prag (1795); Hanka: «České prvotisky», Časopis Českého Museum (1852), стр. 109—126 и 62—111; Sabina: Dějepis literatury českoslov. Prag (1866). Кромѣ того я пользовался экземплярами чешскихъ книгъ Император. Публ. библ.: библіей Пражской (1488), библіей Венеціанской (1506), библіями (1529, 1549), Новымъ Завѣтомъ (1498) и другими чешскими книгами, изданными въ первой половинѣ XVI вѣка, изъ которыхъ отмѣчу: O ruowodu cierkwe swate, 1522 года (см. у Ганки, стр. 89).

исторіи чешскаго книгопечатанія въ первыя два десятилѣтія XVI вѣка унадокъ типографскаго дѣла, для поднятія котораго чехи обращаются въ Венецію и въ нѣмецкіе города, въ которыхъ въ это время процвѣтала типографская дѣятельность, преимущественно въ Нюрибергъ и Аугсбургъ. Въ Прагѣ, напр., въ 1517 году вышло всего два изданія, оба сеймовыя рѣшенія, объ одномъ изъ которыхъ Ганка замѣчаетъ, что оно напечатано шрифтомъ первыхъ пражскихъ изданій (т.-е. въ родѣ Библіи 1488 года); въ 1518 году не вышло ни одного изданія; въ 1519 году явилось одно изданіе, съ хорошими гравюрами, рѣзанными на деревѣ: «Welmi piekna nowa Kronika aneb Historia.... Kraale Floria z Hispanij A geho milee panie Biantzeforze», etc. Это изданіе вышло изъ типографіи Яна Шмерговскаго (Jana Ssmershowského), который сталъ печатать въ Прагѣ еще въ 1513 году (одно изд.). Другой типографчикъ, извѣстный въ это время, представитель старой пражской типографіи (w Starém Miestie Pražském, v bijlého Iwa na owoczném trhu), Николаи Коначъ (Nicolaus finitor de Hodisskow, in lacu; Mikulass Konač na Lužu, z Hodisskova), издавшій еще въ 1510 году книгу съ гравюрами и съ собственными стихами — «Czeska Kronyka», съ 1517 по 1520 годъ издалъ только одно рѣшеніе сейма. Коначъ былъ не только типографчикъ, сопровождавшій свои изданія стихами и предисловіями, но и переводчикъ. Лучшая пора его дѣятельности относится къ 1514, 1515 и 1516 годамъ. Въ 1518 году, когда изъ пражскихъ типографій не вышло ни одного чешскаго изданія, въ Болеславѣ (w Boleslawi mladem) проявилъ особенную типографскую дѣятельность лѣкаръ Николаи Клаудіанъ (Mikulass Klaudyan lekař boleslavský), издававшій не только медицинскія и переводныя книги, но и религіозныя, между которыми замѣчательнъ чешскій Новый Завѣтъ съ чтеніями изъ Ветхаго Завѣта. Въ 1517 году Клаудіанъ началъ свою издательскую

дѣятельность на пользу чешскаго народа (yazyku Cžeskeho mohl službu vežiniti) печатаніемъ чешскихъ книгъ съ гравюрами въ Нюрнбергѣ въ типографіи мѣщанина нюрнбергскаго Гелцля (Jergonimus Hoeltzl, Hölzel). Замѣчательно, что нюрнбергскаго типографщика Гелцля подозрѣвали въ такомъ же отношеніи къ чешскимъ братьямъ, въ какомъ стоялъ къ нимъ его заказчикъ и ученикъ Николай Клаудіанъ. Въ 1517—18 году архіепископъ майнцскій издалъ запрещеніе, касавшееся преимущественно Гелцля, — издавать библейскія и другія книги на чешскомъ языкѣ, подѣ страхомъ изгнанія изъ города¹. Такимъ же отношеніемъ къ чешскимъ братьямъ объясняется болѣе позднее изданіе въ Нюрнбергѣ чешской библіи въ 1540 году (6-е изд., напечат. Leonhard Milchtaler)². Кромѣ Гелцля, въ 1520 году, въ Нюрнбергѣ, у типографщика Яна Штухса напечатано чешское изданіе: Hortulus animae, съ гравюрами, на средства Яна Шимара изъ Аугсбурга. Имена нюрнбергскихъ типографщиковъ Штухсовъ и особенно знаменитыхъ Кобергеровъ (издателей и книгопродавцевъ) связаны не только съ Прагой, но и съ Краковомъ³. Такимъ образомъ и польскія и чешскія отношенія къ нюрнбергскимъ типографщикамъ могутъ служить одинаково объясненіемъ непосредственнаго отношенія пражскихъ изданій Скорины по бумагѣ, шрифту и украшеніямъ къ нюрнбергскимъ изданіямъ.

Кромѣ Нюрнберга, нѣкоторыя чешскія книги въ самомъ началѣ XVI вѣка печатались въ Венеціи. Въ 1506 году вышло здѣсь замѣчательное изданіе чешской библіи, на которомъ мы остановимся подробнѣе, такъ какъ оно оказало особенное вліяніе на литературную дѣятельность Скорины. Венеціанское изданіе

1) Oscar Hase: Die Koberger, etc. Leipzig, 1885 стр. 248.

2) Тамъ-же, стр. 153.

3) Журналъ М. Н. Пр. 1883 года, ч. ССXXX. Н. Собко: Янъ Галлеръ, краковскій типографщикъ XVI вѣка, стр. 4—5.

было трэцімъ изданіемъ чешской бібліі, два первыя изданія ея вышлі въ Богеміі, въ концѣ XV вѣка. Первое изданіе чешской бібліі вышло въ 1488 году, «w slawnem Miestie Starem Pražskem». Въ послѣсловіи къ этой бібліі издатели ея, «slowutni mužie a miesstianee Pan Jan rytlik. a pan Seweryn Kramař... a pan Jan od čarpuow a pan Matieg od bieleho lwa» — говорятъ о помощи имъ ученыхъ мужей пражскихъ, «mužuow večenych Mistruow Pražskych: a ginych w zakonie božiem rozumnych... pomoczy przy wykladech slussnych a prawych», и о назначеніи изданія «naprzed ke czti a k chwale božie... a ku prospiechu wiernych Cžechow y Morawanow». Въ 1489 году явилось второе изданіе чешской бібліі въ Кутныхъ Горахъ (na horach Cutnach slawnych) ученаго Мартина з Tisnowa, который присоединилъ къ своему изданію гравюры. Венеціанское изданіе чешской бібліі 1506 года предприняли пражскіе мѣщане Jan Hlawsa, Wacław Sowa и Wuryan Lazar, причемъ воспользовались совѣтами ученыхъ мужей пражскихъ. Этимъ вліяніемъ ученыхъ объясняются значительныя отличія въ изданіи венеціанской бібліі отъ двухъ предыдущихъ, о чемъ мы еще скажемъ. Въ концѣ предисловія издатели помѣстили три щита съ своими инициалами. Въ обстоятельномъ послѣсловіи къ венеціанской бібліі называется не только типографчикъ (Petr Liechtenstejn z Kolijna na Raynie: Jakož gest pak ted'dole sám se podepsal obyčzegem swým kterýž przy giných knihách swého dijela zachowává — имено: Venetiis in Edibus Petri Liechtenstein Coloniensis Germani), но и корректоры (zpráwcy aneb korrrektorowee Jan Gindrzyšký z Zateče A Tomáss Molek z Hradeze nad Labem... tu knijehu zprawili tak, aby prostrannie každý mohl čyesti. A cžta rozumieti).

Приводимъ начало предисловія къ венеціанскому изданію 1506, объясняющее направленіе и назначеніе чешской бібліі:

«Buoh wieczný a nesmrtedlný: jakož gest Cyerkew swú swatú ohradil zákonem a pismy swatými: aby z tee ohrady newystupowala: ale tu se pásla. Teež takee rozum nás poyal w službu wijery: aby se tau zprawuge: mohl z pijssem swatých k blahoslawenstwíj przygijti. Ze pak wsseczka pijsma gruntownije a gistá: gsú nám w biblij sepsána. Yprotož Czechowee vžytek veliký zákona božyeho znagijce: aby to dobré: netoliko w Czeském národie: ale wssudy ginde mohlo se rozssyrzowati». Венеціанское изданіе чешской библии приписывается утраквистамъ, а назначеніе ея всего ближе касалось Польши, гдѣ уже въ XIV—XV вѣкахъ явились переводы чешской библии на польскій языкъ. Къ исторіи распространенія венеціанскаго изданія чешской библии относится и переводъ Скорины.

Мы уже упоминали объ отличіяхъ венеціанскаго изданія чешской библии отъ двухъ предыдущихъ изданій. Эти отличія состоятъ прежде всего, какъ упоминають о нихъ и издатели въ предисловіи, въ дополненіи состава библии четвертой книгой Ездры (въ первомъ пражскомъ изданіи помѣщены были только двѣ книги Ездры, во второмъ, кутногорскомъ, прибавлена третья книга, и то не вполнѣ, а только XV и XVI гл.) и затѣмъ — что особенно отличаетъ венеціанское изданіе отъ предыдущихъ изданій — во всѣхъ книгахъ ветхаго и новаго завіта въ первый разъ помѣщены «contynuaczij» и «concordancij». Первые состоятъ въ краткомъ содержаніи каждой отдѣльной книги библии, помѣщающемся въ началѣ каждой книги, и въ такомъ же краткомъ содержаніи каждой главы въ библейскихъ книгахъ; вторыя представляютъ указанія на поляхъ параллельныхъ мѣстъ въ книгахъ библии: отношеніе Ветхаго Завіта къ Новому и — отдѣльныхъ книгъ другъ къ другу. Concordantiae издавались на латинскомъ языкѣ и отдѣльно отъ библии въ XVI вѣкѣ, въ видѣ громадныхъ фолиантовъ. «Contynuaczij» и «concordancij» венеціанскаго изданія

повторяются, почти безъ измѣненій, и въ слѣдующихъ изданіяхъ чешской библии 1529, 1537, (1540 я не видалъ), 1549—77 годовъ. Но венеціанское изданіе, не смотря на его сходство съ послѣдующими изданіями, имѣетъ еще такія особенности въ текстѣ, которыя выдѣляютъ его въ ряду чешскихъ библий, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ. Особенно замѣчательно отношеніе венеціанскаго изданія къ слѣдующему за нимъ пражскому изданію 1529 года (Pawla Seweryna zkarij hory mĕsstĕnjna stareho miesta Pražskeho). Въ предисловіи издатель говоритъ о недостаткахъ изданія текста въ предыдущихъ чешскихъ библияхъ, сравнительно съ латинскимъ текстомъ (na mnohých mijestech někde přeskočeno a někde nedoloženo bylo podle textu Latinského). Многочисленныя исправленія его въ текстѣ библии исполнены при помощи «*miżuow w zakone wĕenyuch a ktomu zwolených*». Это чрезвычайно характерное указаніе на участіе пражскихъ ученыхъ, повторяющееся во всѣхъ изданіяхъ чешской библии XV—XVI вѣковъ, какъ другое подобное же указаніе на назначеніе чешской библии «*ne toliko doma mezu swými, какъ говоритъ Северинъ въ своемъ изданіи, ale mezu suzými národy*». Каждое изданіе чешской библии являлось такимъ образомъ, говоря словами Северина, «*zkzwelebenij yazyku Cžeskeho*». А то и другое можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ отношеній Скорины къ Прагѣ, куда его привлекала и слава пражскихъ толкователей св. писанія, и распространеніе и совершенствованіе чешской библии (второй полной библии въ славянскомъ мірѣ послѣ первой полной библии — церковно-славянской), если даже не искать ближайшихъ отношеній Скорины къ пражскому университету и къ пражскимъ типографіямъ¹. Съ послѣдними Скорина раздѣляетъ одинаковыя отно-

1) Говоря о печатаніи книжекъ, Скорина во всѣхъ своихъ изданіяхъ употребляетъ тѣ же самыя выраженія, какія встрѣчаются постоянно только въ

шенія къ нѣмецкимъ типографіямъ. Достаточно обратить вниманіе на гравюры и украшенія въ чешскихъ печатныхъ библіяхъ, чтобы видѣть ихъ близкое отношеніе къ заграничнымъ изданіямъ. Мы не видали кутногорской библии и потому не можемъ говорить о ея гравюрахъ и украшеніяхъ. Но въ современномъ кутногорской библии пражскомъ изданіи Новаго Завѣта (1498) почти всѣ гравюры составляютъ повтореніе нѣмецкихъ гравюр¹. Въ венеціанскомъ изданіи 1506 года повторены гравюры венеціанскаго же изданія латвиской библии (напр. 1498 года). Въ пражскомъ изданіи 1529 гравюры и украшенія сходны съ нѣмецкими изданіями библии (напр. Нюрнбергъ, 1522 года и особенно Lugduni, 1521). Еще поразительнѣе и ближе гравюры и украшенія въ слѣдующихъ изданіяхъ чешской библии по сходству съ нѣмецкими; напр. въ изданіи 1549 года повторены прекрасныя гравюры, явившіяся впервые въ изданіи библии Лютера, въ Виттембергѣ. Объ отношеніи гравюръ и украшеній Скорины къ нѣмецкимъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Чтобы дополнить скудныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Скорины въ Прагѣ, остановимся на нѣкоторыхъ указаніяхъ предисловіи и послѣсловіи Скорины, которыя разъясняютъ отношеніе Скорины къ типографскому дѣлу и развитіе его издательской дѣятельности въ Прагѣ.

чешскихъ книгахъ: «вытиснена книга» (wytisstiena), «велѣлъ тиснути», «доко-
нана книга» (dokonana); только въ Апостолѣ (Вильна, 1525) Скорина разъ употребляетъ выраженіе: «выбито» посланіе ап. Павла къ Галатамъ. Это выраженіе «выбить, битыя книги» встрѣчается часто въ актахъ юго-западной Россіи. Въ московскихъ изданіяхъ «друковать», тоже въ изданіяхъ юго-западной Россіи до конца XVI вѣка, когда подъ вліяніемъ московскихъ и острожскихъ изданій является выраженіе «печатать, напечатана книга».

1) Въ печатныхъ нѣмецкихъ библіяхъ конца XV вѣка и въ изданіи — «Postilla Guilermi super Epistolas et Evangelia», Нюрнбергъ, 1481 года (перепечатанъ. 1488, 1493, 1496, 1499). См. Oscar Hase: Die Koberger, стр. 459. Я пользовался экз. Императ. Публ. библ.

Во всѣхъ послѣсловіяхъ Скорины мы встрѣчаемъ выраженіе: книга выдана «повелѣніемъ», рядомъ съ выраженіями «працею и выкладомъ (переводомъ) Скоринны». Яснѣе выражено въ послѣсловіи къ книгѣ Есопръ: «выложена працею и вытиснена повелѣніемъ Скоринны». Въ послѣсловіяхъ къ Псалтири, къ Іову и къ Притчамъ, къ первымъ тремъ изданіямъ, Скорина опредѣленно выражается: «казалъ есми тиснути». Выраженіе «повелѣніемъ» встрѣчается часто и въ другихъ церковно-славянскихъ изданіяхъ, предшествующихъ и современныхъ Скоринѣ¹; но въ этихъ изданіяхъ отмѣчены и имена типографчиковъ, трудившихся «рукодѣліемъ». Повелѣвавшіе отмѣчаютъ часто свою дѣятельность въ работѣ предварительнаго списыванія текста для печатанія: «написахъ, списахъ». И въ печатныхъ предисловіяхъ Скорины вездѣ удержаны выраженія его рукописнаго текста (написаны, написалъ). Приведенныя выраженія о «повелѣніи» свидѣтельствуютъ о томъ, что собственно типографское дѣло, при издательской дѣятельности Скорины въ Прагѣ, лежало на особыхъ лицахъ, что самъ Скорина не былъ типографчикомъ. Тѣмъ свободнѣе онъ могъ заниматься въ Прагѣ литературной дѣятельностью: переводомъ св. писанія и составленіемъ предисловія къ своимъ книжкамъ, и, по всей вѣроятности, коррективаніемъ ихъ, если не было при немъ русскихъ помощниковъ.

Въ послѣсловіяхъ Скорины кромѣ мѣста изданія отмѣчается еще только время выхода изъ типографіи каждой отдѣльной книжки, причемъ отмѣчается не только годъ, но и мѣсяць и число выхода книжки. Это даетъ намъ возможность сдѣлать нѣсколько заключеній о развитіи издательской дѣятельности Скорины въ Прагѣ. Раньше Псалтири, изданной Скориною 6 авгу-

1) См. по Описанію славяно-русск. книгъ Каратаева (1883), стр. 16, 28, 73, 87, 93, 103, и др.

ста 1517 года, неизвѣстно другаго болѣе ранняго изданія, и потому, какъ книжка Псалтирь, такъ и время ея выхода, могутъ считаться началомъ издательской дѣятельности Скорины въ Прагѣ. Почти черезъ мѣсяць, послѣ изданія Псалтири, явилась книга Іова, 10 сентября 1517; черезъ мѣсяць же книга Притчей, 6 октября. Слѣдующая книга Премудрость Сираха вышла только черезъ два мѣсяца — 5 декабря. Такой большой промежутокъ объясняется тѣмъ, что книга Сираха состоитъ изъ 81 листа, тогда какъ въ книгѣ Іова 51 л.; а въ книгѣ Притчей 48 л. Слѣдующая небольшая книжка, Екклезіастъ, въ 18 л., явилась 2 января 1518 года. Несомнѣнно, что съ такимъ небольшимъ изданіемъ, какъ Екклесіастъ, приготовлялись къ печати и слѣдующія изданія: Пѣснь Пѣсней, вышедшая 9 января (11 л.) и Премудрость Соломона 19 января (32 л.). Четыре книги Царствъ, слѣдовавшія за Премудростью Соломона, въ 241 л., были окончены только 10 августа 1518 года. Это показываетъ, что Скорина желалъ выпустить всѣ книги Царствъ вмѣстѣ, такъ какъ помѣстилъ при нихъ одно большое предисловіе. Но типографія работала почти такъ же, какъ и въ предыдущее время, приготовляя отъ 40 до 50 печатныхъ листовъ (не въ нынѣшнемъ смыслѣ, а въ смыслѣ обозначенія листовъ, какъ въ рукописяхъ; во всѣхъ изданіяхъ Скорины употреблена кирилловская нумерація на одной изъ страницъ каждаго листа). Послѣ этого быстрого появленія книги за книгой наступаетъ промежутокъ почти въ пять мѣсяцевъ, когда наконецъ 20 декабря 1518 года появляется небольшая книжка Іисуса Навина, въ 48 л. Точно также страннымъ представляется появленіе только 9 февраля 1519 года еще меньшей книжки Юдпѣ, въ 26 л. Въ этотъ послѣдній годъ издательской дѣятельности Скорины въ Прагѣ (мы не имѣемъ изданій 1520 года) только на одномъ изданіи находимъ точное обозначеніе времени появле-

нія: 5 декабря 1519 года, книга Судей. Остальные книги: Пятюкнижіе Моисея, Руоь, Есопрь, Плачь Іереміи и Даніилъ безъ обозначенія мѣсяцевъ и дней появленія, съ однимъ указаніемъ 1519 года¹. Въ слѣдующей главѣ мы попытаемся установить взаимное отношеніе этихъ изданій.

Сравнивая изданія Скорины по годамъ и по общему числу листовъ въ годъ, находимъ, что въ 1517 году издано 4 книги, въ 222 л.; въ 1518 году 8 книгъ, въ 348 л., и въ 1519 году 10 книгъ, въ 524 л. Слѣдовательно, въ первый годъ издавалось до 40 листовъ въ мѣсяць, во второй годъ до 30 листовъ, а въ 1519 году до 43 л. Если примѣнить этотъ расчетъ къ первому изданію Псалтири, состоящей изъ 142 л., то можно думать, что начало типографской дѣятельности Скорины въ Прагѣ относится къ апрѣлю 1517 года. Примѣняя такой же расчетъ къ виленскимъ изданіямъ Скорины, около 1525 года, увидимъ, что типографская дѣятельность его въ Вильнѣ продолжалась два года, т.-е. менѣе, чѣмъ въ Прагѣ. Что же были за причины прекращенія типографской и издательской дѣятельности Скорины— сначала въ Прагѣ, а затѣмъ и въ Вильнѣ? Мы можемъ привести нѣкоторые объясненія только для послѣдняго прекращенія въ Вильнѣ. Объясненія эти заключаются въ обстоятельствахъ частной жизни Скорины въ Вильнѣ и въ исторіи города. Запутанныя дѣла брата Скорины—Ивана, съ которыми докторъ Ф. Скорина былъ связанъ нераздѣленнымъ родовымъ полоцкимъ имуществомъ, и тяжба съ жениными родными изъ-за виленскаго имущества навлекли на доктора Ф. Скорину рядъ непріятностей, которыя несомнѣнно должны были отвлечь его отъ любимаго дѣла. Скоринѣ пришлось испытать тяжелыя притѣсненія судей,

1) У Каратаева (Описание славяно-русск. книгъ, 1883 года) изданія Скорины 1519 года расположены въ порядкѣ книгъ полной библіи.

на которыхъ онъ принужденъ былъ жаловаться королю. Въ королевской грамотѣ, явившейся въ 1532 году, конечно, уже много времени спустя послѣ всѣхъ непріятностей, которымъ подвергся Скорина, упоминается, между прочимъ, о конфискаціи имущества Скорины, привлеченіи его къ исполненію разныхъ постороннихъ обязанностей, а всего болѣе о судебной волокитѣ королевскихъ чиновниковъ, отъ которой король и освобождаетъ Скорину. Вѣроятно эти непріятности, а особенно конфискація имущества, и были причиной прекращенія типографской дѣятельности Скорины въ Вильнѣ. Надо принять также во вниманіе страшныя бѣдствія, постигшія Вильну: въ 1530 году пожаръ, обратившій въ пепель двѣ трети города, и въ 1533 году страшное моровое повѣтріе¹.

Въ 1535 году докторъ Ф. Скорина, по всей вѣроятности, еще жилъ въ Вильнѣ, потому что по дѣламъ его брата, разбиравшимся въ Полоцкѣ, упоминается и докторъ Францискъ Скорина, но ничѣмъ не намекается, чтобы онъ уже умеръ.

1) Проф. Васильевскій: Очеркъ исторіи города Вильны. Памятники Русской старины въ западн. губери. Имперіи, вып. 5, стр. 31—32.

ГЛАВА II

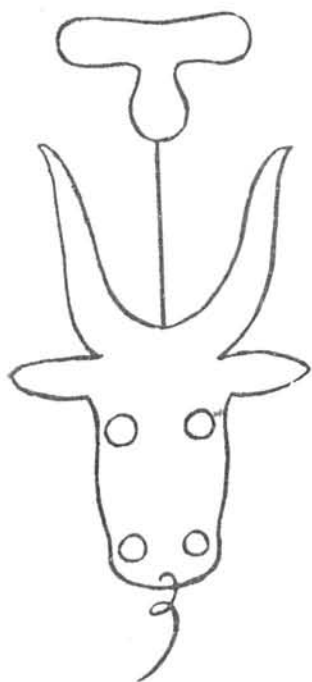
1. Пражскія изданія Скорины въ типографскомъ отношеніи. — Предшествующія церковно-славянскія изданія. — Типографскія особенности пражскихъ изданій Скорины. — Заключенія о ихъ происхожденіи.

Въ предыдущей главѣ мы отчасти уже коснулись отношенія пражскихъ изданій Скорины къ чешскому книгопечатанію, насколько намъ позволяли пособія. Переходя къ особенностямъ пражскихъ изданій Скорины, остановимся прежде всего на отношеніи ихъ къ предшествующимъ церковно-славянскимъ изданіямъ.

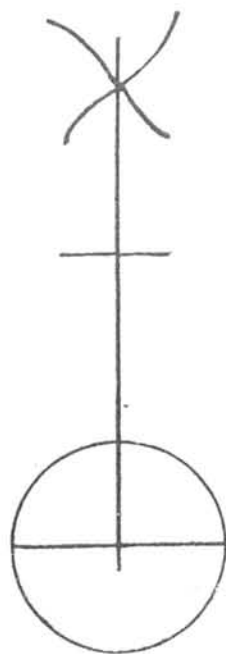
Предшествующія Скоринѣ церковно-славянскія изданія (Октоихи, Часословы, Тріоди, Псалтири Слѣдованья и Евангелія), въ листъ и въ четверку, располагаются слѣдующимъ образомъ по мѣсту и времени ихъ появленія (отмѣчаемъ при этомъ и число экземпляровъ): Краковъ, 1491 (5); Венеція, 1493 (1); Цѣтшьє, 1494—95 (3); Угровлахія, съ конца XV или начала XVI вѣка до 1512 (3). Въ 1519 году, въ годъ прекращенія дѣятельности Скорины въ Прагѣ, въ Венеціи возникаетъ типографская дѣятельность Божидача Вуковича.

По происхожденію, всѣ названныя церковно-славянскія изданія связаны или съ нѣмецкими изданіями, или съ итальянскими, преимущественно съ венеціанскими. Для изданій Фѣоля рѣзаль и отливалъ буквы нѣмецкій мастеръ Рудольфъ Борддорфъ изъ Брауншвейга. Мы не имѣемъ венеціанскаго изданія 1493 года,

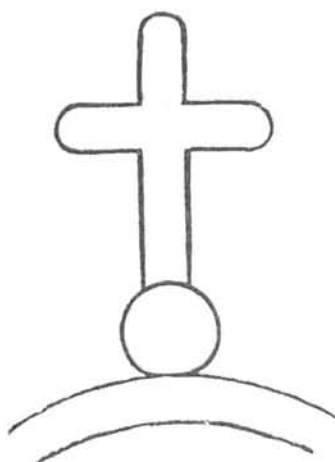
В В Е Е Δ Δ 3 3 0 0 P P C C T T

1

3

2

но по дальнѣйшимъ церковно-славянскимъ изданіямъ въ Цѣтнѣ, въ Венеціи можно видѣть связь ихъ съ венеціанскими изданіями. Угровлахійскія изданія стоятъ особо, какъ отъ краковскихъ, такъ и отъ цѣтнѣскихъ и венеціанскихъ изданій. По бумажнымъ знакамъ и нѣкоторымъ заставкамъ можно думать о вліяніи нѣмецкихъ мастеровъ. Въ отношеніи къ совершенству типографскаго искусства, изъ всѣхъ названныхъ изданій выдѣляются цѣтнѣскія и за ними венеціанскія изданія. Извѣстно, что первопечатныя книги тѣсно связаны съ рукописями: латинскія, нѣмецкія, французскія и славянскія иконабулы воспроизводятъ рукописи такъ, что на первый взглядъ трудно отличить печатную книгу отъ рукописной¹. Къ такимъ изданіямъ изъ всѣхъ церковно-славянскихъ изданій ближе всего подходятъ краковскія изданія Фѣола. Въ цѣтнѣскихъ изданіяхъ мы встрѣчаемъ уже много типографскихъ украшеній: начальныя большія буквы въ рамкахъ и красивыя заставки съ гербами. Не смотря на видимое развитіе типографскаго искусства въ церковно-славянскихъ изданіяхъ, ихъ объединяють общія черты, объясняющіяся отношеніемъ къ церковно-славянскимъ рукописямъ. Таково прежде всего отсутствіе выходныхъ листовъ. Обыкновенно книга, какъ всякая выдающаяся рукопись, начинается заставкой (исключительной принадлежностью церковно-славянскихъ изданій), подъ которой помѣщается краткое заглавіе или всей книги, или первой части, безъ упоминанія объ обстоятельствахъ изданія и имени издателя; затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ текстъ, заканчивающійся послѣсловіемъ. Мало того, подобно списателямъ въ рукописныхъ

1) Замѣчательно въ этомъ отношеніи послѣловіе къ пражской чешской Псалтири (1487), въ которомъ издатели предупреждаютъ читателей не смѣшивать эту книгу съ рукописями: «Gsu pak knijehy tyto ne perem psany ani obyčezem obecniem skrze piesarze zpuosobeny ale rytymi na twrdem komu litteram velmi wtipnym bichem včynieny a vytiskany».

послѣсловіяхъ, издатели печатной книги просятъ прощенія за свои ошибки и предлагаютъ «реписующимъ» исправлять ихъ книги; приче́мъ постоянно указывается, что книга «написана» такимъ-то, послѣ чего уже упоминается и имя трудившагося «рукодѣлемъ», т.-е. типографщика. Изъ послѣсловій юго-славянскія — цѣтвнѣскія, венеціанскія — и даже угровлахійскія отличаются обширнымъ содержаніемъ, между тѣмъ какъ краковскія и пражскія Скорининскія послѣсловія отличаются краткостью. Къ общимъ чертамъ первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ относятся еще слѣдующія: расположеніе текста на каждой страницѣ въ одну колонну, въ одинъ столбецъ, значительная величина строчныхъ буквъ и разстояній между строчками (въ книгахъ, напечатанныхъ латинскимъ и готическимъ шрифтомъ, буквы относительно меньше, расположены тѣснѣе) и отсутствіе нумераціи по страницамъ или листамъ (послѣднее встрѣчаемъ впервые у Скорины). Во всѣхъ церковно-славянскихъ изданіяхъ до Скорины мы встрѣчаемъ только означеніе числа тетрадей, обыкновенно на начальныхъ листахъ каждой тетради, внизу страницы (только у Фѣоля нѣсколько тетрадей въ Минеяхъ перемѣнены по листамъ). Это приѣмъ всѣхъ первопечатныхъ изданій, продолжавшійся еще и въ изданіяхъ начала XVI вѣка.

Книги Скорины въ типографскомъ отношеніи далеко превосходятъ не только предшествующія церковно-славянскія изданія, но даже и современныя Скоринѣ венеціанскія. Несомнѣнно, что Скорина зналъ о предшествующихъ церковно-славянскихъ изданіяхъ, но мы увидимъ еще, въ какой мѣрѣ могло выразиться вліяніе предшествующихъ церковно-славянскихъ изданій на собственныя изданія Скорины.

Переходимъ къ разсмотрѣнію пражскихъ изданій Скорины въ типографскомъ отношеніи: по формату книгъ, бумажнымъ

(или водянымъ) знакамъ, нумераціи листовъ, выходнымъ листамъ, по шрифту и украшеніямъ вмѣстѣ съ гравюрами.

По формату, все пражскія изданія Скорины относятся къ книгамъ въ 4-ку¹. Самъ Скорина называетъ свои изданія «малыми книжкамъ». Неизвѣстно, почему онъ избралъ этотъ форматъ въ 4-ку, а не въ листъ: потому ли, что не могъ издать сразу всей, или большей части библии, или потому, что хотѣлъ сдѣлать болѣе доступными по цѣнѣ свои «малые книжки». Первое, намъ кажется, вѣроятнѣе. Среди латинскихъ, нѣмецкихъ и другихъ библий въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, въ 4-ку можно отмѣтить только изданіе 1498 года латинской библии въ Венеціи, да отдѣльныя изданія нѣкоторыхъ книгъ: Псалтири, Іова, Екклесіаста и Новаго Завета².

Мы отмѣтили слѣдующіе бумажные знаки въ изданіяхъ Скорины: въ Псалтири 1517 (по единственному экземпляру Хлудова³), на лл. 95, 101, 103 и 140 бычачья голова (см. у насъ таблицу съ бумажными знаками, № 1); на л. 137 четвероконечный крестъ (тамъ-же, № 2). Изъ всехъ остальныхъ книгъ библии мы могли отмѣтить только въ экземплярѣ петербургской духовной академіи книги Иисуса Сираха, на лл. 35 и 38 бумажный знакъ (см. таблицу съ бумажными знаками, № 3). На значеніе этого бумажнаго знака въ изданіяхъ Скорины указываетъ изображеніе его

1) Представляемъ измѣренія пражскихъ изданій Скорины въ миллиметрахъ. Наборъ на страницѣ (въ 22 строки)—длина 0,140; ширина 0,109; высота строчной буквы отъ 0,0025 до 0,003; высота большой буквы 0,004.

2) Panzer: *Annales Typographici*; см. Lipsiae, 1506; Parisiis, 1516 и др.

3) Первая пражская книжка Скорины — Псалтирь, отличающаяся отъ остальныхъ бумажными знаками, нумераціей внизу страницы, отличается нѣсколько и по формату, замѣтному по числу строкъ и буквъ въ строкѣ. Въ Псалтири по 20 строкъ на страницѣ (во всехъ остальныхъ книжкахъ по 22, рѣдко по 21) и по 30 буквъ въ строкѣ (во всехъ остальныхъ по 40 буквъ), среднимъ числомъ.

въ большой буквѣ (въ рамкѣ) *У*, вмѣстѣ съ гербомъ Скорины, изображающимъ соединеніе солнца и луны, въ видѣ человѣческихъ лицъ (см. въ книгѣ Іова л. 19, въ книгѣ Сираха л. 50, и проч.). Всѣ отмѣченные бумажные знаки Скорины мы нашли въ аугсбургскихъ изданіяхъ извѣстнаго типографика и владѣльца прекрасной бумажной фабрики въ Аугсбургѣ Шёншпергера (Johann Schönsperger, 1481—1523¹⁾).

Мы уже упоминали, что въ изданіяхъ Скорины впервые введена нумерація по листамъ (оборотная страница остается безъ означенія), причемъ, подобно церковно-славянскимъ рукописямъ, приняты и кирилловскія цифры. Въ латинскихъ, чешскихъ и нѣмецкихъ изданіяхъ только въ XVI вѣкѣ встрѣчается нумерація римскими цифрами.

Выходной листъ каждой отдѣльной книжки Скорины, отмѣченный буквой *а* по кирилловской нумераціи, занятъ¹⁾ обыкновенно гравюрой, подъ которой помѣщается заглавіе книги съ указаніемъ на переводъ доктора Франциска Скорины «Словоцка»: все это напечатано большими заглавными буквами съ одной начальной буквой въ рамкѣ съ украшеніями. На выходномъ листѣ книги Іова помѣщено кромѣ того четверостишіе. Но особенно выдѣляется выходной листъ ко всей библии при книгѣ Бытія, состоящій изъ четырехугольной бордюрной рамки и киноварнаго заглавія въ срединѣ: «Бівлія Руска выложена докторомъ Францискомъ Скориною», и проч. Всѣ эти виды выходныхъ листовъ можно видѣть и въ латинскихъ, нѣмецкихъ, чешскихъ,

1) Мы сравнивали бумажные знаки непосредственно по рукописямъ Императорской Публичной бібліотеки, въ особенности: Postilla Николая Лирана и Liber croniarum cum figuris, напр. 1497 года, и др. О Шёншпергерѣ см. Zarf: Augsburgs Buchdruckergeschichte (1786) и Falkenstein: Geschichte der Buchdruckerkunst (1840), стр. 159—161. Бумага Шёншпергера славилась по своей бѣлизнѣ и крѣпости.

ЦАРЬ СЛАВНЫ

польскихъ и другихъ изданіяхъ конца XV и первой половины XVI вѣка, въ 4-ку. Однако Скорина придерживается и заставокъ (какъ въ предшествующихъ церковно-славянскихъ изданіяхъ), помѣщая ихъ передъ самымъ началомъ каждой книги, послѣ предсловія, и повторяя подъ заставкой заглавіе книги, но съ опущеніемъ своего имени. О заставкахъ, какъ гравюрахъ, мы будемъ говорить дальше, теперь же остановимся на шрифтѣ Скорины.

Шрифтъ представляется самымъ важнымъ и выдающимся явленіемъ типографскаго искусства. По шрифту, старопечатныя изданія можно раздѣлить на первичныя и подражательныя. О послѣднихъ можно составить себѣ понятіе, если взглянуть на юго-славянскія изданія XVI вѣка и цѣтинскія, венеціанскія, на нѣкоторыя западно-русскія и московскія, на несвижскія и Скорининскія; но для шрифта Скорины въ предшествующихъ церковно-славянскихъ изданіяхъ мы не находимъ прямаго оригинала. Шрифтъ Скорины представляетъ довольно сложное явленіе, какъ по размѣру буквъ, такъ и по ихъ формѣ: одна и та же буква, большая и строчная, представляется въ нѣсколькихъ видахъ. Въ строчномъ шрифтѣ Скорины мы находимъ двоякую форму слѣдующихъ буквъ: в, д, е, з, о, р, с, т (см. у насъ таблицу съ буквами). Эти двойныя изображенія одной и той же буквы, при полномъ отсутствіи ж, ѝ, ѥ, ѧ, при преобладаніи и (восьмиричнаго надъ десятиричнымъ), указываютъ на церковно-славянскія рукописи западно-русскаго письма XV — XVI вѣковъ. Большія буквы Скорины представляютъ по своей формѣ еще больше разнообразія. Прежде всего мы можемъ отличить три вида большихъ буквъ: обыкновенныя большія буквы, начинающія первыя слова заглавій, и буквы въ рамкахъ съ украшеніями. Оставляя украшенія буквъ до разсмотрѣнія гравюръ, отмѣтимъ разнообразныя начертанія однѣхъ и тѣхъ же большихъ буквъ во всеѣхъ трехъ видахъ. Осо-

бенно разнообразно начертаніе буквъ Ѡ, В, К, М, Ч. Это разнообразіе большихъ буквъ указываетъ и на различное происхожденіе ихъ. Кромѣ начертаній, соответствующихъ церковно-славянскимъ рукописямъ и предшествующимъ Скоринѣ церковно-славянскимъ изданіямъ, нѣсколько начертаній большихъ буквъ несомнѣнно составляютъ подражаніе чешскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ. Таковы начертанія буквъ: А, В, К, М, Н (см. у насъ таблицу съ буквами). Кромѣ того, названный нами выше второй видъ большихъ буквъ, по своему рисунку, съ прибавленіемъ второй черты и кружочковъ, представляетъ также подражаніе чешскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ конца XV и начала XVI вѣка. Широкое употребленіе большихъ буквъ у Скорины не только въ началѣ словъ, но и въ собственныхъ именахъ и даже въ частицахъ передъ собственными именами, составляетъ также подражаніе чешскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ XV — XVI вѣковъ. Замѣчательна въ изданіяхъ Скорины выдержанность церковно-славянскаго шрифта и кирилловской нумераціи, тѣмъ не менѣе въ одной изъ гравюръ на щитѣ находимъ *W*. Чтобы объяснить происхожденіе шрифта Скорины, необходимо признать, кромѣ искусства чешскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ — граверовъ и литейщиковъ, работавшихъ на Скорину, — еще значительную степень каллиграфическаго искусства самого Скорины, которое выработалось подъ вліяніемъ церковно-славянскаго и «рускаго» (въ актахъ, грамотахъ) письма юго-западной Россіи конца XV и начала XVI вѣка. Подпись подъ портретомъ Скорины представляетъ замѣчательную церковно-славянскую вязь, первая буква которой *д*, въ родѣ глаголической, изображена такъ же, какъ въ западно-русской подписи 1518 года на листахъ кievской Псалтири 1397 года, принадлежащей Императорскому Обществу Любителей древней письменности. Не лишены значенія и слѣдующія указанія Скорины на связь его

собственнаго «письма», его рукописей, съ печатнымъ шрифтомъ. Въ предисловіи къ книжкѣ Плача Іереміи Скорины замѣчаетъ: «имена словъ (названія еврейской азбуки, на которыя раздѣляется въ его изданіи текстъ каждой главы Плача) великимъ писмомъ роздѣлене межѣ стихами положены суть». Точно также въ предисловіи къ книгѣ Пѣснь Пѣсней, въ которой раздѣленія главъ напечатаны кинноварью, Скорина говоритъ: «во книзе сѣ четырьми гласы черленнымъ писмомъ написаны суть». Къ сожалѣнію, рукописи Скорины не дошли до насъ. Замѣтимъ еще, что шрифтъ Скорины, по размѣру и правильности буквъ, отличается отъ письма актовъ и грамотъ начала XVI вѣка. Ближе шрифтъ Скорины къ полууставному письму русскихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и нѣкоторыхъ грамотъ на пергаментѣ, писанныхъ въ юго-западной Россіи въ XV вѣкѣ (напр. Литовск. Метрика: № 54, отъ 1485 года).

Намъ остается сказать еще объ украшеніяхъ, въ видѣ заставокъ и рисунковъ при большихъ буквахъ въ рамкахъ, и наконецъ о гравюрахъ. Заставки Скорины хотя и связаны съ церковно-славянскими рукописями и изданіями, какъ мы упоминали выше (въ латинскихъ, нѣмецкихъ, чешскихъ и др. изданіяхъ нѣтъ заставокъ, а есть только украшенія въ видѣ бордюровъ при картинахъ, при заглавіяхъ, при буквахъ), но рисунокъ ихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ нѣмецкимъ гравюрамъ. Въ концѣ XV, въ началѣ XVI вѣка громадной славой въ Германіи пользовались нюрнбергскія изданія съ гравюрами. Выдающимися изданіями, особенно знаменитыхъ нюрнбергскихъ типографщиковъ и книжныхъ торговцевъ Кобергеровъ¹, пользовались всѣ нѣмецкіе типографщики, переиздавая тѣ же самыя

1) Выше мы уже называли изслѣдованіе Oscar Hase: Die Koberger. Leipzig (1885).

гравюры, или только уменьшая ихъ. Особенно часто переиздавались слѣдующія нюрнбергскія изданія: библія съ картинами (1483), иллюстрированная Хроника Шеделя, на латинскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ (1493), и Postilla Николая Лирана (1481). Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ изданій, по числу гравюръ (до 2000) и по ихъ совершенству, представляется Хроника Шеделя. Большая часть рисунковъ въ этой Хроникѣ исполнена Михаиломъ (Wohlgemuth), учителемъ А. Дюрера. Упомянутый выше аугсбургскій типографчикъ Шёншпергеръ переиздалъ эту Хроникку, какъ и вышеупомянутыя изданія Кобергеровъ, нѣсколько разъ. Мы увидимъ, что многія гравюры Скорины стоятъ въ непосредственной связи съ названными изданіями и особенно съ Хроникой Шеделя.

Заставки Скорины двоякаго рода: большія, съ человѣческими фигурами, и малыя, въ видѣ листковъ, съ бѣлыми рисунками на черномъ фонѣ изъ цвѣтовъ, листьевъ, а одна заставка представляетъ тогдашнюю арматуру. Большія заставки имѣютъ всегда въ срединѣ извѣстный гербъ Скорины — соединеніе солнца и луны, по бокамъ котораго помѣщаются человѣческія фигуры: два амура, на другой заставкѣ — двѣ поясныя фигуры мужчины и женщины, и на третьей — двое бородатыхъ мужчинъ, опершихся на бѣлыя нѣмецкіе щиты. Всѣ эти фигуры въ отдѣльности, а послѣднія и вмѣстѣ, можно видѣть въ Хроникѣ Шеделя. При большихъ буквахъ въ рамкахъ украшенія состоятъ обыкновенно изъ плодовъ, цвѣтовъ, листьевъ, рыбъ, птицъ, звѣрей и людей. Буквы съ человѣческими фигурами въ рамкахъ еще въ XV вѣкѣ извѣстны были въ изданіяхъ алфавитовъ¹. Буквы Скорины отличаются замѣчательнымъ совершенствомъ и превосходятъ буквы чешской библіи 1529 года и многія нѣмецкія изданія. Мы уже

1) Falkenstein: Geschichte der Buchdruckerkunst (1840), стр. 59—60.